

The title is presented on a central, embossed scroll that appears to be unrolled. The scroll is flanked by decorative laurel wreaths on both sides. The text is printed in a gold, serif font.

ХАРИТОН
ПОВЕСТЬ О ЛЮБВИ
ХЕРЕСЯ И КАЛЛИРОИ

ΧΑΡΙΤΩΝΟΣ

ΤΑ ΠΕΡΙ
ΧΑΙΡΕΑΝ
ΚΑΙ ΚΑΛΛΙΡΟΗΝ

Х А Р И Т О Н

П О В Е С Т Ъ О Л Ю Б В И Х Е Р Е Я И К А Л Л И Р О И

ПЕРЕВОД С ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО
И КОММЕНТАРИИ
АКАДЕМИКА И. И. ТОЛСТОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД
1 9 5 4

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
„ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ“

Серия основана академиком *С. И. Вавиловым*

Академик *В. П. ВОЛГИН* (председатель), академик *В. В. ВИНОГРАДОВ*,
член-корреспондент АН СССР *Н. И. КОНРАД*, член-корреспондент
АН СССР *С. Д. СКАЗКИН*, академик *М. Н. ТИХОМИРОВ*, член-
корреспондент АН СССР *Д. Д. БЛАГОЙ*, член-корреспондент АН СССР
Д. С. ЛИХАЧЕВ, профессор *И. И. АНИСИМОВ*, доктор исторических
наук *С. Л. УТЧЕНКО*

ПОВЕСТЬ
О ЛЮБВИ
ХЕРЕЯ И КАЛЛИРОИ

КНИГА ПЕРВАЯ

1

Харитон афродисиец,¹ писец ретора Афинагора,² расскажу я историю одной любви, происшедшую в Сиракузах.³

Гермократ, сиракузский стратег, знаменитый победитель афинян,⁴ имел дочь, Каллирою по имени, девушку замечательную, гордилась которою вся Сицилия. Ибо не человеческой, а божественной была она красоты, не красоты даже nereиды⁵ или какой-нибудь нимфы гор, а красоты самой Афродиты-девы.⁶ Повсюду бежала об ее наружности слава, и стекались женихи в Сиракузы к ней, властители и сыновья тираннов, и не из одной лишь Сицилии, но и из Италии и из Малой Азии.

Но возжелал, однако, Эрот⁷ связать ее узами брака по собственному выбору.

Каким скульпторы и живописцы изображают нам Ахиллеса,⁸ Нирея,⁹ Ипполита¹⁰ или Алкивиада,¹¹ таким выглядел и выдававшийся среди всех сиракузян красотой своей юный Херей, отец которого Аристон по важности положения занимал в Сиракузах второе после Гермократа место. Между Аристоном и Гермократом существовало давно политическое соперничество, так что породниться готовы были они скорее с кем угодно, только бы не друг с другом. Но любит Эрот борьбу и тешится он такими удачами, какие происходят вопреки ожиданиям. И вот какой подстерег он случай.

Было народное празднество Афродиты, и почти все женщины направились в храм, куда и Каллирою, до той поры никуда еще не выходящую, повела мать по приказу отца, велевшего дочке пойти поклониться богине. А сияющий, словно звезда, возвращался как раз в это время к себе Херей после гимнастических упражнений: как золото на серебре, играл на его лучезарном лице румянец палестры.¹² Случайно, на одном из поворотов узкого переулка, Каллирою и Херей столкнулись друг с другом, так как их встречу нарочно устроил бог¹³ с тою целью, чтобы они увидели один другого. И мгновенно оба они обменялись любовным чувством: красота встретила здесь с благородством.

Получив ранение, домой шел Херей, еле двигаясь, подобаясь смертельно раненому на войне храбрецу, который стыдится упасть, но дольше держаться на ногах уже не в состоянии, девушка же припала к стопам Афродиты и сказала, целуя их:

— Владычица, дай мне в мужа того, кого ты же и показала мне.

Наступила ужасная для обоих ночь: огонь разгорался в них все сильнее. Мучительнее, однако, страдала девушка, вынужденная молчать из страха выдать себя. Херей же, гордый и честный юноша, решил, когда стало хиреть его тело, объявить родителям, что он влюблен и что он не выживет, если не добьется женитьбы на Каллирое.

Вздыхнул отец, услышав эти слова:

— Итак, — сказал он Херею, — я теряю тебя, мой сын! Ясно же, что Гермократ, располагающий таким великим множеством богатых и царственных женихов, никогда своей дочери за тебя не выдаст. Нечего тебе и пытаться: иначе нам угрожает нарваться на оскорбление.

Отец продолжал уговаривать сына, а у сына все сильнее разрастался его недуг, мешавший ему даже выходить на привычные занятия: тосковал по Херею, без него как бы опустевший гимназий.¹⁴ Молодежь любила Херея и, наконец, дозналась причины его болезни.

Всех тогда охватила жалость к прекрасному мальчику, погибавшему от страданий благородной души своей.

Приблизилось очередное народное собрание, и сошедшийся на него народ одно только и кричал:

— Доблестный Гермократ! Великий стратег! Спаси Херея! То будет лучшим твоим трофеем! Гражданство выступает сегодня сватом достойных друг друга жениха и невесты.

Кто взялся бы описать это народное собрание, демагогом¹⁵ которого был Эрот? Любивший отчизну свою Гермократ не смог ответить отказом на просьбы города. Когда же дал он свое согласие, народ бросился вон из театра,¹⁶ и молодые люди пошли к Херею, начальство же и члены городского совета направились вслед за Гермократом. К дому невесты приблизились сиракузские женщины, явившиеся проводить ее к ее жениху, и по всему городу раздалось пение свадебных песен, улицы наполнились венками и свечками,¹⁷ окропились вином и благовониями наружные двери домов. Для сиракузян то был день еще большей радости, чем праздничный день победы.¹⁸

Девушка же, ничего о происшедшем не зная, лежала на своей постели, накрывшись с головой платком, и молча плакала. Но приблизилась няня к ее кровати и сказала ей:

— Дитяtko, встань! Наступил всем нам желанный день: за тобой пришел город вести тебя к жениху.

Дрогнули ноги тогда у нее и сердце застыло.¹⁹

Не ведала ведь она, за кого выдают ее замуж. Пропал у нее тотчас же голос, перед глазами разлился мрак, и она почти что лишилась жизни: окружавшие принимали это за проявление чувства стыдливости. Но только успели ее нарядить служанки, как родители, оставив толпу за дверью, ввели в комнату к девушке ее жениха. Херей бросился к Каллирое и принялся целовать ее, Каллироя же, узнав любимого, вновь просияла вся, как вспыхивает в потухающей лампе свет, если подлить в нее масла, и красота ее возросла. Когда же вышла она к народу, охватило всю толпу изумление, такое же, в какое ввергнуты были бы те

охотники, которым в пустынной местности предстала бы Артемида.²⁰ Многие из присутствующих встали перед ней даже на колени. Дивились все Каллирое и все прославляли Херея. Такою представляют поэты и свадьбу Фетиды на горе Пелионе.²¹ Но, как там, говорят, Эрида, так, некое выискалось и здесь завистливое божество.²²

2

Женихи, потерпевшие в своем сватовстве неудачу, чувствовали себя обиженными и сердились. Если до этого они враждовали друг с другом, то теперь они стали единомысленны и, считая, что они оскорблены, сошлись на совещание: на войну с Хереем их вербовала Зависть.

Первым взял слово молодой итальянец, сын тиранна регинцев.²³ Сказал он так:

— Если бы вступил в этот брак не он, а кто-нибудь из нас, то меня бы это не возмутило, потому что, как и в гимнастических состязаниях, так же точно и здесь должен из числа состязающихся победить кто-нибудь один. Но тут, где нас затмил человек, добившийся брака без всякой затраты труда, я подобного издевательства стерпеть не могу. Мы изнуряли себя бессонными дежурствами у ее дверей, ухаживаниями за ее кормилицами и ее служанками и посылкой подарков нянькам! Как долго находились мы в рабстве! Всего же тяжелее то, что мы возненавидели друг друга как соперников в деле любви. В то время, как состязались между собой цари, он, развратник, бедняк, ничтожество, взял без борьбы победный венок. Пусть же одержанная победа окажется для него бесполезной! Давайте, обратим жениху его свадьбу в смерть!

Все одобрили эту речь, возразил же на нее один лишь тиранн акрагантский.²⁴

— Не из чувства расположения к Херею мешаю я, — так сказал он, — осуществлению этого замысла, а по соображениям некоторой безопасности: не забудьте, что Гермократ — против-

ник не легкий, так что открытая с ним борьба для нас невозможна. Лучше действовать хитростью. Ведь и власть тиранна добываем себе мы чаще коварством, нежели силой. Выберите меня в стратеги на войну с Хереем, и я обещаю расторгнуть его брак. Ибо против Херея вооружу я Ревность, которая, взяв Эрота себе в союзники, наделает много вреда. Каллироя уравновешена, и низкая подозрительность ей неведома; Херей же, поскольку воспитание свое он получил в гимназиях и не лишен знакомства с грехами юности, легко может, если возникнут в нем подозрения, в юношескую впасть ревность. А подойти и поговорить с ним нетрудно.

Не успел он окончить, как предложение его уже было принято всеми единогласно, и дело поручено было ему как человеку, способному на любую хитрость. И вот, приступил он тогда к осуществлению следующего рода выдумки.

3

Под вечер было принесено известие, что Аристон, отец Херея, свалился в деревне с лестницы и подает очень мало надежды на жизнь. Херей, хотя и любил отца, но, услышав это, сильнее, все же, огорчился тем, что ехать придется ему одному: взять девушку с собой ему было уже²⁵ нельзя.

Открыто в ту ночь придти комосом²⁶ никто не дерзнул: люди пришли неприметно, тайно и втихомолку оставили после себя приметы комоса, навесив венки на входную дверь, окропив ее благовониями, разведя перед ней лужу грязи от пролитого на землю вина и кинув наполовину обгоревшие факелы.

Наступило утро, и, подчиняясь общему всем чувству любопытства, останавливался перед домом каждый прохожий. Херей же спешил к жене, так как его отцу полегчало. Заметив перед дверями толпу, он сперва удивился, когда же понял причину, то, не помня себя, вбежал в дом и, найдя спальню еще на замке, начал громко в нее стучаться. Как только служанка отперла ему, он накинулся на Каллирою, но от гнева перешел к горю, разо-

рвал на себе одежду и ударился в слезы. В ответ на вопрос Каллирои, спрашивавшей его, что случилось, он оставался нем, будучи не в состоянии не верить тому, что он видел, и не имея сил поверить в то, во что верить он не хотел. Его была дрожь от безвыходности его положения, а его жена, не подозревавшая ничего из того, что произошло, умоляла его объяснить ей причину его гнева. С налившимися кровью глазами,

— Плакиваю, — сказал он ей глухим голосом, — свою судьбу; как ты скоро забыла меня!

И он стал ее попрекать за комос.

Каллирою, дочь стратега, полную чувства собственного достоинства, возмутительная клевета привела в негодование.

— К отцовскому дому комосом никто не ходил! — сказала она ему. — Это, может быть, твои двери привыкли к комосам, и твоих друзей огорчает, быть может, твоя женитьба?

Так сказав, она от него отвернулась и, накрывшись одеждой, пустила потоки слез. Но влюбленные мирятся быстро и всяческие оправдания принимают они друг от друга с радостью. Херей изменился и начал ласкать жену, а жена сейчас же приветствовала его раскаянье, и от этого воспламенилась любовь их еще сильнее, при виде же согласия своих детей, как его, так и ее родители, и Херея и Каллирои, считали блаженно счастливыми и самих себя.

4

А акрагантинец, после того как первая его хитрость кончилась неудачей, пустился на новую, еще большую, и придумал вот что.

Был у него один ловкий на язык парасит,²⁷ разговором умевший располагать к себе всякого собеседника. Ему поручил он разыграть роль влюбленного, и тот принялся ухаживать за главной служанкой Каллирои, за аброй,²⁸ стремясь, во что бы то ни стало, добиться ее расположения. Покорил он, однако, девочку только с большим трудом, ценой дорогих подарков и угрозой

кончить самоубийством в случае, если он не получит удовлетворения своих желаний: женщина становится легко уловимой тогда, когда она начинает думать, что в нее влюбились.

Это подготовив, главный мастер драмы нашел еще и другого актера, по сравнению с первым не столь привлекательного, но очень ловкого и убедительного в речах. Заранее подучив его, как действовать и что говорить, подослал он его к Херею, который его не знал.

Херей рассказывал по палестре, когда человек этот подошел к нему и сказал:

— И у меня был сын твоего, Херей, возраста, восторженно любивший тебя, и после его кончины сыном своим я почитаю тебя. Счастье твое является, впрочем, общим благом и всей Сицилии! Удели же мне время, и ты услышишь от меня важные вещи, имеющие большое значение для всей твоей жизни.

Вскружив такими словами голову юноше и наполнив его и надеждой, и страхом, и любопытством, этот негодяй, в ответ на просьбы Херея говорить, принялся медлить, под предлогом неподходящей будто бы обстановки и необходимости поэтому отложить разговор до более удобного времени. Тем сильнее принялся Херей настаивать на своем, уже предчувствуя нечто тяжелое, и тот, взяв Херея за руку, отвел его в сторону, а затем, нахмутив брови и напустив на себя страдающий вид и даже всплакнув немного, сказал:

— Херей, неприятно мне доносить тебе о грустных вещах, сообщить о которых я давно тебе хотел и все не решался. Но раз над тобой издеваются уже в открытую и раз всюду уже болтают об этом ужасе, то дальше молчать я не в состоянии. К пороку у меня врожденная ненависть, а к тебе я питаю исключительное расположение. Что же, узнай, что жена твоя соблазнена, а дабы в этом тебе увериться, готов я тебе помочь накрыть с поличным и соблазнителя.

Рек, — и того покрыло мрачное облако скорби.

Быстро в обе он руки схвативши нечистого пепла,

Голову всю им осыпал и лик осквернил свой прекрасный.²⁹

Долго лежал он с раскрытым ртом, ни глаз поднять не имея сил, ни слова вымолвить. Когда же к нему вернулась способность речи, то слабым голосом, а не своим обычным,

— Прошу я тебя, — проговорил он, — о горестной для меня милости очевидцем сделать меня моего несчастья. Все-таки, покажите мне его, чтобы иметь мне тем больше основания себя убить: Каллирою я пощажу, даже и преступную.

— Сделай вид, будто ты уезжаешь в деревню, посоветовал ему тот, а глубокой ночью стереги свой дом, и тогда ты увидишь, как будет соблазнитель входить.

На этом они и порешили.

Херей, которому войти самому в дом не хватало сил, послал домой объявить «уезжаю в деревню», а коварный тот клеветник готовить начал представление.

С наступлением вечера, вышел Херей на стражу, а тот, кем была соблазнена абра Каллирои, вступил в переулок, разыгрывая роль человека, решившегося на тайное дело, в действительности же прилагая всяческое старание незамеченным не остаться. Волосы у него были завиты в локоны и подведены глаза. Одет он был в тонкий гиматий,³⁰ обут в изящную обувь, а на его руках сверкали тяжелые кольца. Долго озирался он во все стороны, а затем приблизился к двери и тихонько постучался в нее условным стуком. Служанка, находившаяся и сама в величайшем страхе, осторожно приоткрыла дверь и, взяв его за руку, ввела внутрь. При виде такого зрелища, Херей потерял самообладание и бросился, чтобы тут же на месте убить соблазнителя.

Спрятавшись за входную дверь, человек тот сейчас через нее же и вышел обратно, а тем временем Каллироя, тосковавшая по Херею, сидела у себя на кровати и, в печали своей, не зажигала даже светильника. Заслышав шаги, она тотчас же поняла, что ее муж вернулся, и радостно выбежала к нему навстречу. У Херея даже для упреков не хватило голоса, и охваченный гневом он подходившую к нему Каллирою ударил ногой. Этот метко направленный им в диафрагму удар ноги прервал дыха-

ние у девушки. Она упала, а служанки подняли ее и отнесли на руках в постель.

5

Лежала Каллироя безгласной и бездыханной, окружавшим являя собой картину смерти, а Молва обежала вестницей несчастья весь город, будя по всем улицам, вплоть до самого моря, вопли. Всюду слышался плач, и случившееся походило на взятие города.

Продолжавший кипеть негодованием Херей заперся у себя и в течение всей ночи пытал служанок, с абрь начав и ею же кончив. От них, мучимых огнем и ножами, узнал он истину, и тогда его охватила жалость к умершей и страстно захотелось ему убить себя. Но от этого его удержал Полихарм, такой же исключительно преданный друг, каким изобразил Гомер и Ахиллеса друга, Патрокла.

С наступлением утра назначили власт суд над убийцей, из уважения к Гермократу спеша с вынесением приговора. Но на площадь сбежался и весь народ. Каждый кричал свое. Поджигали толпу потерпевшие неудачу в своем сватовстве женихи, сильнее же всех акрагантинец, надменный, сияющий, как человек, совершивший такое дело, какого никто не мог ожидать. Но и на суде произошло событие необычайное, какого никогда еще не бывало: убийца, получивший слово после обвинителя, сам же, вместо того, чтобы защищать себя, произнес против себя еще более суровую речь и первым подал голос за свое осуждение, оставив в стороне все то, на что вправе он был бы сослаться в свое оправдание, и клевету, и ревность, и непреднамеренность совершенного им деяния. Всех просил он:

— Побейте меня публично камнями: я обесчестил народ. Поступите вы человеколюбиво, отдав меня в руки палача. Такого наказания заслуживал бы я и в том даже случае, если бы я убил хотя бы только служанку Гермократа. Изыщите же неслыханный способ кары: проступок мой хуже святотатства и

отцеубийства! Не погребайте меня, не оскверняйте земли, а топите мое нечестивое тело в море.

В ответ на эти слова народ разразился плачем, и, забыв о мертвой, оплакивать все принялись того, кто оставался в живых. Гермократ первым выступил в защиту Херея.

— Я знаю, сказал он, что происшедшее совершилось непреднамеренно: вижу злоумышляющих против нас и не предоставляю им радости узреть одновременно двух мертвецов. Не огорчу я покойной дочери: часто слышал я, как она говорила, что жизнь Херея дороже ей ее собственной. Закроем же заседание этого ненужного суда и приступим к необходимому погребению. Не будем медлить и проволочкой своей не обезобразим тела умершей: похороним Каллирою, пока еще она прекрасна.

6

Судьи вынесли приговор, освобождающий Херея от наказания, но сам Херей себя от наказания не освобождал, а жаждал смерти и всяческие изыскивал способы покончить с собой. И Полихарм, не зная, как спасти его иначе, сказал ему:

— Предатель покойницы! Ты даже не переждешь погребения Каллирои? Посторонним рукам доверяешь ты ее тело? Теперь как раз тебе время подумать о богатых погребальных дарах и о выносе, который тебе надлежит устроить по-царски.

Эта речь убедила Херея. Она пробудила в нем и честолюбие, и заботу.

Кто смог бы достойным образом описать вынос Каллирои? Одета в подвенечный убор, покоилась она на золотом ложе и выглядела еще величественнее, еще лучше: похожа она была по мнению всех, на спящую Ариадну.³¹ Стройными рядами ехали на конях первыми перед ложем сиракузские всадники. За ними следовали гоплиты,³² которые несли знаки одержанных Гермократом побед. За гоплитами выступали члены совета, а потом шел народ, сплошь вооруженный копьями, как конвой Гермократа. Несли и всё еще больного Аристона, громко называвшего

Каллирою и дочерью своей, и своей госпожой. Позади шествовали жены граждан в черных одеждах, а за ними двигалось царственное богатство погребальных даров, золото и серебро, приданое Каллирой, и роскошь ее одежд и ее драгоценностей. Много даров прислал Гермократ и из состава военной добычи. Были подношения и со стороны ее родственников и друзей. Последним провожало Каллирою богатство Херея, готового, будь это только возможно, сжечь вместе с женой и все свое целиком имущество. Похоронное ложе³³ несли сиракузские эфебы,³⁴ а дальше тянулась толпа народа, среди плача которой громче других был слышен голос Херея.

Роскошный могильный памятник Гермократа находился близ моря и плывущим по морю виден был еще издали. Памятник этот наполнило, словно сокровищницу, великолепие погребальных даров. Но то, что делалось, видимо, в прославление мертвой, послужило толчком к началу более важных событий.

7

118930.

Дело в том, что существовал на свете некий Ферон, живший морским грабежом злодей, собравший вокруг себя шайку морских разбойников, которые на своем, по виду коммерческом, судне укрывались в гаванях. Случайно встретившись с выносом Каллирой, он впился глазами в золото. Ночью ему не спалось, и, лежа на своей постели, так рассуждал он с самим собою: «Я подвергаю себя опасностям, воюя с морем и убивая живых, ради ничтожной наживы, в то время как есть у меня возможность разбогатеть от одной мертвой женщины. Да будет же брошен жребий! Выгоды своей упускать не стану! Кого же взять мне с собой на это дело? Вглядишься, Ферон, кто же из тех, кого знаешь ты, для него пригоден? Фуриец Зенофан?³⁵ Хитер он, но трус. Мессенец Менон?³⁶ Этот смел, но предатель».

Так, мысленно перебирая всех их поодиночке, как перебирает монеты браковщик, многих забраковал он, но некоторых

всё же признал пригодными, и, ранним утром прибежав в гавань, принялся он там их разыскивать. Одних нашел он в притонах распутства, а других — в кабачках, — подходящее подобному военачальнику войско. Объявив им, что ему надо обсудить с ними одно неотложное дело, он вывел их за пределы гавани и говорить начал с ними так.

— Я открыл, — сказал он им, — клад, разделить который со мною я среди всех остальных выбрал только вас. Добра хватит тут не на одного, а добыть это добро нетрудно: за одну ночь все мы сделаться можем богатыми. Опыт же в предприятиях подобного рода, на которые взводится глупыми людьми клевета, но которые умным служат на пользу, мы имеем.

Сейчас же догадавшись, что приглашает он их, либо на разбой, либо на расхищение могилы, либо на ограбление храма,

— Перестань, — сказали они ему, — уговаривать тех, кто уже согласен. Сообщи нам только, что надо делать, и не будем зря губить дорогого времени.

И Ферон, продолжив тогда свою речь, сказал им:

— Вы видели золото и серебро мертвой: было бы справедливее, если бы оно стало принадлежать нам, которые живы. Я решил поэтому вскрыть ночью могилу, а затем, сложив в лодку груз и уплыв с ним, куда отнесет нас ветер, продать его на чужой стороне.

Так и порешили.

— Что же, — сказал Ферон, — обратитесь теперь к обычным вашим занятиям, а поздним вечером пусть каждый из вас выйдет на берег к лодке, с орудиями каменщиков в руках.

8

А Каллироя, пока устраивали они всё это, переживала новое, страшное, возрождение. Когда, вследствие ее голодания, ее обморочное состояние стало мало-помалу у нее проходить, она с трудом вздохнула, пошевелилась и, приходя в себя будто при пробуждении, позвала Херея, думая, что он спит рядом с ней. Но

так как не откликнулись ни муж, ни служанки, а кругом был мрак и полное было безлюдие, молодую девушку, которая не могла осознать случившегося, охватил страх и пробрала дрожь. Когда же она, наконец, очнулась и дотронулась до венков и лент, а от прикосновения к ним золото и серебро звякнули, и когда она ощутила сильный запас духов, то вдруг она вспомнила и ударноги, и свое от этого удара падение и с ужасом поняла, что она в могиле. Тут, насколько хватало у нее сил, закричала она «я жива!», «помогите!». Но не было на ее крики никакого ответа. И тогда, перестав надеяться на спасение, она уткнула свою голову в колени³⁷ и, плача, начала причитать: «Какое несчастье! Не сделавшая ничего бесчестного, заживо погребаюсь я, медленной умирая смертью. Здоровую оплакивают меня! Какого и кто же пошлет ко мне вестника? Не за то, что убил ты меня, упрекаю тебя я, несправедливый Херей, а за то, что поторопился ты удалить меня из дома. Спешить схоронить Каллирою не следовало тебе и в том случае, если бы и на самом деле она умерла. Но, может быть, ты о новом уже помышляешь браке!».

9

Так сетовала она на все лады. А Ферон, дождавшись самой середины ночи, бесшумно подплыл на лодке к могиле, тихо касаясь веслами поверхности моря. Первым сошел он на берег, следующим образом распорядившись: четверых людей он послал сторожить прохожих на случай, если бы таковые в той местности появились, и наказал стараться каждого приближающегося убить, при невозможности же убить, дать при приближении человека условный знак. Сам он вместе с четырьмя другими пошел к могиле, велел остальным (всего было их одиннадцать человек) оставаться при лодке и держать наготове весла, чтобы в случае, если бы произошло что-нибудь непредвиденное, быстро отплыть, забрав в лодку тех, кто будет на берегу.

Когда же были принесены ломы и когда сильно ударили ими в стену могильного памятника в целях сделать пролом в могилу,³⁸ охватили Каллирою разом и страх, и радость, и горе, и удивление, и надежда, и недоверие: «Что это за стук? Уж не пришел ли это за мной, несчастной, тот призрак, какой по обычаю приходит к каждому покойнику? Или это не стук, а голос мертвых, зовущих меня к себе? Нет, скорее всего это грабители: значит, к несчастиям моим прибавилось еще и это! Богатство мертвому бесполезно». Так продолжала она гадать, когда разбойник, просунув голову в пробоину, понемногу начал влезать в могилу. Бросилась к нему Каллироя, чтобы, припав к коленям его, обратиться к нему с мольбой, но тот в испуге выскочил из могилы и, дрожа, закричал товарищам:

— Бежим отсюда! Сторожит содержимое могилы какой-то призрак, запрещающий нам в нее войти.

Посмеялся над ним Ферон, обзвав его трусом и мертвецом хуже самой покойницы, в могилу же войти приказал другому. Но так как ни у кого не хватало на это духу, то спустился в могилу он сам, выставив перед собой меч. И как только сверкнуло перед Каллироей железо, так сейчас же, из опасения быть убитой, она плотно забилась в угол и слабым голосом начала оттуда умолять Ферона:

— Сжался, кто бы ты ни был, над той, которую не пожалели ни муж, ни родители! Не убивай тобою спасенной!

Еще больше осмелел Ферон. Человек проникательный, он угадал истину. Стоял, однако же, он в раздумье. Сперва задумывал он убить эту женщину, считая, что окажется она помехой всему предприятию, но вскоре соображения выгоды заставили его изменить решение. «Да будет, — так мысленно сказал он себе, — и она сама частью могильных богатств: много тут лежит серебра, много золота, но ценнее всех этих вещей красота этой женщины». И, взяв Каллирою за руку, он вывел ее из могилы, а затем, подзвав к себе своего помощника,

— Вот, — сказал он, — тот призрак, которого ты боялся! Хорош разбойник, испугавшийся женщины! Ну, карауль ее:

я хочу ее вернуть родителям. Мы же, давайте, начнем выносить запрятанное внутри могилы добро, раз даже и покойница там его больше уже не сторожит!

10

Когда наполнили они лодку добычей, Ферон приказал разбойнику, караулившему женщину, отойти с ней в сторону, после чего устроил по поводу нее совещание. Различные высказаны были мнения, взаимно противоположные. Тот, кто говорил первым, сказал:

— Пришли мы, соратники, за одним, а Судьба устроила нам другое, лучшее. Воспользуемся же этим: ведь мы можем поступить так, что сделанное нами окажется для нас неопасным. Погребальные дары предлагаю я оставить на месте, Каллирою же вернуть мужу ее и ее отцу: скажем им, что, по нашему рыболовному делу причалив к берегу в здешней окрестности, мы услышали голос и из человеколюбия вскрыли могилу, чтобы спасти ту, которая в ней была заперта. А женщину, давайте, заставим нам присягнуть, что все это она подтвердит. Сделает она это охотно, в благодарность оказавшим ей благодеяние людям, которым она обязана своим спасением. Подумайте, какой радостью наполним мы Сицилию! Сколько получим наград! И, в то же время, мы совершим поступок, честный перед людьми и святой перед богами.

Еще не кончил он своей речи, как другой уже возразил ему:

— Неразумно и не ко времени приглашаешь ты нас сейчас философствовать! Или обворовывание могил сделало нас честными? Неужели же нам жалеть ту, которую и собственный муж не пожалел, а убил? Жалеть ее потому, что она нас ничем не обидела? Да, но она жесточайшим образом нас обидит! Прежде всего, если мы ее отдадим ее родным, то еще неизвестно, какого мнения будут они о случившемся: невероятно, чтобы та причина, по которой будто бы мы к могиле причалили, не показалась им подозрительной. Но пусть даже, нам в благодарность, освободят

нас от наказания родственники этой женщины: все равно, власти, да и сам народ не помиует грабителей могил, разъезжающих с грузом, который их изобличает. Скажет, пожалуй, иной: продажа женщины для нас выгоднее, потому, что ее красота найдет себе цену. Но и это для нас опасно. Золото не имеет голоса, и серебро не скажет, откуда мы взяли его: о золоте и о серебре можно сочинить тот или иной рассказ. Но кто сможет спрятать груз, у которого есть глаза и уши, и есть язык? К тому же, она такой нечеловеческой красоты, что нам с нею не укрыться. Или будем мы уверять, что она рабыня? Да кто же, взглянув на нее, этому поверит? Итак, здесь же, давайте, уьем ее, чтобы не возить нам с собой собственного нашего обвинителя.

Многие поддерживали первое предложение, многие же второе. Но Ферон не поставил ни того, ни другого на голосование.

— Ты, — сказал он, — подводишь нас под опасность, а ты лишаешь нас барыша. По мне же лучше продать женщину, чем ее терять: ведь пока будет она продаваться, будет она из страха молчать, а после своей продажи пускай она обвиняет нас, когда нас на месте уже не будет. Да и жизнь ведем мы не безопасную. Но входите в лодку. Отчалим. Уже близится утро.

11

Выйдя в открытое море, судно быстро несло вперед. Ни волны, ни ветер не служили ему помехой, потому, что люди на нем никуда определенно не направлялись, и любой ветер, дувший с кормы, казался для них попутным. Ферон ободрял Каллирою, стараясь ее обмануть всякими вымыслами, но случившееся с ней она понимала и чувствовала, что спасена она для других. Однако, она делала вид, будто ничего она не замечает и верит: она боялась, как бы они ее не убили, если бы стала она высказывать им недовольство. Объяснив, что она не переносит моря, и накрывшись с головой платком, стала так говорить про себя она, плача: «В этом самом море разбито было тобою, отец, триста афинских кораблей, а дочь твою малый похитил челн, и ни-

какой мне помощи ты не оказываешь. В чужую землю увозят меня, и мне, свободной, предстоит обратиться в рабыню. Хозяином дочери Гермocrates окажется, чего доброго, кто-нибудь из афинян, который купит ее для себя на рынке. Насколько лучше было бы мне лежать мертвой в могиле. Всё же тогда находился бы со мной заботящийся обо мне Херей, а теперь разлучены мы с ним и в жизни, и в смерти». Так скорбела она, а разбойники плыли дальше, минуя малые острова и мелкие города. Был ведь не на бедняков рассчитан их груз: искали они людей богатых. Якорь бросили они напротив Аттики, у морской косы, близ которой находился изобиловавший чистой водой источник и расстиался красивый луг. Проводив Каллирою сюда, они, в заботе о сохранении ее красоты, предложили ей помыться и отдохнуть после морского путешествия. Наедине же с собой начали они совещаться друг с другом о том, куда им направить отсюда путь.

— Ближе от нас Афины, большой и богатый город, — сказал один из разбойников, — там найдем мы кучу купцов, кучу людей богатых. Сколько народу на рынке, столько же в Афинах узреть можно городов!³⁹

Все, понятно, стояли за то, чтобы плыть в Афины. Но Ферон опасался афинской пронырливости:

— Или одни только вы ничего не слышали о склонности афинян к сплетням? Болтлив афинский народ и обожает судбища! В гавани тысячи сикофантов⁴⁰ начнут допытываться у нас, кто мы такие и откуда везем этот груз, и у негодаев возникнут скверные подозрения. А там сейчас же Ареопаг⁴¹ и архонты⁴² ужаснее всяких тираннов. Афинян должны мы бояться сильнее, чем сиракузян. Иония — вот удобное для нас место: там и приток царских богатств⁴³ из Великой Азии,⁴⁴ там и живущие в роскоши и праздности люди. Надеюсь, найду я сейчас же там и кого-нибудь из своих знакомых.

И вот, запасшись водой и купив у стоявших тут же грузовых судов продовольствие, они поплыли прямо к Милету и на четвертые сутки вошли в отстоявшую на восемьдесят стадиев от города бухту, превосходнейшее для них убежище.

12

Тут Ферон приказал вынести из лодки весла и устроить для Каллирои отдых, обставив последний всяческими удобствами. Поступал он так не из человеколюбия, а по корыстным соображениям, не как разбойник, а скорее всего как купец. Сам он побежал в город, прихватив с собой и двух из своих помощников. Предавать дело огласке и в открытую искать покупателя он не собирався, а стремился продажу произвести потихоньку, из рук в руки. Такая продажа, однако, оказывалась трудно осуществимой! товар рассчитан был не на многих, не на первого встречного, а на человека только царски богатого, подходить же к подобного рода людям Ферон боялся. Дело затягивалось, а на дальнейшую его проволочку Ферону уже не хватало терпения.

С наступлением ночи он не в состоянии был заснуть и так говорил самому себе: «Ты безрассуден, Ферон. Ведь уже сколько дней оставляешь ты серебро и золото в пустынной местности, как будто, кроме тебя, нет на свете разбойников. Неужели же ты не знаешь, что по морю плавают и другие пираты? А я — собственных-то боюсь, как бы не отплыли они, бросив нас! В самом деле, войско свое набрал ты ведь не из самых честных людей и не для того, чтобы хранили они тебе верность, а набрал из людей заведомо скверных. Ну, что же (так заключил он), теперь поневоле спи, на рассвете же сбегай к лодке и брось в море стесняющую тебя и тебе совершенно лишнюю женщину, перестав возить с собою товар, пристроить который трудно».

Но, уснув и увидев во сне запертые двери, он решил и этот день еще повременить. Мучаясь этим, сидел он, совсем расстроенный, в лавочке,⁴⁵ когда увидел проходившую мимо толпу свободных людей и рабов, посреди которой печально, в черной одежде, шел зрелых лет мужчина. Ферон поднялся со своего места и (людям свойственно любопытство) обратился с вопросом к одному из тех, кто этого человека сопровождал:

— Кто это?

— Видно, — ответил тот, — ты иноземец и приехал издалека, раз не знаешь Дионисия, своими богатствами, происхождением

своим и своей образованностью превосходящего всех остальных ионян,⁴⁶ друга великого царя.⁴⁷

— А почему он в трауре?

— Скончалась жена его, которую он страстно любил.

Найдя влюбчивого богатого человека, Ферон еще с большей настойчивостью продолжал начатый разговор. Он уже не отпустил себя своего собеседника.

— Кем же, — осведомился он, — ты у него состоишь?

— Я заведую всем его хозяйством, а кроме того, находится на моем попечении и его дочка — младенец, оставшаяся сиротой после безвременной кончины своей несчастной матери.

— А как зовут тебя?

— Леона.

— Как удачно встретился я с тобой, Леона! — воскликнул Ферон. — Я купец и плыву сейчас из Италии: вот почему в Ионии я ничего и не знаю. Одна из первых богачих города Сибариса,⁴⁸ в пылу ревности, продала свою красавицу абру, а я ее купил. Да послужит же тебе это к выгоде, все равно, пожелаешь ли ты взять ее себе в няни к ребенку (образована она достаточно) или, быть может, сочтешь стоящим делом даже одарить ею твоего хозяина. В твоих, разумеется, интересах, чтобы он приобрел рабыню, а не брал мацехи для твоей воспитанницы.

Приятно было Леоне услышать эти слова.

— Некий бог прислал мне в тебе настоящего благодетеля, — сказал он Ферону, — то самое, о чем я грезил во сне, ты показываешь мне на яву. Но зайди в дом и будь дорогим моим гостем. А как поступить нам с женщиной, это решится ее наружностью: подходящий ли это для нас товар, или это товар хозяйский.

Войдя в дом, Ферон поражен был и размерами его и его великолепием: дело в том, что устроен был этот дом для приемов персидского царя.

Леона пригласил Ферона обождать, так как сперва он должен был приготовить все для своего хозяина. Затем он вернулся и провел Ферона в свое собственное, роскошно обставленное помещение, распорядившись готовить стол.

Человек бывалый, превосходно умеющий приспособляться к любой обстановке, Ферон приступил к еде и пил за здоровье Леоны, располагая его к себе показом своего простодушия, а еще больше доверчивостью обращения. Много говорили они за столом и о женщине, причем Ферон расхваливал не столько ее красоту, сколько ее характер, зная, что в защите нуждается то, что невидимо, наружность же покажет себя сама.

— Итак, пойдем, — сказал Леона Ферону, — покажи мне ее.

— Да она находится не здесь, — отвечал Ферон, — во избежание телонов,⁴⁹ мы город оставили в стороне. Судно наше стоит на якоре за восемьдесят стадиев отсюда.

И Ферон описал местность.

— Вы причалили к нашему имению, — воскликнул Леона. — Тем лучше! Значит, вас ведет к Дионисию сама Судьба! Отправимся же в деревню, где вы и отдохнете после проделанного вами морского пути: находящаяся там же недалеко вила⁵⁰ оборудована богато.

Сообразив, что продажа, таким образом, будет совершаться легко — не на рынке, а в уединении, — Ферон еще больше обрадовался.

— Завтра с утра и отправимся, — сказал он Леоне, — ты — на виллу, а я на корабль, откуда я и приведу к тебе женщину.

Так они между собой условились и, пожав друг другу руки, расстались.

Длинной казалась обоим ночь: оба они спешили, один продать, а другой купить.

На следующий день Леона приехал морем на виллу, захватив с собою и деньги для вручения купцу задатка. Ферон же предстал на берегу перед своими товарищами, уже давно его с нетерпением ожидавшими, и, рассказав им о сделке, принялся подлащиваться к Каллирое.

— Сначала, доченька, — так сказал он ей, — хотел и я медленно же доставить тебя к твоим близким, но этому помешало море: задержал нас противный ветер. Ты знаешь, впрочем, как я о тебе забочусь. Главное: сохранили мы твою чистоту. Не опозоренной, а как из брачной спальни, Херей получит тебя спасенной из могилы нами. А сейчас вот надо нам съездить в Ликию.⁵¹ Нет, однако же, никакой нужды и тебе напрасно мучиться вместе с нами: ты ведь с таким трудом переносишь море! Здесь я поручу тебя, разумеется, верным друзьям, а потом, на обратном пути, я за тобой заеду и заботливо отвезу тебя в Сиракузы. Возьми из своих вещей, какие захочешь: да и все остальные вещи бережем мы ведь для тебя же.

Каллирою эти слова Ферона, несмотря на всю глубину ее горя, заставили внутренне рассмеяться: она находила их совершенно с его стороны глупыми. Ведь она уже знала, что ее продают, и в своем стремлении избавиться от разбойников она думала, что эта продажа для нее даже лучше ее прежней свободы.

— Благодарю тебя, отец, — сказала она Ферону, — за твое человеческое ко мне отношение. Да вознаградят всех вас по заслугам боги! Но пользоваться погребальными дарами я считала бы для себя дурным предзнаменованием. Сохраните мне все, как следует, с меня же довольно будет и того маленького колечка, которое, и будучи мертвой, носила я.

Затем, накрывшись с головой платком,

— Веди меня, — сказала она, — куда только ты, Ферон, хочешь: лучше моря и лучше могилы будет любое место.

При приближении к вилле Ферон пустился на следующего рода хитрость. Сняв с головы Каллирон платок и распустив ей волосы, он открыл перед нею дверь в дом и пригласил ее войти пертой. И Леона, и все остальные находившиеся в доме люди были поражены ее неожиданным появлением перед ними. Иным

казалось, что видят они перед собой богиню: ходил же в деревне слух о явлениях Афродиты. А среди всеобщего замешательства к Леоне подошел следовавший позади Каллирои Ферон и сказал ему:

— Встань и озаботься приемом женщины: эта же та, которую ты собираешься приобрести.

Воспоследовало всеобщее радостное удивление.

Каллирое отвели лучшую комнату, уложили на кровать и предоставили ей там отдых. И в самом деле, она очень нуждалась в покое после горя, усталости, страха. Ферон же взял за руку Леону и сказал ему:

— С моей стороны все мною честно выполнено. Владей теперь женщиной. Ты навсегда останешься моим другом! Съезди же в город взять купчую, и тогда ты со мной расплатишься по цене, какую назначишь сам.

— Но и я с одинаковым же доверием вручаю деньги тебе еще до подписания тобой купчей, поспешил ответить Ферону Леона, отчасти торопившийся связать Ферона задатком, из опасения, как бы тот не вздумал переменить решения: в городе не мало найдется людей, которые пожелают ее купить! И Леона стал принуждать Ферона принять от него заранее с этой целью заготовленный им талант серебра,⁵² который после притворных отнекиваний Ферон и забрал. Леона принялся удерживать его на обед — был уже поздний час, — но Ферон отказался:

— Хочу, сказал он, — до вечера поспеть по морю в город. Завтра же мы с тобой встретимся в гавани.

На этом они расстались.

А, прибыв на корабль, Ферон дал приказ поднимать якоря как можно скорее, пока никто еще ничего о них не проведал. И они обратились в бегство в том направлении, в каком ветер погнал их. Каллироя же, оставшись, наконец, одна, принялась на свободе оплакивать постигшую ее судьбу. «Вот, — говорила она себе, вторая моя могила, в которую меня запер Ферон, еще безлюднее первой! Там подошли бы, быть может, к могиле моей мои отец и мать и пролил бы слезы свои на нее Херей: ощу-

тила бы я это и мертвая! А здесь кого же позвать мне? Судьба завистливая! Ни на суше, ни на море не насытилась еще ты моими бедствиями! Нет, сперва ты убийцей моим сделала моего возлюбленного: Херей, в жизни своей ни разу не ударивший даже раба, мне, другу своему, нанес смертельный удар ногой! Потом ты отдала меня в руки грабителей, перевела из могилы в море и, более страшным, чем волны, подчинила меня пиратам! А прославленную свою красоту для того только получила я, чтобы Ферон-разбойник получил за меня высокую цену. Продана втихомолку я, и не была я доставлена даже в город, как случилось бы это со всякой другой рабыней: ведь ты боялась, Судьба, что, увидев меня, люди признают во мне свободную. Потому-то вот и отдана я, как утварь, не знаю кому, грекам ли, варварам ли, или опять разбойникам». Ударяя себя рукой в грудь,⁵³ увидела Каллироя на своем перстне изображение Херея,⁵⁴ и, целуя его, сказала: «Поистине, ты погиб для меня, Херей, отделенный от меня таким огромным морским пространством. Ты оплакиваешь меня и раскаиваешься в своем поступке, и, сидя у пустой могилы, даешь свидетельство верности твоей за гробом, а меня, дочь Гермократа, твою жену, сегодня продали».

Так скорбела она, и сон охватил ее лишь с трудом.

КНИГА ВТОРАЯ

1

Наказав эконому Фоке относиться внимательно к Каллирое, Леона тою же ночью выехал в Милет, спеша к хозяину с радостной вестью о покупке новой невольницы и не сомневаясь, что он несет Дионисию великое утешение в его скорби. Дионисия застал он еще в постели. Хотя отечество и тосковало по нем, Дионисий, томимый горем, почти никуда не выходил из дому, все время оставаясь в спальне, будто все еще была с ним его жена. Завидев Леону, Дионисий сказал ему:

— Эту ночь я в первый раз после смерти несчастной спал хорошо. С полной ясностью видел я во сне покойную, только еще более красивой и стройной, чем прежде, и вела она себя со мной совсем так, как на яву. Снилось мне, будто это первый день нашей свадьбы и будто я провожаю ее, как свою невесту к себе домой из моих приморских земель, а ты будто бы мне поешь гимней.⁵⁵

Дионисий еще не кончил, как Леона громко воскликнул:

— И во сне счастлив ты, владыка, и на яву! Сейчас ты услышишь то самое, что тебе приснилось.

И Леона приступил к своему рассказу.

— Из страха перед телонами бросивший якорь за пределами города, недалеко от твоего имения, подошел ко мне недавно один купец с предложением купить замечательной красоты женщину.

Условившись с ним, я уехал в деревню, где дело мы с ним и закончили: я отдал ему талант. Законное же подписание купчей должно будет состояться здесь, в городе.

Дионисию было приятно слушать о красоте женщины — он, действительно, был женолюбив, — но неприятно — об ее рабстве: ему, важному человеку, занимавшему и по сану, и по своему воспитанию, первое место в Ионии, ложе служанки претило.

— Леона, — сказал он, — красивый человек не может не быть свободным по происхождению. Разве не слышал ты от поэтов, что красавцы — дети богов: тем более все они дети свободных. Приглянулась она тебе в твоём уединении, по сравнению с деревенскими женщинами. Но уж раз ты ее купил, ступай на площадь: ⁵⁶ знаток законов Адраст ⁵⁷ составит купчую.

Рад был Леона, что ему не верят: тем сильнее должна была поразить хозяина неожиданность. Но обошел Леона весь город, все столы менял, все милетские гавани, а найти Ферона не мог он нигде. Он расспрашивал и купцов, и перевозчиков: Ферона никто не знал. В полном недоумении Леона нанял гребную лодку и проехал в ней до мыса, а оттуда к имению. Но не мог же найти он того, кто из Милета уже уплыл! Медленно возвращался он к своему хозяину. Обратив внимание на грустное выражение его лица, Дионисий спросил, какая случилась с ним неприятность, и Леона ответил:

— Загубил я твой талант, владыка!

— Случившееся, — заметил Дионисий, — заставит тебя действовать вперед осмотрительнее. Но, все-таки, что же произошло? Или новая невольница убежала?

— Убежал ее продавец, а не она, ответил Леона.

— Ну, это был, значит, хищник, продавший тебе краденую рабыню и потому-то и сбывший ее втихомолку. Откуда происходит, говорил он тебе, эта женщина?

— Она из Италии, сибаритянка, ⁵³ из ревности проданная своей госпожей.

— Поищи, не проживает ли здесь каких-нибудь сибаритян, а женщину пока оставь в деревне у нас.

Печальный вернулся назад Леона, жалея о несостоявшейся сделке, и решил выжидать удобного случая, когда можно будет уговорить хозяина выехать в имение. Одна оставалась у Леоны надежда: наружность женщины.

2

В комнату к Каллирое вошли деревенские женщины и тотчас же принялись за нею ухаживать как за своей хозяйкой. А Плангона, жена эконома, смышленное существо, сказала ей:

— Все-то тоскуешь ты, доченька, о своих. А ты и чужих здесь считай своими. Дионисий, хозяин наш, человек хороший и добрый. Счастливо привел тебя бог в честный дом: житья здесь будет тебе, как в родном краю. Смой с себя тину-то после долгого морского пути: служанки у тебя есть.

С трудом, насильно отвела она Каллирою в баню, где ее натерли маслом и старательно вымыли. И если, пока она стояла одетой, женщины дивились ее божественному лицу, то еще в большее пришли они изумление, когда Каллироя разделась и они увидели всю ее такой же божественной, как и ее лицо. Словно каким-то сиянием заблестало ее белое тело, а кожа на нем была так нежна, что к ней страшно было притронуться: казалось, прикосновение пальца может ее поранить. Кругом тихо перешептывались:

— Красавицей, и красавицей знаменитой, была наша госпожа, но этой годилась бы она в служанки.

Огорчали эти похвалы Каллирою, так как неложно пророчествовали ей о том, что ожидало ее впереди. Когда ее вымыли и начали ей завязывать волосы, то принесли ей чистые платья, но она стала говорить, что такие платья невольнице не подходят:

— Дайте мне рабский хитон, сказала она: ведь и вы важнее меня.⁵⁹

Одела она на себя, что первым попало ей под руку, но и эта одежда пришлась ей к лицу и, осиянная ее красотой, одежда выглядела богатой.

Женщины сели завтракать, после же завтрака Плангона сказала Каллирое:

— Обратись к Афродите и помолись за себя: богиня прославлена тут, и не только здешние жители, но и горожане приходят сюда приносить ей жертвы. Особенно внемлет она Дионисию, потому, что никогда не пройдет он мимо нее, не помолившись ей.

Тут начались рассказы о явлениях богини, а одна из крестьянок сказала Каллирое:

— Когда взглянешь ты на Афродиту,⁶⁰ тебе покажется, что ты смотришь на свое собственное изображение.

При этих словах у Каллирои навернулись слезы, и она подумала про себя: «Что за несчастье! И здесь опять Афродита, та богиня, которая стала причиной всех моих бедствий! Но я пойду к ней: хочется мне за многое упрекнуть ее».

Храм богини стоял на большой дороге, недалеко от виллы. Преклонившись перед Афродитой, припала Каллироя к ее стопам и сказала:

— Ты первая указала мне на Херея, но, сочетав меня с ним прекрасными узами, ты их не сберегла. А между тем, мы тебя украшали.⁶¹ Но уж раз такова была твоя воля, то об одной молю тебя милости: после Херея, не влюбляй в меня никого другого.

Афродита эту ее просьбу отвергла: ведь она мать Эрота⁶² и ведь новый она затевала для Каллирои брак, хотя и этот брак сберечь она также не собиралась. А к Каллирое, после того как она избавилась от разбойников и плаванья по морю, начала возвращаться та красота, которая была ей присуща, так что дивились крестьяне, видя, как с каждым днем Каллироя все хорошеела.

3

Дождавшись подходящего случая, Леона такие повел с Дионисием речи:

— Давно уже не бывал ты, владыка, в твоём приморском именьи, а между тем тамошние дела настоятельно требуют тво-

его присутствия: и стада, и насаждения обозреть тебе необходимо, заставляет тебя торопиться с твоим приездом туда также и сбор плодов. Воспользуйся и роскошью помещений, которые мы построили там по твоему приказу. Да и горе свое ты будешь сносить там легче, отвлекаемый от него и утехами, и делами по управлению именем. Если же ты пожелаешь поощрить кого-нибудь из пастухов или овцеводов, то подаришь ему новоприобретенную тобою невольницу.

Дионисий дал Леоне согласие и назначил отъезд на определенный день. А как только отдано было им это распоряжение, так сейчас же принялись кучера снаряжать колесницы, а конюхи лошадей, суда же готовить — матросы. Друзья и множество вольноотпущенников получили приглашение участвовать в путешествии: склонность к великолепию была в характере Дионисия. Когда все было приготовлено, Дионисий отдал приказ везти морем багаж и большую часть народа, колесницам же велел следовать за собой, после того как раньше выедет он сам вперед: пышный поезд, говорил он, не приличествует человеку в горе. На заре, пока народ не успел заметить его, он сел на лошадь. Его сопровождало четверо лиц, и Леона был в их числе.

Дионисий выехал в деревню, а Каллироя, увидев в ту ночь во сне Афродиту, пожелаала вновь поклониться ей. Стоя перед ее статуей, она ей молилась, когда Дионисий, соскочив с коня, вошел первым в храм. Заслышав шаги, Каллироя на них обернулась, и, увидев ее, Дионисий воскликнул:

— Милостива будь, Афродита, и да послужит твое явление мне во благо!

Он уже собирался стать перед ней на колени, но Леона его от этого удержал, говоря:

— Это же новая невольница, владыка! Успокойся! А ты, женщина, подойди к своему хозяину.

При слове «хозяин» Каллироя опустила глаза, и потоком полились у нее слезы: тяжело было ей отвыкнуть от бывшей свободы. Но Дионисий ударил Леону, сказав ему:

— Нечестивец! С богами разговариваешь ты точно с людьми! Это ее-то ты называешь невольницей? Вполне естественно, не нашел ты и ее продавца. Да неужели же ты и того не слышал, чему нас учит Гомер? Ведь

*Боги, образ нередко приняв людей чужестранных,
Видят преступных людей и тех, что живут по закону.*⁶³

— Перестань, — обратилась к Дионисию Каллироя, — надо мной смеяться, называя богиней ту, что не обладает и людским счастьем.

Божественным показался Дионисию и голос ее, когда она говорила: он напоминал музыку и походил на звучанье кифары. В смущении не решившись дольше с ней разговаривать, Дионисий удалился к себе на виллу, уже пылая огнем любви.

Вскоре же прибыл из города и багаж, и о случившемся быстро пробежала молва. Все спешили взглянуть на женщину, делая вид, будто они зашли в храм, чтобы поклониться там Афродите. Каллирою смущала эта толпа народа, и она не знала, что делать: кругом нее все было чуждо ей. Не видела она и знакомой своей Плангоны, которая занята была встречей хозяина. Время подвигалось вперед, а на виллу никто не являлся, так как все, словно зачарованные, оставались в храме. Догадался, впрочем, о том, что произошло, Леона, который, отправившись в храм, Каллирою оттуда и вывел. И вот тут можно было убедиться, что царицами на свете рождаются, подобно царицам пчелиных ульев. Ибо непроизвольно двинулись вслед за ней решительно все присутствовавшие, как за своей, будто избранной ими за ее красоту, владычицей.

4

Каллироя вернулась в свою, ставшую ей привычной, комнату.

Дионисий был ранен, но человек воспитанный и решительный притязавший на доблесть, он пытался скрыть свою рану. Боясь уронить себя в глазах прислуги, а в глазах друзей ока-

заться смешным, он боролся с собой в течение всего вечера, думая, что никто этого не замечает, но выдавал себя тем сильнее своей молчаливостью.

— Пусть это отнесут чужеземке, — посылал он ей порции со стола: говори только не «от хозяйина», а «от Дионисия».

Пир затянул он до позднего часа: он знал, что ему не заснуть и бодрствовать желал в обществе друзей. Гостей отпустил он лишь с приближением глубокой ночи. Но на долю ему не выпало сна. Мысленно находился он в храме Афродиты, и припоминались ему все подробности: и лицо ее, и ее волосы, и то, как обернулась она, как на него взглянула, и голос ее, и осанка, и ее слова. Жгли его и слезы ее.

Тут можно было увидеть борьбу рассудка со страстью. Благородный человек, заливаемый страстью, пытался он ей противиться и, выплывая на мгновение из ее пучины, он так говорил самому себе: «Дионисий! Не стыдно тебе, пользующемуся доброй славой самого честного человека во всей Ионии, тебе, к которому относятся с уважением и сатрапы, и цари, и города, отдаваться мальчишеским переживаниям? Только раз увидев ее, ты в нее влюбился! И влюбился во время своего траура, еще не очистив себя перед духами бедной покойницы! Для того ли ты приехал в деревню, чтобы праздновать в трауре свою свадьбу? Свадьбу с рабыней, быть может, принадлежащей даже другому? Ведь нет у тебя на нее и купчей». Но спорил с этими здравыми рассуждениями Эрот, благоразумие Дионисия принимавший в личное себе оскорбление, и потому с удвоенной силой раздувавший пожар в душе, мудрствовавшей во время любовной страсти. Наконец, будучи дольше не в состоянии выносить этот спор с самим собой в одиночестве, Дионисий послал за Леоной. Тот понял причину, но прикинулся непонимающим. Будто бы встревоженный, он спросил:

— Ты не спишь, владыка? Уж не охватила ли тебя опять тоска по умершей?

— Да, — ответил ему Дионисий, — охватила меня тоска, только не по умершей. Я знаю твое доброе ко мне расположе-

ние и твою мне преданность, и нет у меня никаких от тебя тайн. Ты погиб, Леона! Ты виновник моих несчастий. Ты внес в мой дом, или, правильнее, в душу мою, огонь. Смущает меня и та неизвестность, какая эту женщину окружает: сказку рассказываешь ты мне о летучем купце, о котором не знаешь ты даже, ни откуда приехал он, ни куда отбыл. И кто же, будучи собственником такой красоты, стал бы за один талант втихомолку ее продавать, ее, чья цена равняется царскому состоянию? Это обманул тебя какой-нибудь бог. Припомни же хорошенько, как было дело: кого ты видел? С кем говорил? Скажи откровенно мне: судна ты не видал?

— Не видал, владыка, но я о нем слышал.

— То-то и оно! Это вышла из моря нимфа, или одна из nereид. Бывают веления рока, подчиняющие себе и богов и заставляющие их общаться с людьми: поэты и художники нам об этом рассказывают.

Дионисию было приятно убеждать Леону, превознося эту женщину как такую, которая слишком была высока для связи со смертным. Но Леона, желавший угодить своему хозяину, сказал:

— Не будем доискиваться, владыка, кто она такая, а если хочешь, я лучше к тебе ее приведу: не огорчай себя мыслью о неудаче, располагая властью в любви.

— Этого я никогда не сделаю, не узнав сперва, кто она и откуда, сказал Дионисий. Завтра же с утра, давай, выведем от нее всю правду. Но, чтобы не навлечь на себя нам невольного подозрения, я приглашу ее не сюда, а туда, где увидел я ее в первый раз: пусть мой с ней разговор произойдет перед статуей Афродиты.

5

Так они и порешили, и на следующий же день Дионисий, в сопровождении своих друзей, отпущенников и самых верных из своих рабов, дабы иметь также и свидетелей, пришел в храм.

Внимание обратил он и на свою одежду, слегка приукрасив себя, как человек, отправляющийся на свиданье с возлюбленной. Впрочем, был он и от природы красив, высокого роста, и выделялся своей величественностью. А Леона пришел к Каллирое, прихватив с собой и Плангону, и знакомых Каллирое служанок.

— Дионисий — сказал он ей, — человек в высшей степени честный и правомерный. Сейчас он находится в храме, и ты должна ему, женщина, сказать о себе правду, кто ты такая. Ни в какой справедливой помощи не будет тебе от него отказа. Только говори с ним искренно и ничего от него не утаивай: это всего скорее расположит его к тебе.

Нехотя, но все же пошла Каллироя, ободряемая тем, что происходить разговор у них будет в храме. Когда же пришла она, то привела она всех еще в больший восторг, чем в первый раз. Не раскрывая рта, в изумлении стоял перед ней Дионисий. Наконец, с трудом, после продолжительного молчания, он проговорил:

— Все, касающееся меня, тебе ясно, женщина: я — Дионисий, главный человек в Милете, а пожалуй, и во всей Ионии, благочестие и отзывчивость которого широко всем известны. Справедливо, чтобы и ты сказала нам о себе истину. Продавшие тебя утверждали, что ты сибаритянка и что они купили тебя там у твоей хозяйки, сбывшей тебя им из ревности.

Каллироя зарделась и, опустив глаза, тихо проговорила:

— Продана я сейчас впервые, Сибариса же я не видела.

— Говорил я тебе, — сказал Дионисий, покосившись в сторону Леоны, — что она не рабыня! Предсказываю, что и происхождения она благородного. Скажи, женщина, все, и прежде всего, как тебя зовут.

— Каллироя, — сказала она в ответ.

Дионисию понравилось и ее имя.

Об остальном хранила Каллироя молчание. Но так как Дионисий продолжал неотступно ее расспрашивать, она сказала:

— Владыка! Прошу тебя разрешить мне умолчать о моей судьбе. То, что было со мной сперва, было сном, было сказкой. А сейчас я то, чем я стала теперь: чужеземка-рабыня.

Так говоря, старалась скрыть она свои слезы, но они текли у нее по щекам. Кончилось тем, что расплакались и Дионисий и все окружавшие, а могло бы даже показаться иному, что опечалилась и сама статуя Афродиты. Движимый любопытством, Дионисий становился все более настойчивым.

— Умоляю тебя, — обратился он к Каллирое, — оказать мне первую милость: поведай мне о самой себе, Каллироя. Не чужому рассказывать будешь ты, ибо в наших характерах есть у нас с тобой нечто родственное. Не страшись ничего, даже если тобой совершенно нечто тяжкое.

На последние слова Каллироя обиделась:

— Не оскорбляй меня, — сказала она, — ничего дурного я за собой не знаю. Но так как бывшая высота моего положения не соответствует теперешней моей судьбе, то я боюсь показаться обманщицей, рассказывая о себе вещи, которые со стороны тех, кто не знает их, вызовут недоверие, потому, что прошлое не свидетельствует о настоящем.

Образ мыслей женщины привел Дионисия в восхищение.

— Можешь ничего не рассказывать, — обратился он к ней, — я и так все уже понял. А впрочем, все-таки, говори, хотя сказать о себе не сможешь ты ничего такого, что по своему величию равнялось бы тому, что мы перед собой сейчас видим. Любая блестящая повесть о тебе окажется ниже тебя самой.

С трудом начала она, наконец, о себе рассказ:

— Я дочь Гермократа, сиракузского стратега. Потерявшую сознание после внезапно случившегося со мной несчастья меня богато мои родители похоронили. Мою могилу вскрыли грабители. В ней они и меня нашли, уже после того, как ко мне вернулось дыхание, привезли сюда, и здесь Ферон потихоньку продал меня вот ему, Леоне.

Обо всем сообщив, умолчала Каллироя только о Херее.

— Но, — так продолжала она, — умоляю тебя, Дионисий. Ты ведь эллин, ты — гражданин человеколюбивого города и ты образован: не уподобляйся разбойникам и не лишай меня моего отечества и моих родных. Что тебе, при твоём богатстве, еще

одна лишняя невольница? Но ты не потеряешь и выплаченной за меня цены, если вернешь меня моему отцу: Гермократ умеет отвечать благодарностью. Мы любимся Алкиноем, и нравится он нам именно тем, что он доставил просителя на его родину.⁶⁴ Являюсь и я твоей просительницей. Спаси пленную сироту. Если же свободы своей не смогу сохранить я в жизни, то избираю я тогда для себя свободную смерть.

Слушая это, Дионисий рыдал, будто бы над Каллироей, в действительности же над самим собой. Ибо он понимал, что надежда на удовлетворение его страсти от него ускользает.

— Ободрись, Каллироя, — сказал он, — не падай духом! Ты получишь то, о чем просишь: в свидетельницы я призываю эту вот Афродиту.⁶⁵

6

Возвращалась Каллироя к себе в уверенности, что против ее воли с ней ничего не сделают, а Дионисий вернулся домой печальным. Вызвав Леону, он, оставшись с ним с глазу на глаз, сказал ему:

— Эрот ненавидит меня, и я во всем несчастен. Жену свою я скоронил, а новая невольница бежит от меня, а я-то считал ее подарком мне Афродиты. Я создавал себе в мечтах жизнь блаженнее, чем жизнь Менелая, мужа знаменитой лакедемонянки,⁶⁶ потому что я не допускаю, чтобы так красива была даже и Елена. И сколько убедительности в ее речах. Да, отжита у меня жизнь! В тот самый день, как Каллироя удалится отсюда, и я удалюсь из жизни.

— Нет, не связывай себя закланием! — закричал Леона на эти слова Дионисия. — Ты же ведь ее хозяин, ты же имеешь над нею власть, и она, хочет или не хочет, а выполнит твое решение. Уплатив талант, я же ее купил!

— Купил! Свободную ты, трижды несчастный, купил? А разве не слышал, что имя Гермократа, стратега всей Сицилии, торжественно чеканится на монетах этого острова,

имя Гермократа, которого уважает и любит персидский царь, посылающий ему ежегодно дары за то, что в морском сражении он разбил врагов Персии, афинян? Мне стать тиранном свободной личности? Мне, Дионисию, чья прославлена строгая нравственность, мне оскорбить насилем ту, которую оскорбить не решился и Ферон-разбойник?

Так объявил он Леоне и, однако же, продолжал надеяться, что сумеет склонить Каллирою: благие надежды свойственны природе Эрота. Дионисий верил, что заботливостью о Каллирое он цели своих желаний добьется. Он вызвал к себе Плангону и сказал ей:

— Усердие свое доказала ты мне уже достаточно. Поэтому я вручаю тебе самое важное и самое для меня дорогое из всего, что мне принадлежит, — нашу гостью. Хочу, чтобы она не терпела ни в чем недостатка, вплоть даже до роскоши. Считай ее своей госпожей, ухаживай за ней, служи ей и старайся ее к нам привязать. Почаще хвали меня ей, описывая меня ей таким, каким ты меня знаешь. Владыкой, смотри, ей меня не называй!

Плангона поняла поручение. Она была расторопна, и делом этим она поспешила заняться, скрытно связав с ним и свой собственный замысел. Придя к Каллирое, она о полученном ею приказе за ней ухаживать не сообщила ей, а принялась высказывать ей расположение, стремясь войти в доверие к ней и сделаться ее советницей.

7

Произошел следующего рода случай.

Дионисий затягивал свое пребывание в деревне то под тем, то под другим предлогом, в действительности же потому, что он был не в состоянии удалиться от Каллирои, а увозить ее с собой ему не хотелось: ведь как только ее увидели бы, так поднялись бы крики о ней, ее красота поработила бы всю Ионию, и докатились бы слухи о ней и до великого царя!

Оставаясь в имении и тем внимательнее занимаясь делами последнего, он сделал за что-то однажды выговор эконому Фоке. Особых последствий этот выговор не имел: дальше слов дело не пошло. Но Плангона воспользовалась удобным случаем и, растрепав себе волосы, вбежала испуганная к Каллирое. Дотронувшись до ее колен,⁶⁷

— Государыня! — сказала она, — умоляю тебя, спаси нас! Дионисий сердится на моего мужа, а от природы он так же вспыльчив, как и человеколюбив. Кроме тебя, никто не сможет нас защитить, тебе же, если ты у него попросишь, он с радостью поспешит оказать первую милость.

Идти к Дионисию Каллироя стеснялась, но ответить отказом на неотступные просьбы Плангоны она не могла, так как чувствовала свои обязательства перед ней за те услуги, какие та ей делала. И, чтобы не показаться неблагодарной, она ответила ей:

— Да ведь и я рабыня и права голоса не имею и я. Но, раз ты думаешь, что я смогу что-то сделать, то я готова идти его умолять вместе с тобой. Лишь бы только дело увенчалось у нас удачей.

Они отправились, и Плангона велела стоявшему у дверей человеку доложить владыке, что явилась к нему Каллироя.

Дионисий в то время лежал, удрученный горем; он и телесно начал недомогать. Услышав, что явилась к нему Каллироя, он от неожиданности онемел, и на него наплыл какой-то туман. Еле-еле придя в себя,

— Пусть входит, — проговорил он.

Близко подойдя к Дионисию и опустив глаза, Каллироя сперва залилась румянцем, но потом, с трудом, правда, все же промолвила:

— К ней, к Плангоне, я чувствую глубокую благодарность: она любит меня, как родную дочь. Так вот умоляю тебя, хозяин, не сердись на ее мужа: подари ему твою милость.

Хотела она продолжать, но ей не хватило духу.

Дионисий понял военную хитрость Плангоны:

— Да, — сказал он, — я очень сержусь, и ни один человек на свете не смог бы их, Фоку с Плангоной, избавить от гибели, заслуженной ими за их тяжелый проступок, но ради тебя я охотно им эту милость оказываю. Знайте же, что спаслись вы благодаря Каллирое.

Плангона припала к коленям Дионисия, а Дионисий заметил ей:

— Припадайте к коленям Каллирои: это она спасла вас.

Увидев, что Каллироя довольна, и заметив на ее лице радость по случаю дарованного Дионисием прощения, Плангона сказала ей:

— Поблагодари же за нас Дионисия!

С этими словами она подтолкнула ее к нему, и Каллироя, неловко став на колени, нечаянно натолкнулась на правую руку Дионисия, но тот, как бы не дозволив ей дотронуться до его руки, притянул Каллирою к себе и поцеловал, а потом сейчас же отстранил ее от себя, дабы о подстроеной хитрости не возникло у нее никакого подозрения.

8

Женщины удалились. Но поцелуй, как яд, проник глубоко в самые внутренности Дионисия, и не мог больше Дионисий ни видеть, ни слышать. Он был со всех сторон окружен осадой и против любви своей не находил никакого средства. Не могли быть таким средством подарки, потому что Дионисий видел гордый нрав этой женщины, не пригодны были и угрозы, и сила, так как Дионисий не сомневался, что Каллироя скорее предпочтет смерть, чем уступит насилию. Рассчитывал он только на помощь одной лишь Плангоны, которой он, вызвав ее к себе, и сказал:

— Первая военная хитрость тебе удалась, и за поцелуй я тебе благодарен. Но поцелуй этот либо спасет меня, либо погубит. Поразьмысли же, как тебе, женщине, одолеть женщину же, имея союзником и меня. Знай, что победной наградой назна-

чается тебе свобода⁶⁸ и еще нечто другое вдобавок, что тебе, я уверен, гораздо дороже свободы, — жизнь Дионисия.

Получив приказание, Плангона всячески пыталась его осуществить и шла на различные хитрости. Каллироя, однако, оставалась непобедимой и продолжала сохранять верность одному Херею. Но перехитрила Каллирою Судьба: человеческий расчет ничего не значит лишь перед ней одной. Любит эта богиня борьбу и никогда не отчаивается. Так и тогда удалось ей дело осуществить неожиданное или, правильное сказать, невероятное. Стоит послушать, как это произошло.

Замыслила Судьба козни против целомудрия женщины. Дело в том, что когда Херей и Каллироя впервые сошлись друг с другом в брачном союзе любви, то оба они почувствовали одинаковое влечение друг к другу, а равная у обоих сила желаний бесплодным сделала и взаимное их общение: женщина зачала незадолго до своего обморока. Но среди последовавших затем для нее опасностей и бедствий она беременность свою заметила не так скоро. С началом, однако, третьего месяца начал увеличиваться у нее живот, и опытная в женских делах Плангона это заметила во время бани. Присутствие множества служанок заставило ее тогда промолчать. Но к вечеру, на досуге, она под села к Каллирое на ее постель и сказала ей:

— А знаешь, доченька, ты ведь беременна.

Каллироя расплакалась. Рыдая и теребя на голове свои волосы, она восклицала:

— Еще и это к моим несчастьям добавила ты мне, Судьба: ты хочешь заставить меня родить раба!

И, ударяя себя по животу, она восклицала:

— Бедный! Еще до того, как родиться тебе, ты уже побывал в могиле и отдан был в руки разбойников! В какую вступаешь ты жизнь? Раба, сироту, без родины, в надежде на что предстоит мне тебя вынашивать? Прими же смерть до своего рождения!

Но руки ее удержала Плангона, которая обещала ей, что завтра же она легко устроит ей выкидыш.

9

Оставшись наедине с собой, обе женщины отдались каждая собственным мыслям. Плангона думала о том, что теперь представился удобный случай устроить господину дело его любви. «Союзником твоим, — так говорила себе Плангона, — будет живот Каллирой. Найден залог ее послушания! Верность жены будет побеждена материнской любовью». С увлечением принялась она обдумывать ход предстоявших действий. А Каллироя обдумывала гибель своего ребенка, мысленно обращая к себе такие речи: «Гермократова внука родить мне на рабство владыке? На свет произвести младенца, отца которого никто не ведает? Чего доброго, скажет, пожалуй, иной из завистников: забеременела Каллирол в притоне разбойников. Нет, достаточно с меня быть несчастной только одной: не стоит тебе, дитя, вступать в жалкую жизнь, от которой тебе, и родившись-то, следовало бы бежать. Уйди же из нее свободным, не изведав горя. Не услышишь ты и росказней о своей матери».

Потом ее брало раскаянье и охватывала жалость к тому, кого носила она у себя в утробе: «Ты замышляешь детоубийство? Нечестивая! Неужели же следуешь ты примеру Медеи? ⁶⁹ Но ты выкажешь тогда себя свирепее даже скифянки! ⁷⁰ Ведь та в муже своем имела себе врага, ты же хочешь убить ребенка Херея и не оставить даже и воспоминания о прославленном вашем браке! А что, если это окажется сын? А что, если будет он похож на отца? А что, если будет он более счастлив, чем я? Ты, мать, собираешься убить того, кто спасенным вышел и из могилы, и из рук разбойников? А мало ли слышали мы про детей богов и царей, родившихся в рабстве и вернувших себе потом достоинство своих отцов? А Зетос и Амфион? ⁷¹ А Кир? ⁷² Поплывешь у меня и ты, маленький мой, в Сицилию, разыщешь там отца своего и деда и расскажешь им про судьбу своей матери. Приедет по морю войско ко мне на помощь, и ты, мой сынок, вернешь нам обоим наших родителей». Всю ночь она думала над

этим и лишь не надолго забылась сном. А во сне предстал ей образ Херея, совершенно с ним схожий.

*Приврак, величием с ним и очами прекрасными сходный:
Та ж и одежда, и голос тот самый, сердцу внакомый.*⁷³

Образ Херея остановился перед ней и сказал ей: «Тебе, жена, поручаю я сына». Он собирался говорить дальше, но Каллироя вскочила, желая его обнять. И, сочтя, что она получила совет от мужа, решила она ребенка выкормить.

10

О своем решении она объявила на следующий день Плангоне, когда та пришла к ней. И Плангона не преминула подчеркнуть ошибочность такого решения.

— Выкормить у нас ребенка тебе, женщина, не удастся, — сказала она, — наш влюбленный в тебя хозяин, хотя и не станет из уважения к тебе и по своей порядочности насиловать твоей воли, но из ревности он ребенка кормить тебе не разрешит. Ему будет обидно, что ты проявляешь к отсутствующему такое внимание, в то время как им самим, находящимся рядом с тобой, пренебрегаешь. Думается мне поэтому, что для ребенка лучше погибнуть еще до своего появления на свет, чем уже родившись. Равным образом будет и у тебя та выгода, что ты избавишься от муки напрасных родов и от ненужной беременности. Правду говорю я тебе из любви к тебе.

Тяжело было Каллирое это услышать, и, припав к коленям Плангоны, стала она ее умолять выискать вместе с ней какое-нибудь такое средство, которое позволило бы ей кормить ребенка. Долго отказывалась Плангона и в течение двух-трех дней оттягивала свой ответ. Когда же, заставив Каллирою тем самым лишь все горячее ее упрашивать, она заручилась еще большим со стороны Каллирои доверием, то она прежде всего связала ее клятвенным обещанием никому хитрости их не выдавать, после чего, нахмутив брови и потеряв руки, сказала:

— Великие дела удаются, женщина, только благодаря смелым замыслам. Так вот и я: из расположения к тебе предаю своего господина! Знай, однако, что предстоит ребенку одно из двух: либо вовсе погибнуть, либо родиться первым богачом Ионии и наследником блистательнейшего дома. Счастливой сделает он и тебя, свою мать. Выбери то или другое, что хочешь.

— Да кто же, — ответила Каллироя, — будет так неразумен, что предпочтет детоубийство счастьем? Только, по моему, ты говоришь о чем-то несбыточном, невероятном. Выскажись яснее.

Плангона спросила:

— Как ты думаешь: сколько времени ты беременна?

— Два месяца — ответила Каллироя.

— Такой срок служит в помощь нам: легко покажется, что ты родила семимесячного от Дионисия.

На эти слова Каллироя вскрикнула:

— Нет, лучше тогда пусть гибнет!

И Плангона притворно с ней согласилась:

— Правильно рассуждаешь, женщина, предпочитая выкидываш. Значит, так и поступим. Разумеется, это безопаснее, чем обманывать господина. Отрежь же от себя раз навсегда воспоминания о бывшей свободе, не надейся и на возвращение к себе на родину, приспособься к теперешней своей доле и добросовестно стань рабыней.

Юная, свободного происхождения девушка, не знакомая с рабим лукавством, слушала Каллироя речи Плангоны, ничего за ними не подозревая. Но, чем больше спешила Плангона с вытравливанием, тем сильнее Каллироя жалела ребенка, находившегося у нее в утробе.

— Дай мне время взвесить, — просила она. — Ведь передо мной лежит выбор между двумя важнейшими вещами: либо сохранить целомудрие, либо сохранить ребенка.

Плангона опять ее похвалила, за то именно, что выбор делает она не наобум.

— Действительно, ведь одно уравнивается здесь другим, — заметила она, — с одной стороны верность жены, а с другой любовь матери. Все же, на долгий срок откладывать дела нельзя: во всяком случае завтра необходимо будет принять окончательное решение, пока не выдал тебя твой живот.

Согласившись на этом, они друг с другом расстались.

11

Поднявшись к себе наверх⁷⁴ и закрыв на ключ дверь за собою, Каллироя приложила к своему животу изображение Херея⁷⁵ и так сказала себе: «Вот стало нас теперь трое: муж, жена и ребенок. Подумаем же мы вместе о нашей общей пользе. Первой выскажу свое мнение я: хочу оставаться до самой смерти женой одного лишь Херея. Со вторым не знакомиться мужем: это дороже мне и родителей, и отечества, и ребенка. Ну, а ты, дитя? Что ты для себя избираешь? Скончатся ли от отравы до того как увидеть солнце и быть выброшенным вместе со своею матерью, получив, может быть, отказ даже в погребении, или же остаться жить и иметь двух важных отцов, в Сицилии одного, а другого в Ионии? Возмужав, ты без труда опознан будешь тогда родными, так как я уверена, что рожу я тебя похожим на твоего отца. На милетской триере, окруженный блеском, приплывешь ты обратно в Сицилию, и Гермократу радостно будет получить внука, умеющего быть стратегом. Ты вносишь, дитя мое, предложение, моему противоположное, и не дозволяешь нам умереть. Спросим же и твоего отца. Впрочем, он уже высказался: ведь, представ предо мной в сновидении, он же сам мне сказал: тебе поручаю я сына. Херей! Призываю тебя в свидетели: ты ведешь меня к Дионисию в жены!».

Соглашаясь жить не ради себя, а ради младенца, провела она в таких мыслях тот день и ту ночь, а на утро пришла к ней Плангона и грустно присела сперва с выражением сострадания на лице.

Обе долго молчали.

Наконец, Плангона спросила:

— Как же ты решила? Что будем делать? Дольше медлить нельзя.

От волнения и слез ответить быстро на этот вопрос Каллироя была не в состоянии.

— Против воли моей предает меня мой ребенок, — с трудом проговорила она, — делай, как лучше. Боюсь только, что Дионисий, даже если я пойду на это бесчестие, отнесется ко мне презрительно в постигшей меня судьбе и, признав во мне не жену, а наложницу, запретит мне кормить ребенка, рожденного от другого: даром потеряю я свою честь.

Не успела и кончить она своих слов, как Плангона ее перебила:

— Об этом, — сказала она, — я прежде тебя подумала: не напрасно же я люблю тебя теперь крепче, чем своего хозяина! Доверься характеру Дионисия: он честен. А все-таки я заставлю Дионисия мне присягнуть, хоть он мне и владыка. Нам с тобой надлежит во всем поступать осмотрительно. В свою очередь, доченька, положишься на меня и ты! Но иду от тебя послом отнести поручение.

КНИГА ТРЕТЬЯ

1

Не встречая ответной любви со стороны Каллирои и не имея сил выносить такую жизнь дольше, Дионисий решил голодом покончить с собой: излагая в завещании свою последнюю волю, указывал он, как его похоронить. К Каллирое он обращался с письменной просьбой, хоть к мертвому подойти к нему.

Плангона собиралась войти к хозяину, но ее к нему не пропустил слуга, которому был дан приказ никого не принимать. Услышав их спор за дверь, Дионисий спросил, кто это пришел ему досаждать, и слуга ответил, что это Плангона.

— Не во-время явилась она! — воскликнул Дионисий: ничего из того, что напоминало ему о его страсти, он больше не желал видеть.

— Но, все-таки, позови, — сказал он.

Плангона открыла дверь.

— Владыка! — обратилась она к нему. — Зачем ты себя изводишь, огорчаясь тем, будто ты не имеешь успеха? Ведь Каллироя приглашает тебя вступить с ней в брак. Приоденься, твори жертвоприношения и встречай невесту, в которую ты влюблен!

Неожиданность потрясла Дионисия. Перед его глазами разлился туман, и он совершенно лишился сил, явив собою картину смерти. На вопли Плангоны сбежались люди, и весь дом охва-

тила печаль по скончавшемся господине. Пролила слезы и Каллироя, когда услышала о случившемся. Мало-помалу придя, наконец, в себя, Дионисий спросил слабым голосом:

— Кто из богов обманывает меня, желая меня совратить с намеченного мною пути? На яву ли или во сне услышал я это? Каллироя хочет выйти за меня замуж, та, которая не хотела, чтобы я даже на нее смотрел?

— Перестань напрасно мучить себя и не верить своему счастью, — сказала ему стоявшая рядом Плангона, — обманывать своего владыку я же не стану. Каллироя прислала меня к тебе с поручением насчет свадьбы.

— Выполни тогда ее поручение, — проговорил Дионисий, — и повтори мне ее собственные слова, ничего в них не сокращая и не прибавляя к ним ничего: припомни их в точности.

— Происхожу я, говорит она, из знатнейшей сицилийской семьи и, хотя я и впала в несчастье, гордость свою я продолжаю еще хранить. Я лишилась отечества, лишилась родителей и не потеряла я лишь своего благородства. Поэтому, если Дионисий собирается держать меня при себе как наложницу, для удовлетворения своей страсти, то я скорее повешусь, чем отдам свое тело на рабское поругание. Если же хочет он иметь меня законной своей женой, то желаю и я сделаться матерью, чтобы продолжить род Гермократа. Пускай же Дионисий обдумает это без спеха и не один на один с собой, а совместно с друзьями и родственниками, чтобы никто потом ему не сказал: «Ты это что же? Собрался растить детей от невольницы и решился позорить свой дом?». Если не хочет он становиться отцом, то пусть, говорит она, не становится тогда он и мужем.

От этих слов загорелся Дионисий еще сильнее. При мысли о том, что любим он ответной любовью, зажглась в нем несбыточная надежда, и воздев свои руки к небу, воскликнул он:

— О, Зевс и Солнце! Если будет у меня ребенок от Каллирои, то по блаженству я себя стану считать выше Великого Царя! Идем же! Веди меня к ней, преданная своему владыке Плангонион!

2

Когда Дионисий взбежал наверх, то первым его движением было броситься к ногам Каллирои. Однако он овладел собой, сел и сказал ей спокойным голосом:

— Я пришел поблагодарить тебя, женщина, за свое спасение. Насиловать твоей воли я не собирался, но, получив от тебя отказ, я решил умереть: ты мне вернула жизнь. Впрочем, чувствуя к тебе величайшую благодарность, я тем не менее обращаюсь к тебе с упреком: ты не поверила мне, что я возьму тебя в жены, согласно законам Греции, для деторождения. Ведь не будь я в тебя влюблен, не стал бы мечтать я о подобном браке. Но ты заподозрила меня, повидимому, в безумии, вообразив, будто я свободную сочту за рабыню, а внука Гермократа не признаю достойным быть моим сыном. Ты говоришь: «подумай». Я уже обдумал. И тебе ли бояться моих друзей, тебе, кто мне дороже всего на свете? Да и кто же посмеет сказать, что будет недостойн меня родившийся у меня сын, дед которого выше еще, чем его отец?

Со слезами в голосе Дионисий приблизился к Каллирое, и, покраснев, Каллироя тихо его поцеловала.

— Тебе, Дионисий, я верю, — сказала она, — но я не верю своей судьбе. Ведь из-за нее потеряла уже я однажды не малое счастье и боюсь, что она со мною все еще не примирилась. Поэтому, хоть ты и честен и справедлив, призови богов в свидетели, не ради себя, а ради граждан и родственников, дабы уже никто, зная, что ты поклялся, не смог выступить против меня потом с каким-нибудь особо жестоким советом. Одинокая женщина, а к тому же еще и чужеземка, мало что значит.

— Какими же богами, хочешь ты, чтобы я поклялся? — спросил Дионисий. — Ибо, будь это только возможно, я был бы готов подняться на небо и клятву принести там, рукой прикоснувшись к самому Зевсу!

— Поклянись мне, — ответила Каллироя, — морем, доставившим меня к тебе, Афродитой, показавшей меня тебе и Эротом, который тебе просватал меня.

Так и порешили, и быстро решение приведено было в исполнение.

Любовь спешила, не позволяя откладывать свадьбы. Управлять силой страсти трудно, но, человек воспитанный, Дионисий, хотя и находился во власти той бури, в которой тонула его душа, из пучины его забывавших чувств все же пытался выплыть. Именно тогда обуздал он себя следующими соображениями. «Я затеваю, — так говорил он себе, — жениться на Каллирое в уединении, как на какой-то и в самом деле невольнице. Но не столь же неблагодарный я человек, чтобы не отпраздновать мне своей с ней свадьбы. Как раз тут-то мне прежде всего и следует выказать ей свое уважение. Это же страхует меня и на будущее. Нет ничего ведь быстрее Молвы. По воздуху несется она беспрепятственно любыми дорогами и ничто необычное не может благодаря ей быть скрытым. Уже бежит она, неся в Сицилию новую повесть: „Каллироя жива, выкрадена грабителями, проникшими к ней в могилу, и в Милете продана в рабство“. Приплывут сиракузские триеры, а на них Гермократ, который потребует себе дочь обратно. Что я скажу ему? „Продал ее мне Ферон“. Куда же Ферон девался?! И даже, если мне и поверят, то как ни как, а я, все же, действительно „укрыватель разбойника“. Готовь судебную речь, Дионисий! Быть может, придется тебе ее произносить перед Великим Царем. Всего надежнее для меня тогда будет заявить: „Услышал я, не помню уж как, о приезде свободной женщины, и на ней, самостоятельно выходявшей за меня замуж, я в городе законным образом открыто женился“. Таким способом легче будет мне убедить также и тестя в том, что достоин я состоять с ней в браке. Терпеливо, душа, снеси небольшую оттяжку назначаемого срока свадьбы, чтобы тем дольше потом вкушать прочную радость. На суде положение мое окажется крепче, если я опираться буду не на права хозяина, а на права супруга».

Так и решил он, и, позвав Леону, сказал:

— Отправляйся в город готовить пышную свадьбу. Пусть сушей гонят стада, а морем везут вино и съестные припасы: я намерен угостить всенародно город.

Подробно распорядившись всем, Дионисий уехал сам на следующий день в экипаже, Каллирою же, которую ему не хотелось еще показывать народу, он приказал подвезти под вечер по морю на баркасе к самому дому, который стоял на берегу залива, носившего название «Знатный». Заботу о Каллирое он поручил Плангоне.

И вот, прежде чем покинуть деревню, Каллироя помолилась сперва Афродите. Войдя в ее храм, после того как она всех удалила оттуда, так сказала она богине:

— Афродита, владычица, справедливо ли будет мне упрекать тебя или должна я тебя благодарить? Девушкой ты соединила меня с Хереем, а теперь отводишь меня после него к другому. Не уговорили бы меня поклясться тобою и твоим сыном,⁷⁶ не предай меня мой младенец! (Каллироя указала на свой живот). И не за себя молю я тебя, — так продолжала она, — а за него:⁷⁷ сохрани втайне хитрость мою, и так как нет при нем истинного его отца, то пускай принимают его за ребенка от Дионисия. Когда вырастет он, то и того найдет он тогда.

При виде ее, пока шла она от святыни к морю, страх охватил матросов: казалось им, будто то шествует к ним сама Афродита, собирающаяся сесть к ним в лодку, и все они, как один, бросились перед нею ниц.

Быстрее всякого слова судно, благодаря усердию его гребцов, достигло залива. А на следующий день с утра все горожане одели венки: каждый приносил жертву не только в храме, но и перед собственным домом. Возникали басни о том, кто такая невеста, причем простой народ, ввиду красоты этой женщины и окружавшей ее таинственности, верил, что это вышла из моря nereida⁷⁸ или что это ожила одна из принадлежавших Дионисию статуй.⁷⁹ Так болтали между собой матросы. Одно было у всех стремление: узреть Каллирою. Толпой собрался народ

у храма Согласия, где по заведенному искони обычаю женихи получали своих невест. Впервые после своего погребения нарядилась тогда Каллироя. Решившись на брак, она в красоте своей полагала теперь и отечество свое и свою родню. Когда же оделась она в длинное милетское платье, а на голову свою возложила венец невесты и обернулась лицом к народу, то все в один голос воскликнули: «Афродита выходит замуж!». Подстилали под ноги ей пурпуровые одежды, розами забрасывали ее и фиалками и разливали кругом нее благовония. Вплоть до стариков и детей никого, даже и в гаванях, не оставалось дома, и народ теснился, карабкаясь под самые крыши. Но и в этот день все то же завистливое божество⁸⁰ опять проявило свой гнев: о том, как именно оно его проявило, скажу я немного позже, сперва же мне хочется сообщить о событиях, какие в это самое время произошли в Сиракузах.

3

Грабители закрыли могилу небрежно, так как по ночному времени они торопились. А Херей, едва дождавшись рассвета, пришел на могилу под предлогом совершить возлияние⁸¹ и принести венки, на самом же деле намереваясь убить себя: вынести разлуку с Каллироей он оказался не в состоянии и считал, что одна лишь смерть поможет ему в его скорби. Но, подойдя к могиле, он заметил, что камни сдвинуты и что в могилу проделан вход. Потрясенный такой картиной, он находился во власти загадки, окружавшей то, что произошло, а между тем Молва быстро принесла сиракузянам весть о необычайном событии. Все сбежались к могиле, но никто не решался в нее проникнуть, пока сделать это не приказал Гермократ. Спустившийся в могилу человек в точности обо всем сообщил. Невероятным казалось то, что и покойницы даже не лежало в могиле. Прыгнул тогда в могилу сам Херей, страстно желая еще раз взглянуть на Каллирою, хотя бы и мертвую. Но, обыскав могилу, не мог ничего найти в ней и он. Многие из недоверия спускались в нее и после

него, и все были в недоумении. Иные из присутствовавших говорили: «Похищены погребальные подношения: это дело грабителей. А покойница где?». Множество различных слухов стало ходить среди стоявшей толпы. Херей же, обратив свои взоры к небу и воздев руки к нему, воскликнул:

— Кто из богов, соперник мой в любви, похитил у меня Каллирою и, уступившую могуществу рока, насильно держит ее теперь при себе вопреки ее воле? Вот потому-то и умерла она так скоропостижно, дабы не пришлось ей болеть! Так и Ариадну⁸² отнял у Тезея Дионис, а Семелой⁸³ завладел Зевс. А я и не ведал, что жена у меня богиня и что была она выше нас! Только зачем было ей уходить от людей так скоро и по такому поводу?! Фетида была богиней, но она осталась с Пелеем и родила ему сына, я же покинут в самом расцвете моей любви. Что делать мне? Что со мною, несчастным, станется? Убить мне себя? Но с кем же меня похоронят? Ведь в моем несчастье только эта одна и была у меня надежда: пусть не уберег я общей с Каллироей спальни, но зато найду я общую с ней могилу. Душу свою защищаю я перед тобой, владычица:⁸⁴ ты меня вынуждаешь жить. Стану искать я тебя по земле и по морю, и по воздуху даже, если я только смогу на него подняться. Об одном лишь молю я тебя, жена: ты-то от меня не беги.

Воплями разразился народ после этих речей Херей, и все принялись оплакивать Каллирою, словно она только что умерла.

Сейчас же начали на воду спускать триеры, и многие пожелали принять участие в поисках. Сицилию обыскал сам Гермokrat, а Херей Ливию.⁸⁵ Иные посланы были в Италию, другие же получили приказ переправиться через Ионийское море.⁸⁶ Но если бессильны были людские старания, то пролила на истину свет Судьба, без которой ничего не бывает в мире. Сделается это каждому ясно на основании того, что произошло.

После продажи женщины, этого груза, который им так трудно было пристроить, разбойники, покинув Милет, направили путь свой к Криту, большому и, как они слышали, богатому, острову, где они рассчитывали быстро распродать свои товары. Но они

были захвачены сильным ветром, который загнал их в Ионийский пролив, где стали они блуждать по открытому морю. В течение долгих дней обрушивались на нечестивцев молнии и раскаты грома: так Провидение⁸⁷ им показывало, что раньше плыли они благополучно благодаря Каллирое. Когда бывали они уже близки к смерти, бог избавлял их от страха не скоро, затягивая их кораблекрушение. Нечестивцев не принимала земля, а их продолжительное плавание привело их к недостатку в припасах, в особенности же в питье. Неправедное богатство никакой не приносило им пользы, и в золоте умирали они от жажды. Поздно раскаивались они в проступке, на который они дерзнули, и попрекали друг друга, говоря «не стоило этого делать!». Все они умирали от жажды, но Ферон и в эти мгновения продолжал оставаться мошенником: ограбляя своих же по грабежу товарищей, он потихоньку крал у них их питье. Думал он, что он поступает хитро, а то было, между тем, делом Провидения, прибегавшего этого человека для пыток и для креста. Ибо та самая триера, которая везла Херея, натолкнувшись на их блуждавшую в море лодку, сперва отошла от нее, как от пиратского судна, но когда обнаружилось, что она никем не управляется, а носится бесцельно по воле волн, то кто-то на триере крикнул:

— В лодке никого нет! Бояться нам ее нечего: приблизимся и расследуем это диво!

Рулевой согласился.

А внутри корабля рыдал, с головой накрывшись плащом, Херей.

Подойдя к лодке, корабль начал сперва окликать находившихся в ней людей. А так как никто не отзывался, то с триеры в нее спустились и нашли в ней лишь золото и мертвецов. Сообщили матросам. Матросы обрадовались: думали, что им повезло напасть в море на клад. Херей, до которого долетел шум, осведомился об его причине, а узнав, в чем дело, захотел и сам посмотреть на невидаль. Но как только он опознал погребальные подношения, так сейчас же разодрал на себе одежды⁸⁸ и громко, пронзительным голосом, закричал:

— Горе мне! Каллироя! Это же твои вещи! Вот венки, который я возложил на тебя! А это вот подарил тебе твой отец! А вот это тебе подарила мать! А вот твоё свадебное платье! Стал могилой тебе корабль. Но вижу я твои вещи, а где же сама ты? Не хватает погребальным подношениям только покойницы!

При этих словах Ферон остался лежать, как мертвый. Да и в самом деле был он уже полумертв. Долго соображал он, как бы сделать так, чтобы вовсе не подавать голоса и совершенно не шевелиться, ибо он ясно предвидел будущее. Каждый человек, однако, естественно хочет жить и даже в самых крайних несчастиях никогда не теряет надежды на перемену к лучшему, так как во всех людей бог, мастеровивший их, вложил эту хитрую свою выдумку,⁸⁹ чтобы помешать ею людям бежать из тяжелой жизни. И томимый жаждой Ферон произнес свое первое слово: «пить!». Когда же ему дали попить и окружили его всяческими заботами, Херей подсел к нему и начал его расспрашивать:

— Кто вы такие и куда плывете? И откуда у вас эти вещи? И что сделали вы с их владелицей?

Ферон, ловкий мошенник, был себе на уме:

— Я критянин,⁹⁰ — отвечал он, — плыву же в Ионию. Разыскиваю я своего брата, ушедшего на войну. Из-за спешной посадки корабль покинул меня в Кефалении,⁹¹ и я сел в эту случайно проходившую мимо лодку. Но ветром необычайной силы загнаны мы были сюда, в это море, где наступило потом продолжительное безветрие и где все погибли от жажды. Только я один был спасен благодаря своему благочестию.⁹²

Выслушав это, Херей велел лодку привязать к триере и плыть назад, в сиракузскую гавань.

4

Но их прибытие в Сиракузы предупредила со свойственной ей быстротой Молва, спешившая тогда в особенности сообщить такое множество неожиданных новостей. Все сбегались к мор-

скому берегу, где слышалось одновременно выражение разнообразнейших чувств: кто плакал, кто удивлялся, кто расспрашивал, кто не верил. Люди поражены были новым повествованием, а мать Каллирои при виде погребальных подношений дочери громко зарыдала:

— Узнаю все вещи, — воскликнула она, — только тебя, дитя мое, нет! Что за необыкновенные грабители! Сохранив одежду и золото, украли они мою дочь!

Побережье гавани вторило ей женскими воплями, наполнявшими жалобой и землю, и море.

Но Гермократ, опытный как в делах войны, так и в делах государства муж, объявил:

— Розыском заниматься надо не здесь: произвести надлежит строжайшее по правилам закона следствие. Отправимся же в Народное собрание: кто знает, не понадобятся ли нам и судьи!

Слов еще он не закончил,⁹³ как театр оказался уже переполненным. Участвовали в этом собрании и женщины. Народ сидел возбужденно.

Первым выступил Херей, в черной одежде, бледный и скорбный, такой, каким он шел за женой на ее похоронах. На трибуну подниматься он не пожелал и, плача, долго стоял внизу. Хотел говорить и не мог. А народ кричал ему:

— Не падай духом и говори!

Наконец он поднял глаза и сказал:

— Надлежало бы мне сейчас не с речами выступать перед народом, а предаваться горю, но сама необходимость заставляет меня и говорить, и жить, пока не раскрою я обстоятельств исчезновения Каллирои: с этой-то целью, выехав отсюда, я и совершил, не знаю, счастливое ли для меня или же несчастное, плаванье. В тихую погоду заметили мы утерявшее свое управление судно, которое тонуло во время безветрия, полное собственной бури. Удивившись, мы подошли к нему, и мне показалось, что я вижу перед собой погребение бедной моей жены: все было цело, кроме нее самой. В лодке лежало множество мертвых, но все они

были чужие. А среди них полумертвым найден был и этот вот человек.⁹⁴ Подобрал его со всяческою заботой, я вам его и сберег.

Тем временем государственные рабы вводили в театр связанного Ферона, которого сопровождало приличествовавшее ему шествие: следовали за ним кнуты, колесо, катапельт,⁹⁵ огонь. Такою наградой воздавало ему Провидение за подвиги, им совершенные.

После того как Ферона поставили перед властями, приступлено было к его допросу:

- Кто ты?
- Димитрий, ответил Ферон.
- Откуда родом?
- Критянин.
- Что тебе известно? Говори.

— По пути в Ионию к своему брату я вынужден был сойти с военного корабля, после чего я сел в проходившую мимо лодку. Я думал тогда, что это купцы, теперь же думаю, что то были грабители. Находясь долгое время в море, все остальные погибли из-за недостатка воды, я же, хотя и с трудом, уцелел, потому, что нет за мной в моей жизни ни одного плохого поступка. Не будьте же, сиракузяне, народ, человеколюбие которого широко прославлено, более суровыми ко мне, чем были ко мне и море, и жажда.

Ферон говорил жалобно, народ почувствовал к нему сострадание и, может быть, и удалось бы Ферону убедить собрание и даже получить, пожалуй, еще и путевое пособие, если бы не вознегодовало на Ферона некое, возмущенное его несправедливой самозащитой, божество, мстившее ему за Каллирою: могло легко совершиться неслыханнейшее дело, так как сиракузяне готовы были уже поверить, будто Ферон уцелел единственно вследствие своего благочестия, в то время как уцелел он исключительно лишь для того, чтобы быть тем строже наказанным. Узнал Ферона один сидевший в собрании рыбак, тихонько проговоривший своим соседям:

— Этого человека видал я уже и раньше. Шатался он у нас в гавани.

Замечание его быстро распространилось в толпе, и кто-то крикнул:

— Он врет!

Весь народ обернулся тогда на крик, и тому, кто первый сделал свое замечание,⁹⁶ власти приказали выступить. Чем больше Ферон отнекивался, тем сильнее верили рыбаку. Тотчас же вызвали палачей, и к нечестивцу были применены кнуты. Долго не сдавался Ферон, хотя и с чем жгли его и резали, и он едва не победил пытки. Много значат, однако, совесть человеческая и всемогущая истина. Не сразу, а все же, в конце концов, Ферон сознался и начал рассказывать:

— Увидев, как погрёбают богатство, я набрал разбойников. Мы вскрыли могилу. Покойницу нашли живой. Дочиста все ограбили и награбленное сложили в лодку. Приплыв в Милет, продали там только женщину, остальное повезли на Крит. А что с нами произошло потом, когда ветром мы загнаны были в Ионийское море, вы знаете.

Обо всем сообщив, не припомнил он только имени покупателя.

После речи Ферона все ощутили радость, но вместе с тем и печаль: радость, что Каллироя жива, а печаль, что она продана. Ферону был вынесен смертный приговор, но Херей стал просить не предавать пока Ферона смерти:

— Пусть, говорил он, поедет Ферон со мной и укажет мне тех, кто купил Каллирию. Войдите в безвыходность моего положения, вынуждающего меня выступать в защиту того, кто продал мою жену!

Такому предложению воспрепятствовал Гермократ, сказав:

— Лучше затруднить розыски, нежели нарушить закон. Но, — так продолжал он, — прошу вас, сиракузские граждане, в память моей стратегии и одержанных мною побед, воздать благодарность мне, оказав мне милость по отношению к моей дочери: снарядите за ней посольство. Давайте, свободною добудем ее обратно!

Слов еще он не закончил,

как народ закричал:

— Все поплывем за ней!

О своей готовности войти добровольно в состав посольства заявило громадное большинство членов Совета. Но Гермократ объявил:

— За оказываемую мне честь я всем приношу благодарность. Достаточно будет, однако, двух послов от народа и двух от Совета. Пятым с нами поедет Херей.

Такое решение и было утверждено, после чего заседание народного собрания Гермократ закрыл.

За Фероном, когда его уводили, шла большая толпа народа. Распят он был перед могилой Каллирои: с креста смотрел он на море, по которому вез он пленницей дочь Гермократа, не забранную в плен даже и афинянами.

5

Все считали, что надо дожидаться открытия судоходства и пускаться в плавание, когда засияет весна. Ведь стояла еще зима, и переправа через Ионийское море казалась совсем невозможным делом. Херей же спешил и под влиянием любви готов был соорудить плот, чтобы, вверив ему себя, предоставить ветрам нести его по морю. А из чувства неловкости перед Хереем, а в особенности перед Гермократом, не хотели медлить и собирались плыть и послы.

С целью придать посольству еще больший вес, сиракузяне предпринимали это путешествие от имени народа, предоставляя в распоряжение посольства ту знаменитую триеру стратега, которая еще продолжала носить на себе знаки одержанной ею победы.⁹⁷ Когда же наступил назначенный для отплытия день, то в гавань сбежались толпы не только мужчин, но и женщин и детей. Вместе смешались молитвы и слезы, жалобы и утешения, страх и отвага, отчаяние и надежда. Отец Херей Аристон, ко-

тогого вследствие его глубокой старости и болезни несли на носилках, обнял сына за шею и, повиснув у него на груди, говорил ему, плача:

— Сын мой! На что ты покидаешь меня, полуживого старца? Ясно ведь, что больше мне не увидеть тебя! Остаься хоть на несколько еще дней, чтобы на твоих умереть мне руках. Схорони меня и поезжай.

А мать Херея так говорила сыну, ухватясь за его колени:

— Меня же, мой сын, прошу тебя, не оставляй здесь в одиночестве, а подкинь на триеру к себе, как легкий груз. Если ж окажется, что слишком тяжел мой вес и что я лишняя, то сбрось меня тогда в море, по которому ты поплывешь.

С этими словами она разодрала на груди у себя одежду и сказала, указывая сыну на свою обнаженную грудь:

*Сын мой! почти хоть сие, пожалей хоть матери бедной,
Если я детский твой плач утоляла отрадною грудью.⁹⁸*

Родительские мольбы сломили Херея, и он бросился в море, стремясь умереть, чтобы избежать предстоявшего ему выбора: либо прекратить поиски Каллирои, либо огорчить родителей. Быстро прыгнувшие за ним в воду матросы выловили его лишь с трудом. Гермократ рассеял тогда толпу, приказав кормчему выходить, наконец, в открытое море.

Произошел и другой, тоже благородный, поступок во имя дружбы. Полихарм, товарищ Херея, скрывал себя в эти мгновения от посторонних глаз и даже так тогда говорил своим родителям:

— Друг мне Херей, разумеется, друг, но не настолько, все же, чтобы стал я себя подвергать вместе с ним смертельной опасности. Поэтому, когда будет он отплывать, отойду я в сторону.

Но когда судно уже отчалило от земли, послал родителям своим Полихарм прощальный привет с кормы, дабы больше уже не могли они его задержать.

Выехав из гавани, Херей, взглянув в открытое море, молвил:

— Веди меня, море, тем самым путем, каким вело ты и Каллирою. Тебе, Посейдон,⁹⁹ молюсь я о том, чтобы либо и ей быть вместе со мною, либо не быть там и мне без нее. Ибо, если нет мне возможности получить обратно мою жену, то я готов разделить вместе с ней и рабство.

6

Подхватил триеру попутный ветер, и она полетела будто прямо по следам лодки. Ровно во столько же дней, как и она, прибыли они в Ионию и стали на якоре там у того же самого мыса во владениях Дионисия. В то время, как остальные, устав после путешествия, спешили, высадившись на сушу, подкрепить свои силы, сколотить палатки и приготовить пиршество, Херей вместе с Полихармом отправились побродить вдвоем.

— Как найти нам теперь Каллирою? — задал вопрос Херей. — Я очень боюсь, что Ферон обманул нас и что она, несчастная, уже умерла. Но если и в самом деле она продана, то куда именно продана она, кто же знает? Азия обширна!

Гуляя, набрали они на храм Афродиты и решили поклониться богине. Припав к коленям ее,

— Владычица! — воскликнул Херей. — Ты первая в праздник свой показала мне Каллирою: ты же и верни мне ее теперь, верни ту, которую ты подарила мне.

И, подняв в это мгновение глаза, он увидел стоявшее рядом с богиней изображение Каллирои, посвященное Дионисием в дар Афродите.

Дрогнули ноги тогда у него и сердце vastыло.¹⁰⁰

Голова у него закружилась, и он упал. Заметившая это зазора¹⁰¹ принесла Херею воды и, приведя его в чувства, сказала:

— Ободришь, сын мой! И во многих других вселяла богиня страх: являет она себя людям, показываясь им воочию. Но это всегда служит предзнаменованием большого счастья. Видишь ты

это золотое изображение? То раньше была рабыня, а теперь Афродита поставила ее госпожей над всеми нами.

— Кто же она такая? — спросил Херей.

— Это, сын мой, владычица здешних мест, жена Дионисия, первого человека в Ионии.

Полихарм, не потерявший при этом известии своего рассудка, больше не позволил Херею произнести ни одного слова, а подхватил его и вывел из храма, не желая, чтобы раньше узнали о них, чем они с Хереем все хорошенько обдумают и обо всем сперва друг с другом договорятся. В присутствии закоры Херей не проронил ни слова, совладал с собой, и только слезы неудержимо текли у него из глаз. Но, удалившись от храма, он, оставшись один, бросился на землю, говоря:

— Зачем сохранило меня ты, о человеколюбивое море? Для того ли, чтобы после благополучного плавания увидеть мне Каллирою женой другого? Не думал я, чтобы когда-нибудь могло это произойти, даже если бы Херей умер! Что же теперь мне, несчастному, делать? Я надеялся, Каллироя, добыть тебя от твоего хозяина и был уверен, что ценой выкупа я сумею уговорить того, кто тебя купил. Ныне же нашел я тебя богатой, а может быть, и царицей даже. Насколько счастливее чувствовал бы я себя, если бы я нашел тебя нищей! Подойти к Дионисию мне и сказать ему «отдай мне жену»? Да разве так говорят женатому? Не могу, если бы я повстречался с тобой, Каллироя, и подойти к тебе. Мне нельзя даже сделать самой простой вещи и, как любому гражданину, с тобой поздороваться: пожалуй, это мне угрожало бы смертью, как соблазнителю своей же жены!

Так жаловался Херей, а Полихарм утешал его.

7

В это же время Фока, эконоом Дионисия, стоял перед военной триерой и не без страха смотрел на нее: обласкав одного из матросов, узнал он от него истину, узнал, что это за люди, откуда они и с какой целью прибыли, и понял, что эта триера

привезла с собой великое несчастье Дионисию, так как разлуки с Каллирой Дионисию не пережить. Преданный своему господину, он захотел предупредить опасность и, правда, не большую, угрожавшую дому лишь одного Дионисия, войну загасить. С этой целью он проскакал верхом в одно из сторожевых укреплений варваров,¹⁰² и там заявил, что в гавани скрывается неприятельская триера, причалившая, быть может, ради разведки, а может быть — и ради грабежа, и что овладеть ею, прежде чем она успеет причинить вред, соответствовало бы интересам царя. Фока убедил варваров и подвел их военным строем к триере, а глубокой ночью они на триеру напали и, подложив огонь, сожгли ее, всех же, кого забрали живым, связали и увели с собой в укрепление.

При дележе пленных Херей с Полихармом выпросили, чтобы обоих их продали вместе одному и тому же хозяину, и человек, которому они достались, продал их в Карию.¹⁰³ Там, волоча за собой тяжелые кандалы, работали они на земле Митридата.

А Каллирое во сне приснился Херей в оковах, который хотел будто бы и не мог подойти к ней. Громким, пронзительным голосом закричала она во сне:

— Херей! Сюда!

Впервые услышал тогда Дионисий имя Херей и спросил смутившуюся жену:

— Кто это, кого ты звала?

Слезы выдали Каллирою: сдержать своего горя она не смогла и чувствам своим дала волю в откровенной речи.

— Херей, — сказала она Дионисию, — это несчастнейший человек, мой муж, за которого я девушкой вышла замуж. Нет удачи ему и в сновидениях: он мне приснился связанным. Но, — так продолжала она, — ты, мой бедный, разыскивая меня, умер: пути твои знаменуют твою кончину. А я живу в неге и сплю на золотом ложе рядом с новым мужем! Впрочем, я скоро к тебе приду, и если при жизни не дали мы друг другу счастья, то будем мы друг другу принадлежать после нашей смерти.

У Дионисия, слушавшего эти речи, разнообразные рождались мысли. Охватывала его и ревность, потому, что он видел, что Херея и мертвого Каллироя продолжает любить, тревожило и спасение, что она может себя убить. Ободряло, однако, сознание, что первого своего мужа Каллироя считает умершим: раз Херея больше на свете нет, то значит, она его, Дионисия, не покинет. Поэтому, насколько было то в его силах, он утешал жену и потом в течение многих дней он за ней следил, в страхе, как бы не сделала она над собой чего-нибудь ужасного. Но скорбь рассеивалась у Каллирои надеждой на то, что Херей еще, может быть, жив и что приснился ей ложный сон. Еще сильнее действовало материнство: дело в том, что на седьмой после своей свадьбы месяц родила она сына, по видимости от Дионисия, в действительности же от Херея.

Торжественное устроил празднество город. Прибыли отовсюду посольства, присоединявшиеся к ликованию граждан Милета по случаю продолжения рода Дионисия, и Дионисий, на радостях, передал жене все хозяйственные дела, объявив ее владычицей дома. Дарами наполнил он храмы и за свой счет угощал жертвенными пирами¹⁰⁴ весь город.

8

Плангоне, которая знала одна, что Каллироя к Дионисию пришла беременной, Каллироя попросила мужа дать вольную, беспокоясь о том, как бы тайна ее не была раскрыта, и стремясь заручиться со стороны Плангоны верностью, основанной не только на личном ее к ней расположении, но и на перемене ее положения.

— Плангоне охотно отплачиваю я благодарностью, — сказал Дионисий, — за ее мне услуги в деле моей любви. Но мы поступим нехорошо, если, уважив служанку, не выразим нашей признательности Афродите, у которой мы впервые друг друга увидели.

— Сделать это хочу и я, и хочу сильнее еще, чем ты, — ответила Каллироя, — ведь моя признательность ей больше

твоей. Но я все еще родильница: переждем здесь несколько дней и спокойно поедем тогда в деревню.

Каллироя быстро поправилась, пополнела, окрепла и расцвела уже не девичьей красотой, а женской.

К прибытию их в селенье заготовил Фока в деревне богатые жертвоприношения: из города наехала куча народа. И вот, приступая к совершению гекатомбы, сказал Дионисий:¹⁰⁵

— Афродита, владычица, ты причина всех моих благ: от тебя я получил Каллирою, от тебя получил я сына, благодаря тебе я и муж, и отец. Для меня достаточно было бы лишь Каллирой: мне милее она и родителей, и отчизны, ребенок же дорог мне тем, что он крепче связал со мной свою мать: он для меня залог ее ко мне благоволения. Молю я тебя, владычица: сохрани Каллирою мне, а Каллирое сохрани ее сына.

Возгласами благочестивого одобрения подхватила слова Дионисия стоявшая вокруг них толпа, и бросали им, кто розы, а кто фиалки, а иные бросали им даже венки, так что цветами переполнилось все святилище.

Дионисий свою молитву произнес во всеуслышание. Каллироя же пожелала говорить с Афродитой наедине, предварительно взяв своего сына на руки и явив собою такое прелестное зрелище, какого не написал поныне еще ни один живописец, не вылепил еще ни один скульптор, не описал ни один поэт, ибо никто из них еще не представил ни Афины, ни Артемиды держащими у себя на груди младенца.¹⁰⁶ Дионисий, смотря на нее, от восторга заплакал и молча вознес моление Немезиде.¹⁰⁷

Приказав остаться при ней одной лишь Плангоне, Каллироя всех остальных пригласила пройти на виллу. Когда же они удалились, то, приблизившись к статуе Афродиты и на протянутых руках поднеся к ней младенца, Каллироя сказала:

— За него, владычица, я благодарю тебя, за себя же нет у меня к тебе благодарности: только тогда была бы она у меня к тебе, если бы сохранила ты для меня Херея. Впрочем, ты мне дала изображение дорогого моего мужа: Херея полностью ты у меня не отняла.¹⁰⁸ Дай же сыну быть счастливее своих роди-

телей и походить на деда. Пусть и он поплывет на триере страгега и пусть скажет иной после его морской битвы: «Сильнее Гермократа его потомок». Возрадуется и дед на наследника своей доблести, возрадуемся и мы, его родители, даже и после нашей смерти. Молю я тебя, владычица: примиришь отныне со мной. Ибо довольно было у меня несчастий: и умирала, и оживала я, и у разбойников, и в изгнании побывала я, продана была я и в рабство. Но еще для меня тяжелее, чем это все, второе мое замужество. За все эти бедствия лишь одной прошу я у тебя милости, а через тебя и у всех остальных богов: сохрани моего сиротку.

Дальше продолжать говорить помешали ей слезы.

9

Немного спустя, она подозвала к себе жрицу. Старушка подошла к ней и сказала:

— Дитя мое! Что это ты среди такого довольства плачешь? Ведь уже и чужеземцы поклоняются тебе, как богине. Вот и недавно заходили сюда двое прекрасных юношей, проезжавших мимо наших мест, и один из них, при виде твоего изображения, едва не испустил дух: так прославила тебя Афродита!

Поразило это Каллирию в самое сердце. Безумными глазами уставилась она на жрицу и закричала:

— Кто эти иностранцы? Откуда плыли они? Что они тебе рассказывали?

Старушка перепугалась и некоторое время стояла перед ней молча. Наконец она проговорила:

— Я только видела их: я ничего от них не слыхала.

— А как они выглядели? Вспомни черты их.

Старушка описала их наружность, описала неточно, но Каллирию все-таки заподозрила истину. Каждый ведь представляет себе все то, что угодно бывает ему представить. Взглянув на Плангону, Каллирия сказала ей:

— Может быть, это был здесь бедный Херей по пути своих странствий. Что же произошло? Будем вместе его искать, храня, однако, молчание.

Придя к Дионисию, она рассказала ему только то, что она услышала от жрицы: она знала, что любви свойственно любопытство и что Дионисий начнет сам наводить о случившемся справки. Так оно в самом деле и вышло. Рассказ жены мгновенно наполнил Дионисия ревностью. Впрочем, его подозрения были далеки от Херея: опасался он, не таится ли тут какого-нибудь любовного замысла, скрывающегося в деревне. Красота жены делала его подозрительным и готовым бояться всего решительно. Он страшился коварных замыслов не только со стороны людей: он ждал, что соперником в его любви, может быть, спустится с неба и кто-либо из богов. Вызвав поэтому Фоку, принялся он его расспрашивать:

— Что это за юноши и откуда? Богатые ли? Красивые ли? По какому поводу приходили поклониться моей Афродите? Кто им о ней сообщил? Кто им это позволил?

Истину Фока скрывал, поступая так не из страха перед Дионисием, а не сомневаясь, что Каллироя погубит и его самого, и весь его род, как только она проведаст о случившемся. А так как он уверял, что никаких путешественников не приезжало, то Дионисий, которому истина была неизвестна, заподозрил серьезный, направленный против него заговор и, в гневе, велел принести и кнуты, и колесо для пытания Фоки, причем вызвал он не одного его, но и всех крестьян, будучи уверен, что занят он розыском прелюбодея. Уразумев тогда, в какое опасное он поставил себя положение, как речами своими, так и своим молчанием, Фока заявил Дионисию:

— Правду открою я одному только тебе, владыка.

Дионисий тогда, отослав всех прочих, сказал Фоке:

— Ну вот, мы с тобою теперь одни, не лги же больше, а говори правду, как бы ужасна она ни была.

— Плохого в ней нет ничего, владыка, — так ответил Фока, — мое сообщение несет тебе великое благо. Если же его начало

немного и мрачно, то этим ты не тревожься и не огорчай себя, а выслушай все до конца: кончается мой рассказ хорошо.

Услышав такое начало, Дионисий весь обратился в слух.

— Не тяни, — сказал он, — и начинай рассказывать.

Фока приступил тогда к своему повествованию:

— Из Сицилии приплыла сюда, — начал он, — триера с сиракузскими послами просить тебя вернуть назад Каллирою.

Помертвел Дионисий при этих словах, и разлился перед его глазами мрак. Воображению Дионисия представился Херей, стоящий будто бы перед ним и отрывающий от него Каллирою. Дионисий упал, и неподвижностью тела, и цветом лица был похож на мертвого. А Фока стоял перед ним в нерешительности: на помощь звать он не хотел никого, не желая иметь свидетеля тайны. Мало-помалу ему, наконец, удалось привести своего господина в чувство.

— Не беспокойся, твердил он ему: Херей умер, корабль погиб, никакой опасности больше нет.

Эти слова вернули Дионисия к жизни. Постепенно придя в себя, он подробно обо всем расспросил Фоку, и Фока поведал ему о том, как матрос сообщил ему, откуда эта триера, какие на ней находятся люди и с какой целью они приплыли. Рассказал Фока и о своей хитрости, придуманной им для варваров, о ночном пожаре, о гибели корабля, об убийствах и об оковах. Будто темное облако сошло с души Дионисия, и, заключив Фоку в свои объятия, Дионисий сказал ему:

— Ты мой благодетель, ты истинный мой защитник и вернейший хранитель тайн! Благодаря тебе обладаю я Каллироей и сыном. Никогда бы не приказал я тебе убивать Херея, но раз уж ты это сделал, я не упрекаю тебя: беззаконие совершено во имя привязанности к хозяину. Лишь одну допустил ты оплошность: не разузнал, в числе ли мертвых оказался Херей, или же в числе связанных. Следовало тебе отыскать его труп: и погребение получил бы он, и было бы тем прочнее мое спокойствие. Теперь же беззаботности моего счастья мешают оковы этих людей. Не знаем мы даже ведь и того, кто из них и куда был продан.

10

Приказав Фоке откровенно рассказывать обо всем случившемся, но умалчивать о двух вещах, о своей хитрости и о том, что некоторые из ехавших на триере остались живы, Дионисий, с мрачным выражением лица, пришел к Каллирое. Затем он созвал крестьян и принялся их расспрашивать, дабы жена, узнав о происшедшем, тем сильнее отчаялась в надеждах своих относительно Херея. Собранные крестьяне сообщили то, что все они знали: позавчера ночью откуда-то набегали на берег персидские разбойники и подожгли греческую триеру, бросившую накануне якорь около мыса. «А на утро, — так добавляли крестьяне, — мы заметили в воде следы крови и увидели мертвцов, качавшихся на волнах». Каллироя, услышав это, разорвала на себе одежды и, нанося удары себе и по глазам, и по щекам, взбежала наверх, в ту самую комнату, в которую в первый раз она вошла тогда, когда была продана. Дионисий дал Каллирое в ее переживаниях волю, остерегаясь своим несвоевременным к ней приходом оказаться грубым. Он велел удалиться от нее всем и оставаться при ней лишь одной Плангоне, на всякий случай, чтобы чего-нибудь не сделала она над собой ужасного. И Каллироя, воспользовавшись окружившей ее тишиной, села на пол, посыпала голову пылью¹⁰⁹ и, растрепав себе волосы, так начала причитать:

— Мечтала я или раньше тебя умереть, Херей, или же умереть с тобой одновременно, а теперь приходится, все же, умирать мне после тебя. И какая же еще остается у меня в жизни моей надежда? До сих пор в несчастиях своих я думала: увижу я, наконец, Херея и расскажу ему, сколько из-за него я выстрадала. И от этого стану я для него еще дороже. Какой радостью преисполнится он, увидев своего сына! Все оказалось напрасным, и ребенок сделался теперь лишним: прибавилось только ко всем остальным моим бедствиям еще и его сиротство. Афродита, обидчица! Увидела ты Херея одна: был он тут, а ты мне его не показала! Разбойникам в руки отдала

ты прекрасное его тело. Приплывшего сюда из-за тебя по морю ты его не пожалела. Кто же станет молиться тебе, такой богине, которая убила своего же молитвенника? В страшную ночь не заступилась ты за красивого юношу, видя, как его, влюбленного, на твоих глазах убивают! Отняла ты от меня моего сверстника, земляка моего, моего возлюбленного, моего жениха. Отдай же мне хоть мертвое его тело! Считаю, что оба мы с ним родились на свет несчастнейшими людьми. А в чем провинилась триера? За что ее сожгли варвары, ее, не завладели которой даже и афиняне? Родители наши сидят теперь на берегу моря, ожидая нашего возвращения, и какой бы ни показался вдали корабль, говорят друг другу: «Вот плывет Херей и везет с собой Каллирою». Готовят нам наше брачное ложе и украшают нам спальню, нам, у которых нет даже и могилы! Гнусное море! В Милет привело ты Херея на смерть, а меня на продажу.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

1

В стенаниях провела эту ночь Каллироя, оплакивавшая Херея, который еще был жив. Когда же она ненадолго заснула, то увидела во сне разбойничий отряд варваров, бегущих с огнем в руках, пылающую триеру и себя, подающей помощь Херею.

Дионисий грустил, замечая, как худеет жена, и боясь, как бы не пострадала от этого и красота ее. Но в интересах любви считал он, однако же, для себя выгодным, чтобы Каллироя основательно утратила веру в существование первого мужа. И вот, стремясь выказать жене и свою к ней нежность, и великодушие, так сказал он ей:

— Выздоровливай, жена, и займись устройством погребения страдальцу. Зачем, в погоне за невозможным, пренебрегаешь ты необходимым? Ведь, стоит он перед тобой и говорит тебе:

*О, погреби ты меня, да войду я в обитель Аида!*¹¹⁰

Хотя и не найдено его бедное тело, но существует же ведь у греков древний обычай даже и пропавших без вести почитать могилой.

Он скоро уговорил ее, потому что совет его был ей приятен. И как только появилась у Каллирои забота, так затихла ее печаль. Покинув постель, принялась Каллироя обозревать местность, ища, где бы поставить могильный памятник, и приглянулось ей место по соседству с храмом Афродиты: сохранило бы

оно и среди тамошних жителей память об ее любви. Но Дионисий почувствовал к Херею ревность за такое соседство: место это облюбовывал он для себя. Кроме того, ему хотелось дать мыслям Каллирои занятие, а потому он и предложил ей:

— Давай, отправимся, жена, в город и построим там под его стенами на открытом месте высокую могилу,

*Чтобы и с моря далече она видна была людям.*¹¹¹

Милетские гавани превосходны, и заходят в них часто и сиракузяне, так что и у сограждан своих ты получишь не малую славу.

Каллирое понравился этот совет, и поиски свои она прекратила. Переехав же в город, сна приступила к возведению могильного памятника на одной из возвышенностей морского берега. И своей формой, и своими размерами, и своей роскошью, он во всем был подобен ее собственному, стоявшему в Сиракузах. И как тот, так и этот, оба были поставлены живым людям. Благодаря щедрым издержкам и большому числу рабочих рук, постройка памятника была быстро закончена, и тогда Каллироя задумала воспроизвести картину и самого выноса. Заранее назначен был день, к которому не только собралось множество милетцев, но прибыл народ почти что со всей Ионии. Присутствовали и два сатрапа,¹¹² находившиеся в то время как раз в Милете, Митридат, сатрап Карики,¹¹³ и Фарнак, сатрап Лидии:¹¹⁴ прибыли они под предлогом выказать уважение Дионисию, на самом же деле желая взглянуть на Каллирою. Слава об этой женщине гремела, ведь, по всей Азии, и имя Каллирои, более знаменитое, чем имена Ариадны и Леды,¹¹⁵ дошло и до Великого Царя. Но в тот день все слухи о ней показались ниже действительности. Она вышла в черной одежде, с распущенными волосами,¹¹⁶ и, сверкая красотой своего лица и своих обнаженных плеч, она затмила собой вообще всех «белолочотных» и «стройноногих» красавиц Гомера.¹¹⁷ Вынести блеска ее красоты никто не был в состоянии: иные отводили от нее глаза, как от сияния солнца, другие падали перед нею ниц.

Впечатление производила она даже на детей. А Митридат, наместник Карию, с раскрытым ртом пал перед ней на землю, точно откуда-то пораженный внезапным ударом, пущенным из пращи. Служители с трудом подняли его и вынесли на руках. Входило в состав процессии и изображение Херея, выполненное по резному камню с кольца Каллирои, но на эту статую, хотя она и была прекрасна, никто не смотрел в присутствии Каллирои: лишь она одна привлекала к себе всеобщие взоры.

Кто смог бы достойным образом описать завершение торжества? Когда шествие подошло к могиле, люди, которые несли ложе, поставили его на землю, а Каллироя к нему приблизилась и, обняв Херея, сказала, целуя статую:

— Ты первый похоронил меня в Сиракузах, а в Милете теперь хоронишь меня. Наши несчастья не только огромны, но и необычайны: мы с тобой друг друга похоронили, но и останков погребенного нет ни у того, ни у другого из нас. Пожалела ты, завистливая Судьба, дать нам после нашей смерти общую землю и обрекла ты и мертвых нас на изгнание.

В толпе раздались рыдания. Но Херея жалели не потому, что он умер, а потому, что оторван был он от такой жены.

2

Каллироя в Милете хоронила Херея, а Херей, в оковах, работал в Карию. Вскрывание земли изнурило его тело, так как многое угнетало его: и утомление, и отсутствие ухода, и оковы, а всего сильнее — любовь. Но его стремление умереть сдерживалось у него слабой надеждой на то, что, может быть, он и увидит когда-нибудь Каллирою. Видя, что работать Херей не в состоянии и что поэтому его бьют и срамят позорно, Полихарм, друг Херея, забранный вместе с ним в плен, сказал надсмотрщику:

— Отдели нам особый участок, чтобы ленью прочих колодников ты не приписывал нам. Свой же участок мы ежедневно будем сдавать сами.

Надсмотрщик согласился и выделил им участок. А Полихарм, мужественного характера юноша, не состоявший в рабстве у Эрота, жестокого тирана, стал один выполнять почти две трети их совместной работы, радостно взвалив на себя, ради спасения друга, значительнейшую часть труда.

Вот, в каких находились они условиях, тяжело привыкая к своей неволе, а сатрап Митридат тем временем вернулся в Карию к себе уже не тем, каким выехал он из нее в Милет: вернулся он бледным и ослабевшим, потому что нес он в своей душе мучительно-жгучую рану. Изнемогая от любви к Каллирое, он бы непременно и умер, если бы его не поддержало следующего рода событие. Часть рабочих из числа заключенных вместе с Хереем (их, содержавшихся в темной лачуге, было сче́том всего шестнадцать), разбив ночью свои оковы, закололи смотрителя, после чего обратились в бегство. Убежать им, однако же, не удалось. Их выдали сторожевые собаки. Будучи пойманы, все они провели ту ночь закованными с особой тщательностью в кандалы, утром же эконо́м доложил о происшедшем Митридату, а тот, не выслушав их оправданий и даже и не взглянув на них, приказал всех шестнадцать, живших вместе в одном помещении, распять. Их вывели тогда связанными один с другим за ногу и шею, и каждый из них нес на себе свой крест. К пытке самого наказания каратели, таким образом, присоединили, в устрашающий пример остальным, ужасы и внешней картины. Херей, когда его вместе с другими вели на казнь, молчал, но Полихарм, поднимая свой крест, промолвил:

— О, Каллироя! Вот, что мы благодаря тебе, терпим! Ты — виновница всех наших бедствий.

Услышав эти слова, эконо́м вообразил, что существует какая-то женщина, соучастница их дерзкого предприятия, и, чтобы и ее наказать, и расследовать самый заговор, он быстро отделил Полихарма от остальных и привел к Митридату. Митридат лежал в это время в уединении своего парка, с тоской вызывая перед собой образ Каллирои, такой, какую видел он ее в ее

скорби. Полностью погруженный в это воспоминание, с досадой узрел он подходившего к нему слугу.

— Что ты мне надоедаешь? — сказал он ему.

— Поневоле приходится, владыка, — ответил тот, — я открыл очаг большого и дерзкого злодеяния. Этот вот негодяй¹¹⁸ знает мерзкую женщину, которая была соучастницей совершенного ими убийства.

При этих словах нахмурил Митридат брови и, бросив на Полихарма тяжелый взгляд, сказал ему:

— Назови сообщницу, принимавшую участие в ваших преступлениях.

Полихарм уверял, что такой женщины он не знает и что в деле он даже и не участвовал.

Потребованы были кнуты, принесли огонь, приготовили орудия пытки и, уже прикасаясь к телу Полихарма, стали говорить ему:

— Назови имя женщины, которую ты признал виновницей своих бедствий.

— Каллироя! — воскликнул Полихарм.

Митридат был потрясен этим именем и подумал о досадном совпадении имен двух различных женщин. Вести дальше тщательный розыск ему уже не хотелось из опасения быть поставленным в необходимость оскорбить дорогое имя. Но так как и друзья, и рабы настаивали на производстве строжайшего следствия, то Митридат приказал:

— Пускай придет Каллироя!

Полихарма принялись бить, спрашивая у него, кто она такая и откуда можно ее привести. Но и в безвыходном находясь положении, несчастный никого, все же, не хотел подводить под ложное обвинение.

— Зачем, — сказал он, — напрасно волнуетесь вы, разыскивая ту, которой здесь нет? Я вспомнил о сиракузянке Каллирое, дочери Гермократа, стратега.

При этих словах кровь бросилась у Митридата в лицо, пришло его под одеждой потом, а на глаза у него навернулись слезы, так что и Полихарм замолчал, и все присутствовавшие

при этом пришли в недоумение. С трудом овладев собой, Митридат спросил, наконец, Полихарма:

— Что же связывает тебя с той Каллироей? И почему ты вспомнил о ней перед своею смертью?

Полихарм ответил:

— Это, владыка, история длинная, а для меня теперь уже и бесполезная: не буду тебе досаждать неуместной своей болтовней. Кроме того, я боюсь, что если я начну мешкать, то меня опередит мой друг, а мне хочется и умереть одновременно с ним.

Чувство гнева у окружавших сменилось состраданием, сильнее же всех взволнован был Митридат.

— Не бойся, — сказал он, — повесть твоя мне не будет в тягость. Душа у меня отзывчива: говори же все смело и не пропускай ничего. Кто и откуда ты? Как прибыл ты в Карию и почему работаешь ты в оковах? А в особенности ты мне расскажи про Каллирою и поведай мне, кто твой друг.

3

Полихарм начал свой рассказ:

— Оба мы, двое узников, родом из Сиракуз. Он — по известности, богатству и красоте первый в Сицилии юноша, я же, хотя и бедняк, являюсь товарищем его и другом. Мы расстались с родителями, покинув отечество: я выехал ради него, а он ради своей жены, Каллирои по имени, которая была им пышно погребена, так как он считал ее мертвой. Но проникшие в ее могилу грабители застали ее живой и продали ее в Ионию. Это открыл нам пытаемый перед народом Ферон-разбойник. Город сиракузян отправил тогда триеру с послами на поиски женщины, и эту-то, стоящую на якоре у них, триеру варвары ночью сожгли. Большую часть людей они перерезали, а меня и моего друга связали и продали сюда. Постигшее нас несчастье мы с нимсносили разумно, но некоторые другие из числа таких же, как и мы, колодников, люди, нам неизвестные, разбили свои оковы и совершили убийство, и нас всех повели, по твоему приказу, на

крест. Друг мой, и умирая, не бросал упреков своей жене, я же не мог не вспомнить о ней и не назвать ее виновницей наших бедствий, так как мы из-за нее-то и выехали из Сиракуз.

Еще продолжал Полихарм говорить, как Митридат громко вскрикнул:

— Ты говоришь о Херее?

— Да, о нем, моем друге, — ответил Полихарм.

— Но я умоляю тебя, владыка, — так добавил он, — прикажи палачу и распять нас рядом друг с другом.

В ответ на рассказ Полихарма последовали рыдания и слезы, а Митридат всех направил к Херею, чтобы успеть задержать его кончину. Посланные нашли остальных уже убитыми, Херей же лишь поднимался на крест. Еще издали люди принялись, кто — что, кричать:

— Пощади!

— Спускайся!

— Не прикальвай!

— Отпусти!

Палач приостановился, и Херей, с горечью в сердце, начал сходить с креста: радостно было ему расставаться с тяжелой жизнью и с несчастной своей любовью. Его повели, а Митридат вышел к нему навстречу, обнял его и сказал:

— Брат мой и друг! Своим, правда мужественным, но очень несвоевременным, молчанием ты едва меня не погубил, чуть было не заставив меня совершить нечестивый поступок!

Незамедлительно Митридат отдал распоряжение слугам отвести Херея и Полихарма в баню, залечить их тела, а после бани одеть в дорогие греческие хламиды,¹¹⁹ сам же созвал знакомых и принес богам жертвы за спасение Херея. За столом¹²⁰ много пили, было весело, радостно и не чувствовалось недостатка ни в чем, что дает наслаждение сердцу. Пир затягивался, и разгоряченный вином и любовью Митридат, обратившись к Херею, сказал:

— Не за оковы твои и не за твой крест, жалею тебя я, Херей, а за то, что ты лишился такой жены.

Удивившись, Херей воскликнул:

— А где же ты видал мою Каллирою?

— Уже более не твою, — заметил ему Митридат, — а законную жену Дионисия милетского: есть у них и ребенок.

Этого Херей не выдержал. Он бросился к Митридату и, обняв колени его, сказал ему:

— Умоляю тебя, владыка, верни мне обратно мой крест. Вынуждая меня после такого сообщения жить, ты меня подвергаешь еще более жестокой пытке, чем крест. Неверная Каллироя! Нечестивая женщина! Из-за тебя был я продан в рабство, вскапывал землю, нес крест, отдан был в руки палачу, а ты, пока я находился в оковах, жила в неге и выходила замуж. Но мало было тебе стать при жизни Херея женой другого: ты сделалась еще и матерью!

Все начали плакать, и закончился пир печально. Радовался по поводу происшедшего один только Митридат: он надеялся, что для него открывается возможность и разговаривать о Каллирое и даже как-то в ее пользу действовать под предлогом помощи другу.

— Разойдемся пока, — сказал он, — уже наступает ночь. А завтра, на свежую голову, давай вместе об этом подумаем. Дело требует тут для своего обсуждения не мало времени.

С этими словами Митридат встал из-за стола и, отпустив гостей, ушел на покой в свою обычную комнату. Для молодых же сиракузян он отвел изысканнейшее помещение и особых приставил к ним слуг.

4

Спать никому не дала эта ночь: она для всех наполнена была думами. Херей сердился, Полихарм утешал его, а Митридат радостным предавался надеждам в мыслях о том, что занятое им выжидательное между Хереем и Дионисием положение позволит, словно эфедру¹²¹ на гимнастических состязаниях, именно ему без труда получить Каллирою в качестве победного приза.

На следующий день, на совещании с Митридатом, Херей выразил желание немедленно же идти пешком в Милет и требовать от Дионисия жену: Каллироя, говорил он, когда увидит его, не останется у Дионисия.

— По мне, что ж, поезжай, — заметил на эти слова Митридат, — ни на один лишний день не хочу я тебя задерживать, продлевая разлуку твою с женой. Не покидать бы тебе Сицилии и не переживать бы вам случившихся с вами ужасов! Но уж раз Судьба, которая любит всякие неожиданности, окружила вас своей мрачной драмой, то дальнейшие шаги надо обдумать тем осмотрительнее. Ты ведь спешишь сейчас больше под влиянием чувства, нежели рассудка, совсем не предвидя того, что предстоит тебе. Одиноким чужеземцем направляешься ты в крупнейший город, где у богача, занимающего важнейшее положение в Ионии, ты хочешь вырвать жену, исключительно крепко с ним связанную. На какую же ты полагаешься силу? Далеко будут там от тебя и Гермократ, и Митридат, единственные твои союзники, которые смогут скорее тебя пожалеть, чем оказать тебе помощь. Боюсь, несчастлива для тебя и самая местность: она принесла тебе уже однажды горе. Но, по сравнению с предстоящим, то, что ты тогда пережил, покажется тебе лаской: связан ты был, но остался в живых, был продан, но продан мне. А теперь, если только Дионисий узнает, что ты злоумышляешь против его семейного счастья, то кто из богов тогда сможет тебя спасти? Ты же попадешь во всевластные руки своего соперника и, пожалуй, будешь даже не в состоянии убедить его, что ты — Херей. Если же он вдруг подумает, что ты в самом деле Херей, то это поставит тебя в еще более опасное для тебя положение. Один только ты не знаком с природой Эрота: не ведаешь, что этот бог тешится хитростями и обманами. По-моему, ты должен сперва запросить свою жену письменно, чтобы проверить, все ли еще помнит она тебя и желает ли она бросить Дионисия, или же

*Кто с ней живет, лишь о доме того у нее и работа.*¹²²

Напиши ей письмо. Пускай погорюет, порадуетя, пускай по-

ищет тебя, позовет к себе! О пересылке же ей твоего письма уж я сам позабочусь. Ступай и пиши!

Херей послушался, но, оставшись наедине с собой, он и хотел, и не мог писать, так как и слезы мешали ему, и дрожали у него руки. Наконец, оплакав свои несчастья, приступил он вот к какому письму:

«Каллирое Херей. Я жив, и жив благодаря Митридату, моему, а как надеюсь я, и твоему, благотворителю. Я был продан в Карию варварами, теми самыми, которые сожгли триеру-красавицу, триеру стратега, триеру твоего отца. На ней отправил меня наш город послом за тобою. Не знаю, что случилось с остальными гражданами, меня же и Полихарма, моего друга, нас, которым уже угрожала смерть, спасло от смерти милосердие властелина. Всем меня осчастливив, Митридат отнял у меня все мое счастье, рассказав мне о твоём браке. Будучи человеком, я готов был к смерти, но не допускал мысли о возможности твоего выхода замуж. Умоляю тебя, одумайся. Это письмо я орошаю слезами и покрываю поцелуями. Это я, твой Херей, тот самый, с которым в девушках ты по дороге в храм Афродиты встретила и из-за которого потеряла сон. Вспомни о нашей спальне и о той таинственной ночи, в которую мы впервые познали, ты мужчину, а я женщину. Приревновал я тебя, но ревность присуща любящему, и перед тобой за нее я уже заплатил: я был продаң, был в рабстве, в оковах. Не отмидай же мне неосторожного удара моей ноги: ведь и я ни в чем тебя не упрекал, когда всходил из-за тебя на крест. Если ты не забыла меня еще, то не было у меня пережитых мною страданий! Если же на уме у тебя другое, то тем самым ты вынесешь мне смертный приговор».

5

Это письмо Митридат вручил вернейшему человеку, Гигину, состоявшему у него управителем всего его имения в Карии, и открыл ему тайну своей любви. Написал Каллирое и сам Митридат. Он высказывал ей в письме свое расположение к ней и свою

о ней заботливость, выразившуюся в спасении ради нее Херея: советуя ей не наносить оскорбления первому мужу, он давал обещание ей повести самому, в случае ее согласия, дело так, чтобы она и Херей друг с другом воссоединились. Вместе с Гигином Митридат отправил троих служителей, дорогие подарки и много золота. Всей остальной прислуге, во избежание подозрений, было объявлено, что все это посылается Митридатом в дар Дионисию. Он приказал Гигину оставить людей в Приене,¹²³ по прибытии в этот город, самому же, как ионийцу (родным языком Гигина был греческий), одному ехать на разведки в Милет, чтобы затем, когда он наметит для себя последующий образ действий, перевезти и их из Приены в Милет.

Гигин уехал и занялся выполнением приказа. Но совсем к иному концу, чем тот, какой этим решением был предусмотрен, привела Судьба, давшая толчок началу более важных событий. Дело в том, что после того как Гигин уехал в Милет, оставленные им в Приене рабы, очутившись без надсмотрщика, принялись кутить, в изобилии располагая золотом. А в этом маленьком городке, полном любопытствующих греков, роскошество чужеземцев обратило на себя общее внимание, и расточительный образ жизни неизвестных дал повод заподозрить в них разбойников или, уж по крайней мере, беглых рабов. В гостиницу к ним явился стратег,¹²⁴ произвел обыск и нашел у них золото и драгоценности. Сочтя как то, так и другое за краденое, он допросил рабов, желая узнать, кто они такие и откуда у них эти вещи, а те под угрозой пыток, сообщили истину, объявив стратегу, что это дары, посланные Дионисию наместником Кари Митридатом. Предъявили они и письма. Писем стратег не вскрыл (они были запечатаны снаружи печатями), а передав демосиям,¹²⁵ он и письма и все остальное вместе с рабами переслал Дионисию, полагая, что он ему этим оказывает услугу.

Дионисий угощал у себя именитейших граждан, шел роскошный пир, слышалось пение и звучала флейта, когда Дионисию подали послание, в котором значилось: «Приенский стратег

Биант благотворителю Дионисию здравствовать. Переправляю посылаемые тебе Митридатом, наместником Карики, письма, равно как и подарки, расхищавшиеся негодными его рабами, каковых, задержав, я и отсылаю тебе».

Дионисий послание это прочитал на пиру перед всеми вслух и любовался царственными подарками, приказав же взломать печати, чтобы ознакомиться с содержанием писем, увидел он «Каллирое Херей. Я жив».

Дрогнули ноги тогда у него и сердце застыло.¹²⁶

Тьма разлилась перед его глазами. Но, и падая в обморок, крепко стиснул в своей руке письмо Дионисий, боясь, как бы не прочитал его кто-нибудь другой. Шум сбегавшихся в смятении людей привел его в чувство, и, осознав случившееся несчастье, он приказал слугам перенести его в другую комнату: хотелось ему побыть в одиночестве.

Грустно разошлись пировавшие, на которых обморок Дионисия произвел впечатление апоплексического удара. Дионисий же, оставшись наедине с собой, несколько раз перечитал письма. Смешанные чувства охватывали его: и гнев, и уныние, и страх, и сомнения. Что Херей жив, этому Дионисий не верил, да и не хотел совсем в это верить, а подозревал коварство прелюбодея со стороны Митридата, очевидно стремившегося свратить Каллирию надеждами на Херея.

6

Днем строго следил он за тем, чтобы к его жене никто не подходил с сообщением о случившемся в Карики, сам же надумал следующим образом отомстить за себя. Находился как раз в это время в Милете наместник Лидии и Ионии Фарнак, из всех правителей, посылавшихся царем в приморские области, считавшийся самым важным. Дионисий, состоявший с Фарнаком в дружеских отношениях, явился к нему и, испросив у него частную, с глазу на глаз, беседу, сказал ему:

— Владыка, умоляю тебя вступить и за меня, и за себя. Подлейший человек и завистник твой, Митридат, посягает на мое семейное счастье, несмотря на то, что он связан со мной узами гостеприимства: жене моей он прислал соблазнительное письмо, а вместе с письмом и золото.

И Дионисий начал читать Фарнаку письма и объяснять ему хитрость Митридата. Слушал эти речи Фарнак с удовольствием, отчасти, может быть, потому, что с Митридатом не мало было у него взаимных столкновений, так как их области соседнили одна с другой, но еще больше потому, что он был влюблен: ведь и сам он пылал к Каллирое любовью, и ведь это ради нее проводил он большую часть времени в Милете, приглашая там к себе в гости Дионисия вместе с его женой. Он обещал поэтому Дионисию сделать для него все, что он только сможет, и написал царю следующее доверительное письмо:

«Царю Царей Артаксерксу сатрап Лидии и Ионии Фарнак, господину своему, радоваться. Дионисий милетский является верным тебе со времен своих прадедов рабом, ревнующим о твоём доме. Горько жаловался мне он, что Митридат, наместник Кари, завязавший узы гостеприимства с ним, совращает его жену. Тем самым Митридат порочит дела твоего правления, а еще больше вносит в них расстройство. Порицания заслуживает всякое беззаконие сатрапа, а беззаконие этого рода в особенности. Дионисий, к тому же, пользуется в Ионии огромным влиянием, а красота жены его всем известна, так что обида, ему наносимая, не может остаться скрытой».

Это доставленное ему письмо царь прочитал друзьям, с которыми и начал советоваться о том, как ему поступить. Мнения разделились: те люди, которые Митридату завидовали и стремились получить сами его сатрапию, полагали, что нельзя оставлять без внимания козни, направленные против семейного счастья именитого человека, люди же более снисходительные и уважавшие Митридата (а защитников у него было много, между прочим и среди лиц, занимавших высшие должности), были против того, чтобы важного человека хватать на основании клеветниче-

ского доноса. Ввиду того, что разделились мнения почти поровну, царь в тот день не вынес никакого решения, отложив рассмотрение дела до другого раза. Но с наступлением ночи, с одной стороны, возникло в нем отвращение к пороку, внушавшееся ему достоинством его царского сана, а с другой — в нем заговорило чувство осторожности относительно будущего: Митридат, так сказал он себе, проявляет начало неуважения. Царь собрался поэтому пригласить Митридата к себе на суд. Иного порядка чувство склоняло его к вызову одновременно и красавицы: такие советники как мрак и уединение вспомнить заставили его и эту часть письма. К этому же подстрекала его и молва, называвшая Каллирою красивейшей женщиной во всей Ионии. И лишь за то посетовал царь на Фарнака, что не сообщил ему он в своем письме имени женщины. Но так как спорным оставался вопрос нет ли другой, способной затмить собой эту, то решил он вызвать и жену Дионисия. Он написал Фарнаку: «Дионисия, раба моего, милетца, пришли ко мне». Написал он и Митридату: «Приезжай оправдаться от обвинения в том, будто ты посягнул на семейное счастье Дионисия».

7

Испугавшийся Митридат не мог понять причины взводимой на него клеветы, но вернувшийся к нему Гигин доложил ему о том, что случилось с его рабами. И тогда, преданный своими письмами Митридат, в страхе перед наветами и перед вспыльчивостью царя стал склоняться к решению не ехать в Персию, а завладеть Милетом, убить виновника всего, Дионисия, и, похитив Каллирою, отпасть от царя. «Зачем свободу свою спешить мне отдавать в руки властелина? — спрашивал он себя. — Быть может, оставаясь здесь, ты еще и победишь. Ведь царь находится далеко, а стратеги у него плохие. Но если бы даже он тебя, все-таки, низложил, то хуже от этого тебе не будет, а между тем ты останешься верен двум, самым прекрасным на свете, вещам — любви и власти. Господство — славный саван, а смерть с Каллирой сладостна».

Пока все еще продолжал он это обдумывать, готовясь отпасть от царя, им получено было известие о том, что Дионисий выехал из Милета, увозя с собой и Каллирою. И узнать об этом Митридату было тяжелее, чем получить приказ, вызывавший его на суд. Выплакал Митридат свое горе и потом сказал себе: «На что мне надеяться, если буду я оставаться здесь? Со всех сторон мне изменяет Судьба. А ведь может быть, ни в чем неповинного, царь меня еще и пожалеет. Ну, а если бы и пришлось умереть мне, то я, все же, опять увижу перед собой Каллирою. На суде же Херей с Полихармом будут не только моими защитниками, но и моими свидетелями». И, приказав следовать за ним всей своей свите, он выехал из Карики, с бодрой душой, потому, что казалось ему, что нет за ним никакой вины. Не слезами провожали его, а напутственным жертвенным пиром.

Таков был один, посылавшийся из Карики Эротом поезд. А из Ионии Эротом же направлялся другой, еще более пышный поезд, красота которого еще более была блестяща и еще более царственна. Ибо перед женщиной бежала Молва, всем возвещавшая, что едет к ним та, чье имя сделалось знаменитым, великое достижение природы, Каллироя,

*Иль Артемиде подобная, иль золотой Афродите.*¹²⁷

Усиливали ее славу и рассказы о предстоявшем суде. Целые города выходили навстречу, тесными становились дороги от стекавшегося отовсюду народа, но всем казалось, что эта женщина превышает ходившую о ней молву.

Дионисия называли счастливым, а между тем Дионисий грустил: полнота его благополучия его утрашала. Человек просвещенный, он думал о том, как непостоянен Эрот, которого не даром же и поэты, и ваятели изображают со стрелами и горящим факелом, то есть с предметами наиболее легкими и наименее устойчивыми. Приходили на память ему и старинные повести, говорившие об изменчивости красивых женщин. Пугало Дионисия все. В каждом мужчине подозревал он соперника, готовый усматривать такового не только в своем противнике на предстояв-

шем ему суде, но и в самом суде. Дионисий раскаивался теперь в поспешности своего доноса Фарнаку, когда

*была возможность спать и милую иметь.*¹²⁸

Одно дело — сторожить Каллирою в Милете, и совсем другое — охранять ее от всей Азии!

Тайны их путешествия вплоть до самого его окончания Дионисий жене своей не открывал, не признаваясь ей в истинной его причине, а поводом его выставлял приглашение, полученное им от царя, будто бы желавшего посоветоваться с ним о делах Ионии.

Каллирое было грустно уезжать так далеко от греческого моря: пока видела она перед собой милетскую гавань, казалось ей, что и Сиракузы от нее близко; большим утешением была для нее в Милете и находившаяся там могила Херея.

КНИГА ПЯТАЯ

1

О том, как при содействии Афродиты, устроившей этот брак, вышла Каллироя замуж за Херея, красивейшая женщина за красивейшего мужчину, и о том, как подумали, что она умерла, после того как Херей под влиянием ревности ударил ее, и о том, с какой роскошью ее похоронили и как в могиле потом она пришла в себя, а грабители ночью вывезли ее из Сицилии и, приплыв в Ионию, продали ее там Дионисию, и о верности Каллирой Херею и об ее беременности, вынудившей ее вступить с Дионисием в брак, и о том, как сознался Ферон, а Херей уплыл на розыски своей жены, и о том, как Херей был забран в плен и продан вместе с другом своим, Полихармом, в Карию, и как Херея, которому уже угрожала смерть, Митридат признал и начал стараться вернуть влюбленных друг другу, Дионисий же, перехвативший его письма, накрыл его и оклеветал перед Фарнаком, а Фарнак оклеветал Митридата перед царем, а также и то, как царь вызвал обоих на суд, — все это изложено в предшествующем повествовании: теперь же расскажу я о том, что произошло дальше.

Вплоть до Сирии¹²⁹ и Киликии¹³⁰ Каллироя переносила путешествие легко: она слышала кругом себя греческую речь и видела море, соединявшее ее с Сиракузами. Но когда она прибыла к реке Евфрату, по ту сторону которой великий лежит материк и начи-

наются обширные пространства царской земли, тут ее охватила тоска по родине и по близким, и она потеряла надежду на обратное возвращение. Став на берегу реки и приказав удалиться всем, кроме своей верной Плангоны, так начала говорить она:

— Завистливая Судьба, войной своей преследующая одинокую женщину! Ты живую меня заперла в могиле и вывела меня из нее не из жалости, а чтобы предать меня в руки разбойников! Море и Ферон разделили со мною мое изгнание! Я, дочь Гермократа, продана была в рабство и (легче было бы мне совсем не иметь друзей) стала предметом любви, дабы при жизни Херея быть выданной за другого замуж. Но и этого тебе мало: пределами моего изгнания ты ставишь уже не Ионию, которая была для меня страной, хотя и чужой, но все же греческой, где великим утешением мне служило сознание, что живу я у моря. Ныне же ты изгоняешь меня за грани мне привычного неба, и целый мир отделяет меня теперь от моего отечества. Как раньше ты отняла у меня Сиракузы, так сейчас ты у меня отняла Милет: увозят меня за Евфрат и, островитянку, меня заключают в глубины варварских стран, где нет уже моря. Не ждать больше мне корабля, плывущего из Сицилии! Херей, отрывают меня и от твоей могилы. Кто станет тебе, добрый гений,¹³¹ творить возлияния? ¹³² Бактры и Сузы ¹³³ — вот будущий дом мой и будущая моя могила: переправиться через тебя, Евфрат, предстоит мне только однажды! Но не столько страшит меня дальность пути, сколько боюсь я, как бы и там кто-нибудь не увидел во мне красавицы!

С этими словами она поцеловала землю, а затем взошла на паром и переправилась на нем на другой берег.

Много запасов вез с собой Дионисий, желавший блеснуть перед женой богатством приготовленного им снаряжения. Еще больший, однако, блеск придавало их путешествию радушное отношение к ним местных жителей, провожавшее их от одного народа к другому. От забот одного сатрапа переходили они к заботам другого, на попечение которого их сдавал первый: красота Каллирои подкупала всех. Поджигало варваров еще и другое: уве-

ренность, что женщине этой предстоит иметь великую власть. Каждый поэтому спешил предложить ей свое гостеприимство или оказать ей, на всякий случай, иную какую-либо любезность.

2

Так протекало их путешествие, а Митридат двигался быстрее их через Армению, страшно боясь оказаться в глазах царя виновным еще и в том, что следовал он по пятам за этой женщиной. Но, кроме того, он торопился приехать первым, чтобы успеть также подготовить свои дела к суду. По приезде же в Вавилон, где царь имел тогда свое пребывание, он первый день спокойно провел у себя: у каждого сатрапа имеется свое особое, отводимое ему помещение, в котором сатрап и останавливается. А на следующий день он, явившись в царский дворец, приветствовал персидских сановников и сказал Артаксату — евнуху, бывшему самым важным и влиятельнейшим при царе лицом, которого он предварительно почтил дарами:

— Доложи царю: раб его Митридат явился к нему, чтобы снять с себя взведенную на него греком клевету и чтобы поклониться ему.

Немного спустя, евнух вышел к Митридату с следующим ответом:

— Царю угодно ничем Митридата не обижать, судить же он будет тогда, когда придет и Дионисий.

Отвесив поклон, Митридат удалился, а затем, в одиночестве, он вызвал к себе Херея:

— Я как на огне, — сказал он ему: мое желание вернуть тебе Каллирою подвело меня под обвинение. Дионисий ведь утверждает, будто то письмо, которое ты написал своей жене, написано было мною, и считает, что он обладает в этом письме доказательством моего распутства. Дело в том, что Дионисий убежден в твоей смерти. Пускай же и дальше остается он при таком убеждении вплоть до самого дня суда, чтобы твое появление перед ним оказалось для него неожиданностью. В отплату же

за то, что я для тебя сделал, попрошу я тебя, вот о чем: имей терпение не встречаться пока с Каллироей и никаких пока не наводить о ней справок.

Подчиняясь этому поневоле, Херей старался не выдать себя, но по его щекам текли слезы.

— Выполнию, владыка, твое приказание, — сказал он Митридату и удалился в отведенную для него и для друга его, Полихарма, комнату, где, бросившись на пол, он разодрал на себе хитон и, в обе руки набрав

*нечистого пепла,*¹³⁴

Голову всю им осыпал и лик осквернил свой прекрасный.

— О, Каллироя! Рядом находимся мы с тобой и не видим друг друга! Ты-то в этом несколько не виновата: ты ведь не знаешь, что Херей жив. Но я, — я ужасный преступник! Мне приказано не смотреть на тебя, и, трусливо привязанный к жизни, я вот как далеко зашел в своем подчинении требованиям тиранна! Ты же, если бы получила от кого-нибудь подобное предписание, ты бы предпочла отказаться от жизни!

Полихарм утешал Херея.

Близко от Вавилона находился уже и Дионисий. Но еще до его приезда туда, начала завладевать городом Молва, возвещавшая всем, что в Вавилон приезжает женщина не человеческой, а божественной красоты, которой второй такой на земле не зрит солнце. Свойственно варварам сходить с ума по женщинам, а потому полна была слухами каждая улица и каждый был ими полон дом. Дошла Молва и до самого царя, так что царь даже спросил Артаксата, евнуха, приехала ли милетянка.

Дионисия давно уже мучила прославленность его жены, вселявшая в него неуверенность, с приближением же к Вавилону преисполнился он еще более жгучей тревогой. Вздыхая, говорил он самому себе: «Это тебе, Дионисий, не родной твой город Милет! А ты и там страшился коварства. Смельчак, не задумывающийся над будущим! Как? Каллирою ты везешь с собой в Вавилон, в котором живет такое множество Митридатов?

Даже и в целомудренной Спарте Менелай не сберег Елены, и варвар-пастух затмил там собою царя.¹³⁵ Много Парисов в Персии! Ты разве не видишь опасностей? Не замечаешь вступлений к ним? Города к нам выходят навстречу и сатрапы ухаживают за нами. Она уже возгордилась, а царь пока еще и не видал ее! Единственная для тебя надежда сохранить жену, это ее спрятать: сбережена она будет только тогда, когда возможным окажется ее скрыть».

В этих соображениях сел он на коня, предоставив Каллирое ехать в армамаксе¹³⁶ под спущенным покрывалом. И, может быть, то, чего ему так хотелось, Дионисию бы и удалось, не случись следующего.

3

У Статирь, жены царя, собрались жены именитейших персов, и говорили так иные из них:

— На отечественных наших красавиц, владычица, красоте которых все мы давно дивились, идет походом гречаночка, и славе персидских жен угрожает в настоящее время опасность быть уничтоженной. Давайте же подумаем, как поступить нам так, чтобы не затмила нас чужеземка.

Царица, не верившая молве, рассмеялась.

— Греки, сказала она, нищие хвастуны, выпадающие в восторг перед всякими пустяками. Совершенно так же говорят они о красоте Каллирои, как называют они и Дионисия богачом. Стоит любой из нас выйти и показаться с ней рядом, как бедная рабыня будет уничтожена.

Поклонившись царице и выразив восхищение по поводу ее мысли, все сперва воскликнули в один голос:

— Если бы только была у тебя возможность, владычица, самой показаться на людях.¹³⁷

Затем, когда начали произноситься имена наиболее знаменитых красавиц, голоса разделились. Произведено было голосование посредством поднятия рук, как в театре,¹³⁸ и выбор остановился на дочери Зопира, Родогуне, жене Мегабиза, выдаю-

щейся, общепризнанной красавице: чем для Ионии была Каллироя, тем же была Родогуна для Азии.

Женщины принялись ее украшать: каждая давала ей от себя какую-нибудь драгоценность. Царица дала ей браслеты и ожерелье.

И вот, снаряженная ими на состязание, отправилась она встречать Каллирою. Имелся к тому у нее еще и личный предлог, так как она приходилась сестрой Фарнаку, тому самому, который написал царю про Дионисия.

На зрелище высыпал весь Вавилон. У городских ворот теснились толпы народа, на самом же видном месте ждала, в сопровождении царственного окружения, Родогуна. Прелестная, гордо стояла она, будто бросая вызов, и все кругом на нее смотрели, говоря друг другу:

— Победа будет за нами. Персиянка затмит чужеземку: пусть попробует последняя с нею сравниться и пусть тогда греки узнают, что они за хвастуны!

Тут выехал вперед Дионисий, и так как ему доложили о присутствии родственницы Фарнака, то он соскочил с коня и любезно подошел к Родогуне, а та, зардевшись, проговорила:

— Хочу поздороваться с своей сестрой.

С этими словами она направилась к армамаксе. Каллирое, таким образом, было уже невозможно дольше оставаться скрытой, и Дионисий, смущенно вздохнув, нехотя попросил Каллирою выйти из армамаксы. И в то же мгновение потянулись к Каллирое не только взоры, но и души всех присутствующих. Люди почти что падали друг на друга: каждому хотелось лучше ее рассмотреть, подойдя к ней возможно ближе. Блеснуло лицо Каллирои, и сияние его приковало к себе глаза всех, как влечет к себе яркий, в глубокую ночь внезапно вспыхнувший свет. В изумлении варвары поклонились ей, и никто больше уже не замечал присутствия Родогуны. Осознала и Родогуна свое поражение. Не имея возможности отойти, но и не желая, чтобы на нее глядели, скользнула она вместе с Каллироей под ее полог и сдалась победителю. Занавешанная покрывалом, продолжала

двигаться армамакса дальше, а люди, которые видят Каллирою больше уже не могли, целовали ее колесницу.

Царь, услышав о прибытии Дионисия, тотчас же велел Артаксату, евнуху, так объявить ему: «Хотя предъявляя обвинение человеку, которому вверена большая власть, и надлежало тебе не мешкать, но эту вину я тебе прощаю, поскольку ты ехал в сопровождении жены. Сейчас я справляю праздник и занят я жертвоприношениями, на тридцатый же день, считая от нынешнего, я выслушаю тяжбу». Дионисий отвесил поклон и удалился.

4

После того началось приготовление обеих сторон к суду, словно как бы к большой войне, причем в народе произошел раскол: та часть варваров, которая принадлежала к кругам сатраповским, стояла за Митридата. Не даром же происходил он из старого бактрийского¹³⁹ рода и в Карию переселился только впоследствии. А Дионисий вызывал сочувствие низших слоев населения, считавших, что посягательство на жену — и, главное, еще на какую! — являлось такого рода обидой, которая шла в прямое нарушение законов. Волновалась и женская половина Персии: симпатии разделились и тут. Те из женщин, которые были высокого мнения о собственной красоте, завидовали Каллирое и хотели, чтобы она вышла из суда опозоренной, рядовая же масса, завидовавшая местным красавицам, желала, чтобы прославилась чужеземка.

Что же касается обоих соперников, то как тот, так и другой, каждый про себя в отдельности, считал, что победа находится у него в руках. Дионисий надеялся на письма, написанные Митридатом к Каллирое от имени Херея: что Херей жив, этого Дионисий не допускал никак. А Митридат, во власти которого было показать Херея воочию, был убежден, что пойман он быть не может. Впрочем, он заручался приспешниками, притворяясь, будто он боится, дабы тем блестящее оправдаться благодаря неожиданности.

Ни персы, ни персиянки в течение этих тридцати дней ни о чем другом между собою не разговаривали, как только о предстоящем суде, так что, сказать по правде, весь Вавилон тогда был сплошным судилищем. Назначенный срок представлялся долгим для всех, и не только для посторонних, но и для самого царя. Никогда еще ни одно олимпийское состязание,¹⁴⁰ ни одна элевсинская ночь¹⁴¹ не ожидалась с таким нетерпением. Когда же наступил назначенный день суда, царь сел на полагавшееся ему место. Во дворце имеется особое помещение, предназначенное служить судилищем, замечательное и по размерам, и по красоте. Там посередине стоит царский трон, по обеим сторонам от которого находятся места для приближенных царя, являющихся, в силу ли своей знатности, или же по личным заслугам, «начальниками начальников». Вокруг трона стоят лохаги и таксиархи¹⁴² и наиболее важные из царских вольноотпущенников, так что правильно можно было бы сказать про это собрание:

Боги у Зевса-отца на помосте влатом заседали.¹⁴³

В молчаливом страхе вводятся тяжущиеся.

Так и в то раннее утро первым вошел Митридат в сопровождении друзей и родственников, невеселый, без всякой пышности, в качестве обвиняемого, вызывающего к себе сострадание. За ним, одетый по-гречески в милетскую столу,¹⁴⁴ шел, держа в руке письма, Дионисий. Когда их ввели, они поклонились. После этого царь приказал огласить письма, письмо Фарнака и то, которое сам он ему написал в ответ, дабы тяжущиеся узнали, в каком порядке дело о них возбуждено. Вслед за оглашением царского письма раздались возгласы восторга по поводу нравственной высоты царя и его справедливости. Затем, после наступившего молчания, первым должен был говорить Дионисий как обвинитель, и взоры всех обращены были на него. Но выступил с заявлением Митридат:

— Я не предвосхищаю, владыка, своей защитительной речи: я знаю порядок. Но надлежит до начала прений быть на суде

всем, чье присутствие на нем необходимо. Где же та женщина, из-за которой и происходит суд? В своем письме ты признал присутствие ее на суде необходимым, предписав ей приехать, и она приехала. Пускай же самого главного — виновницы всего дела — Дионисий от нас не скрывает.

Дионисий ответил:

— Свойственно и это прелюбодею: выводить в народ чужую жену вопреки желанию мужа, несмотря на то, что она ни обвинительницей, ни обвиняемой и не является. Будь она совращена, присутствовать ей на суде надлежало бы как обвиняемой. В данном же случае ты злоумыслил на нее без ее ведома, и жена моя мне здесь не нужна ни как моя свидетельница, ни как моя защитница. Неужели необходимо присутствие на суде того, кто к тяжбе никакого отношения не имеет?

С судебной точки зрения слова Дионисия были правильны, но только никого они не убедили, потому, что всем страстно хотелось увидеть Каллирою, и, так как вызвать Каллирою царю было совестно, то его приближенные выдвинули предлогом для ее вызова его письмо, в котором она ведь им приглашалась как лицо, необходимое для суда. Иные говорили:

— Что за нелепость! Приехать из Ионии, а находясь уже в Вавилоне, не явиться в суд!

Но когда было постановлено, что на суде присутствовать надо и Каллирое, Дионисий, до этого ни о чем Каллирое не сообщавший и причину их путешествия в Вавилон все время от нее скрывавший, побоялся вводить Каллирою в суд вдруг, без предупреждения: естественно было ждать, что жена вдобавок еще и рассердится на него за его обман. Вследствие этого он отсрочил суд до следующего дня.

5

Собрание распущено было тогда на этом.

Умный и образованный человек, Дионисий, по своем возвращении домой, рассказал обо всем жене весело и спокойно, сло-

вами наиболее в данном случае убедительными. Правда, слушая его речи, Каллироя не могла сдерживать своих слез, горько расплакавшись при имени Херея. Досадовала она и на суд.

— Только этого одного и недоставало мне в моих несчастьях, — так говорила она, — предстать пред судилищем! И умираю, и погребалась я, и выкрадена была из могилы, и продана была в рабство, а теперь вот и судят меня! Мало было тебе, Судьба, обидно оклеветать меня перед Хереем: Дионисия заставила ты заподозрить меня в прелюбодеянии! Клеветой провожала меня ты тогда в могилу, и ею же провожаешь меня ты теперь в царский суд. Притчей стала я и в Азии, и в Европе. Какими глазами смотреть буду я на судьбу? Какие придется мне услышать слова? Коварная красота моя, природой данная мне только для того, чтобы пресытиться ей клеветами, взводимыми на меня! Судят дочь Гермократа, а отца своего не имеет она своим защитником. Вступая в судилище, другие желают понравиться и вызвать к себе расположение, я же боюсь, как бы судье я не приглянулась.

В подобного рода сетованиях беспокойно провела она весь тот день. Но больше еще, чем она, беспокоился Дионисий. А когда наступила ночь, Каллироя увидела себя во сне девушкой в Сиракузах: будто входит она в святилище Афродиты, и, будто возвращаясь оттуда обратно, встречает Херея. Приснился ей и день ее свадьбы: горожане в венках и провожающие ее в дом ее жениха отец с матерью. Она хотела поцеловать Херея, и тут проснулась.

Позвав Плангону (Дионисий встал раньше, чтобы успеть подготовиться к заседанию суда), она поведала ей свой сон, и Плангона сказала:

— Будь покойна, владычица. Радуйся: сон видела ты хороший. Спадет с тебя всяческая забота. Случится и на яву все так, как видела ты во сне. Иди в царский суд, будто в храм Афродиты. Позаботься же о своей наружности и верни себе подвенечную красоту.

Так говорила Плангона, одевая и прихорашивая Каллирою, которой невольно становилось весело на душе, как бы в предчувствии предстоявшего ей.

С раннего утра была перед зданием дворца давка, и народ заполнял все улицы до самых дворцовых стен. Все сбежались — по видимости, чтобы услышать суд, в действительности же, чтобы узреть Каллирою. И Каллироя, насколько раньше она красотой своей превышала всех прочих женщин, настолько тогда, казалось, превзошла она и самое себя. В судилище вступила она такую, какою, по выражению божественного поэта,¹⁴⁶ предстала Елена перед старцами Трои,

*Что вокруг Приама, Панфоя, Фимета и прочих сидели.*¹⁴⁶

Изумлением и молчанием встречено было ее появление:

*Ложь с ней разделить мечтал из них тогда каждый.*¹⁴⁷

И если бы Митридату надлежало говорить первым, то у него бы отнялся язык. Ибо любовному ранению его наносился новый удар еще жгучее его прежней страсти.

6

Дионисий начал речь свою так:

— Царь, я благодарен тебе за честь, оказанную тобою как мне, так и значению брачных уз вообще: ты равнодушно не пропустил злого умысла, направленного со стороны властелина на частного человека, а вызвал меня, дабы наложить за меня судебную кару на распутство и своеволие и оградить от этого же и других. Личность же совершившего данный проступок делает таковой заслуживающим тем большего наказания, ибо Митридат злоумыслил против меня не только не будучи мне врагом, но являясь даже гостем моим и другом, и посягнул он не на иное что из достояний моих, как на то, что дороже мне и тела моего, и моей души, — на мою жену, — он, кому надлежало бы, если уже не ради меня, его друга, то хотя бы во имя тебя, царя, самому защищать меня от любой обиды, потому что

ему вручена тобою высшая власть. Показав себя недостойным ее, он ее опозорил, или, правильнее сказать, он изменил тому, кто власть эту ему доверил. Знаю и сам хорошо я о происках Митридата, как и о силе его и о его подготовке к судебному разбирательству, и понимаю, что мы с ним находимся не в одинаковом положении: я, однако же, полагаюсь, царь, на твою справедливость, на значение брачных уз и на охраняемый тобою закон, для всех одинаково обязательный. Ведь если бы тебе предстояло Митридата простить, то было бы несравненно лучше и не привлекать его вовсе к суду, так как раньше люди боялись бы, что за распутство, если дело дойдет до суда, их постигнет кара; отныне же, если Митридат останется у тебя ненаказанным, они перестанут уважать суд. Дело же мое ясно, и рассказ о нем будет короток. Я — муж присутствующей здесь Каллирои, а теперь я уже и отец родившегося у меня от нее ребенка. Взял я ее себе в жены не девушкой, а после брака ее с другим человеком по имени Херей, который давно уже умер и которому мы с ней даже поставили могильный памятник. Митридат, находившийся в то время в Милете и увидевший на правах моего гостя мою жену, совершил в дальнейшем поступок, ни другу не подобающий, ни тому нравственному, порядочному человеку, каким ты желаешь, чтобы был каждый, кому вверяешь ты свои города, а выказал себя и развратником, и насильником. Зная, что эта женщина нравственна и привязана к своему мужу, и решив, что ни словами, ни деньгами совратить ее невозможно, он прибег к коварному замыслу, который, как полагал он, полное встретит доверие. Изобразив дело так, будто жив Херей, первый муж Каллирои, он сочинил от его имени письмо к ней и послал его ей через своих рабов. Но Судьба поставила в твоём лице достойнейшего царя, а провидение остальных богов вывело на свет его письма: приенский стратег Биант прислал мне его рабов вместе с его письмами. Накрыв Митридата, я о том и донес Фарнаку, сатрапу Лидии и Ионии, а Фарнак сообщил тебе. Рассказ свой о разбираемом тобою деле я кончил, и доказательства моей правоты неопровержимы. Ведь одно из двух:

или жив Херей, или Митридат изобличен в соблазнительстве. И даже того не может утверждать Митридат, будто он не знал, что Херей умер, так как мы с женой соорудили ему могилу в его присутствии и он вместе с нами участвовал в оплакивании покойного. Но Митридат, когда он собирается соблазнить, воскращает и мертвых! Кончаю свою речь оглашением того письма, которое человек этот послал из Карию в Милет через своих рабов. Возьми и читай: ¹⁴⁸ «Я, Херей, жив...». Пусть сперва Митридат это разъяснит и да будет тогда он по суду оправдан! Прими же, царь, во внимание, до какого бесстыдства здесь дошел соблазнитель, оболгавший даже покойника!

Речь Дионисия поджигала слушателей и сразу же завоевала ему голоса. Разгневанный царь мрачно метнул на Митридата тяжелый взор.

7

Но Митридат, несколько не утраившись, сказал:

— Прошу тебя, царь, — ведь и справедлив ты, и человеколюбив — не осуждай меня раньше, чем выслушаешь речи обеих сторон, и да не встретит грек, хитро против меня сложивший лживую клевету, большей у тебя веры, чем правда! Я понимаю, что павшему на меня подозрению красота этой женщины придает вес: желание соблазнить Каллирою никому не покажется странным. А между тем, я всю свою прошлую жизнь прожил нравственно, да и теперь подвергся я такой клевете впервые. Но если бы даже я и в самом деле был необузданным распутником, то уже одно твое ко мне доверие, поручившее мне заботу о таком великом множестве городов, должно было бы меня исправить: неужели же найдется такой безумец, который столь большие блага променял бы на один миг наслаждения, а к тому же, еще и постыдного? Впрочем, будь совесть моя нечиста, я имел бы возможность даже и отвести от себя это дело. Дионисий предъявляет мне обвинение ведь не по поводу состоящей с ним в законном супружестве женщины, а по поводу такой, которая продавалась и которую он купил. На рабынь же закон о прелюбо-

деянии не распространяется. Пускай Дионисий представит тебе сперва справку об отпуске ее на волю и пусть лишь тогда говорит о браке! Ты смеешь ¹⁴⁹ называть женой ту, которую продал тебе за талант разбойник Ферон, выкравший ее из могилы? «Но», так возражает мне Дионисий, «купил я ее в то время, когда она была свободной». В таком случае ты, значит, ее поработоритель! Сейчас, однако, я буду защищать себя перед тобой, как перед ее супругом: браком называй куплю, а выплаченную стоимость приданым! Сиракузянку будем на сегодня считать милетянкой. Узнай же, владыка, что не обидел я Дионисия, ни как мужа ее, ни как ее хозяина. Во первых, он обвиняет меня в прелюбодеянии не совершенном, а в таком, которое имело лишь совершиться, и, не будучи в состоянии ничего рассказать о деле — читает нам пустые записочки. А законы карают лишь за дела. Ты ¹⁵⁰ предъявляешь письмо, но я мог бы ответить тебе: я этого письма не писал, рука не моя. Каллирою ищет Херей: Херея и обвиняй в прелюбодеянии. «Да», возражает мне Дионисий, «но Херей же умер, и совратил ты мою жену именем мертвого». Дионисий! Ты толкаешь меня на такой шаг, который вовсе не будет тебе полезен. Свидетельствую: я друг твой и я твой гость. Отступишь от обвинения: для тебя это будет лучше. Попроси царя оставить твою жалобу без внимания. Запой песню на новый лад: «Митридат ничем меня не обидел, пожаловался я на него напрасно». Продолжая настаивать на своем, раскаешься, подашь голос против себя же. Предупреждаю тебя: Каллирою ты потеряешь. Не я окажусь в глазах царя прелюбодеем, а прелюбодеем окажешься ты.

С этими словами Митридат умолк и взоры всех обратились на Дионисия. Каждому хотелось узнать, какую же из двух, представившихся ему, возможностей он предпочтет: отступится ли от обвинения или с твердостью будет на нем настаивать? И, хотя никто не понимал смысла загадочных слов Митридата, все, однако же, предполагали, что Дионисию-то их смысл ясен. Но не понимал их смысла и Дионисий, которому в голову не могло придти, что Херей жив.

— Говори, — сказал поэтому Дионисий, — что будет тебе угодно: все равно, никакими хитростями и никакими вызывающими доверие угрозами ты меня не проведешь. Клеветником Дионисий не окажется никогда!

И вот тут Митридат, возвысив как бы пророчески голос, воскликнул:

— Царские боги, небесные и подземные, помогите честному человеку, так часто возносившему вам праведные свои молитвы и творившему вам богатые жертвы! За мое благочестие оплатите мне теперь, когда взводится на меня клевета: хотя бы на этот суд одолжите Херея мне! Явись ко мне, добрый гений! Призывает тебя твоя Каллироя. Став между мной и Дионисием, скажи царю, кто же из нас обоих прелюбодей.

8

Он еще говорил, когда вышел к ним (так заранее было у них условлено) сам Херей.

— Херей! Ты жив! — увидев его, вскрикнула Каллироя и бросилась было к нему, но, став между ним и ею, Дионисий ее удержал, мешая им заключить друг друга в объятия.

Кто взялся бы в точности описать картину того суда? Какой поэт выводил на сцену столь необыкновенный сюжет? Казалось, находишься в театре, полном разнообразнейших чувств, где слилось разом всё: слезы и радость, жалость и изумление, сомнения и надежды. Прославляли блаженство Херея, радовались за Митридата, сочувствовали горю Дионисия, недоумевали относительно Каллирои. Глубоко взволнованная, стояла она, смотря широко раскрытыми глазами на одного лишь Херея, на месте которого тогда оказаться пожелал бы, думается мне, и сам царь.

Привычно всем соперникам в любви немедленно вступать в войну друг с другом, а тут разжигало соперников еще и присутствие победного приза, находившегося перед их глазами, так что, если бы не уважение к царю, они пустили бы в ход друг

против друга и руки. Ограничилось дело словами. Херей говорил:

- Я ее первый муж.
- Я же муж более верный, — возражал Дионисий.
- Уж не состою ли я в разводе со своей женой?
- Но ты ее похоронил!
- Предъяви разводную!
- Показываю тебе ее могилу.
- Выдал ее за меня ее отец.
- А за меня она сама себя выдала замуж.
- Ты не достоин дочери Гермократа.
- Еще меньше ты, митридатов кандалник.
- Требую назад Каллирою!
- А я ее не отпускаю!
- Ты владеешь чужой женой.
- А ты свою убил.
- Прелюбодей!
- Убийца!

Так сражались они друг с другом, остальные же все, слушали их не без удовольствия.

Плача, стояла, опустив глаза вниз, Каллироя, чувствовавшая к Херею любовь, а к Дионисию уважение. И, выслав всех прочь, царь открыл совещание с приближенными, уже не о Митридате, блестяще себя защитившем, а по вопросу о том, надо ли назначать новое заседание суда относительно женщины. Часть совещания полагала, что это дело царскому суду не подлежит.

— Обвинение, предъявлявшееся Митридату, ты, поскольку он был сатрапом, выслушал, — говорили они царю, — все же прочие — это частные лица.

Большинство, однако же, давало противоположный совет, как ввиду того, что отец женщины немалую оказал царскому дому пользу, так еще и в силу того соображения, что царь созывает свой суд не по новому в данном случае делу, а по такому, которое служит как бы продолжением им разбиравшегося. Предла-

гавшие этот совет не желали сознаться в истинной его причине, заключавшейся в том, что от красоты Каллирои смотревшие на нее не в состоянии были оторвать глаз.

И вот, всех удаленных им из собрания пригласив обратно, царь объявил:

— Митридата я отпускаю оправданным: пускай уезжает он в свою сатрапию, после того как завтра получит от меня подарки, Херей же и Дионисий пусть скажут то, что каждый из них имеет сказать справедливого по поводу женщины. Ибо о дочери Гермократа, который разбил афинян, враждебных и мне, и персам, надлежит мне проявить попечение.

Выслушав это решение, Митридат отвесил поклон, остальные же находились в недоумении, и царь, заметивший их смущение, сказал им:

— Я вас не тороплю и даю вам возможность явиться в суд подготовленными: я предоставляю вам пятидневную отсрочку. Пока же заботу о Каллирое возьмет на себя Статира, моя жена: было бы неправильно, если бы Каллироя, которой предстоит судиться о муже, пришла на суд вместе с мужем.

Вышли все из судилища грустными. Радовался один только Митридат. Получив подарки и проведя в Вавилоне еще одну ночь, он на утро двинулся в Карию еще более прежнего блистательный.

9

А Каллирою взяли евнухи и отвели к царице без всякого предупреждения: когда царь куда посылает, об этом никому не докладывается.

Статира, неожиданно увидев перед собой Каллирою, вскочила с ложа, вообразив, что это явилась к ней Афродита, недаром особенно почитавшаяся ею богиня. Но Каллироя отвесила ей поклон, а евнух, который подметил испуг Статире, объявил ей:

— Это Каллироя. Прислал же ее к тебе царь под твою охрану впредь до наступления дня суда.

Эти слова обрадовали Статиру. Почетное поручение заставило ее отбросить женскую ревность и отнестись к Каллирое с большей благожелательностью. Статира была горда выказанным ей доверием и, взяв Каллирою за руку, сказала ей:

— Успокойся, женщина, и перестань плакать. Царь человек добрый: в мужья ты получишь того, кого ты захочешь. Еще с большим почетом выйдешь ты замуж после суда. Теперь же пойди отдохнуть: я ведь вижу, как ты устала и как ты взволнована.

Предложение Статире было Каллирое приятно: она действительно жаждала тишины. И вот, когда ее уложили на ложе и предоставили ей покой, она дотронулась рукой до своих глаз и спросила их:

— В самом деле видели вы Херея? Был ли то мой Херей, или и тут заблуждаюсь я? Уж не загробный ли был это призрак, вызванный Митридатом ради суда? Уверяют же, что есть среди персов волшебники! Но он разговаривал, и из слов его было ясно, что ему все известно. Как хватило только у него сил не броситься мне в объятия? Мы расстались, даже не поцеловав друг друга.

Пока она так раздумывала, слышались шаги и женские голоса: к царице сбегались женщины, в надежде, что теперь они полную получат возможность видеть Каллирою. Но Статира сказала им:

— Оставим ее в покое: она чувствует себя плохо, а ведь в нашем распоряжении имеются четыре дня, в течение которых сможем мы и смотреть на нее, и слушать ее, и разговаривать с ней.

С огорчением разошлись они, а на другой день вернулись с утра опять, и повторялось это и во все последующие дни, так что царский дом сделался более многочисленным. Впрочем, и сам царь начал чаще заходить на женскую половину, — конечно, будто бы к Статире. Дорогие посылались Каллирое подарки, но ни от кого она их не принимала. В черном платье, не нося на себе никаких драгоценностей, одета бывала она постоянно так,

как то подобало женщине в несчастьи. И это делало ее еще прекраснее. А на вопрос царя, кого же из двух предпочитает она иметь мужем, Каллироя в ответ только плакала.

Так жила Каллироя. А Дионисий и от природы стойкий и всегда заботившийся о самовоспитании, старался переносить свое положение с твердостью, несмотря на то, что необычность случившегося могла бы совсем легко вывести из равновесия и самого мужественного человека. Любовью пылал он теперь сильнее еще, чем в Милете: ибо в начале страсти влюблен он был лишь в красоту, а сейчас любовь его воспламенялась еще и многим другим — и близостью, и радостью отцовства, и чувством признательности, и ревностью, всего же сильнее — внезапностью происшедшего.

10

Часто поэтому вдруг восклицал он:

— Что это за воскресший Протесилай¹⁵¹ наших дней? Погрешив перед кем из подземных богов, нашел я себе соперника в мертвецех, могилой которого я владею? Афродита, владычица, ты поймала меня в засаду, ты, которой я в имени своем воздвиг храм и которой так часто приношу жертвы. Зачем показала ты мне Каллирою, раз ты не собиралась ее для меня сберечь? Зачем делала ты меня отцом, если не был я даже и мужем?

Плача, обнимал он своего сына и говорил ему:

— Бедный ребенок, не для счастья, как это сперва мне показалось, родившийся, а родившийся, как я вижу это теперь, не ко времени! В память неудачной моей любви остался в наследство ты мне от твоей матери. Ты еще младенец, конечно, и, однако же, не всецело скрыто от твоих чувств то, что делает твоего отца несчастным. В недоброе отправилась мы путешествие! Не следовало нам покидать Милета: Вавилон погубил нас. Первая моя тяжба проиграна. Обвинял меня Митридат. Но еще сильнее опасаясь я второго суда. Ибо, хотя этот суд и не более для меня опасен, чем первый, вступление к нему приводит меня

в отчаянье. Из-за собственной своей жены спорю с другим я, и ее уже отняли у меня до разбора дела. А что еще тяжелее: не ведаю я, кого же из нас Каллироя хочет. Но ты, мой маленький, ты это от матери своей узнать можешь. Отправься же ныне к ней и попроси ее за отца. Поплачь, поцелуй ее и скажи ей: «Мать, отец мой любит тебя». Только ничем ее не попрекай. Ты мне что-то говоришь, воспитатель? ¹⁵² Никто не пропускает нас во дворец? О жестокая тирания! Запирают дверь перед сыном, пришедшим к матери посланником от своего отца!

Так вплоть до самого дня суда вел Дионисий борьбу любви и рассудка, Херей же охвачен был безутешной скорбью. Полихарму велел он сопровождать Митридата, как общего покровителя их обоих, сам же притворился больным. А оставшись наедине с собой, он изготовил петлю и, собравшись одеть ее на себя, проговорил:

— Лучше было бы мне умереть, когда я поднимался на крест, к которому в Карии пригвождало меня, кандалника, ложное обвинение. Ведь тогда расставался я с жизнью, будучи обманут уверенностью, что я любим Каллироей, а теперь гублю я не только жизнь, но и то утешение, какое дается смертью. Видела меня Каллироя и не подошла ко мне, меня не поцеловала: в моем присутствии стеснялась она другого. Пускай же не придется ей больше потуплять своих глаз: покончу я с собой до суда. Не стану я дожидаться его позорного окончания: знаю, что противник я для Дионисия слабый, я, чужеземец, бедняк, человек уже посторонний. Тебе, жена, счастливо жить! Называю тебя женой, хотя ты и любишь другого. А я уйду от тебя, и в брачной жизни твоей тебе не надоедаю: живи же в богатстве, в неге, и наслаждайся благами Ионии. Люби, кого хочешь. Но теперь, когда Херей на самом деле умрет, умоляю тебя, Каллироя, оказать мне последнюю милость: после смерти моей подойди к моему мертвому телу и, если сможешь, поплачь над ним. Дороже будет мне это даже бессмертия! Склонившись перед стелой, ¹⁵³ скажи: *И муж, и ребенок.* ¹⁵⁴ «Вижу, скажи, ныне истинно ты скончался, Херей, ныне ты умер. А собира-

лась я избрать ведь тебя на царском суде!». Услышу я это, жена, и, быть может, поверю. Славу придашь ты мне этим у подземных богов.

*Если ж умершие смертные память теряют в Аиде,
Буду я помнить и там моего благородного друга.¹⁵³*

В скорби своей он целовал петлю и говорил, обращаясь к ней:
— Ты, петля, мое утешение, ты моя защитница. Благодаря тебе я остаюсь победителем. Ты меня любишь сильнее, чем Каллироя.

Но в то самое мгновение, когда Херей уже одел себе на шею петлю, появился перед ним его друг Полихарм, который потом уже больше от него и не отходил, словно как от безумного, потому что его уговоры перестали на Херея действовать.

А тут приблизился и назначенный день суда.

КНИГА ШЕСТАЯ

1

Накануне дня, в который царю предстояло решить, женою ли Херея следует быть Каллирое, или же женой Дионисия, весь Вавилон находился в волнении. И дома у себя, и встречаясь друг с другом на улицах, все только и говорили: «Завтра брак Каллирои. Кто же из них окажется счастливецем?». Мнения в городе разделились. Стоявшие за Херея указывали: «Он был ее первым мужем, он женился на ней, когда она была девушкой; он влюбился в нее, и она была влюблена в него. Ее отец отдал ему ее в жены, отечество похоронило ее. Не бросал он ее, не был и сам ею брошен.

«Что касается Дионисия, то не соблазнял он ее, но и не женился на ней: ее продали ему разбойники, а свободную женщину покупать нельзя». Стоявшие же за Дионисия возражали на это так: «Дионисий вывел ее из разбойничьего притона, где угрожало ей быть убитой: за ее спасение он заплатил талант. Сперва спас, а потом женился. Херей же, женившись на ней, ее убил. Эту его женитьбу на ней должна Каллироя помнить. Заведомое преимущество у Дионисия в его споре заключается еще и в том, что у него имеется общий с нею ребенок».

Так рассуждали мужчины. А женщины, те не только ораторствовали, но и обращались к Каллирое с советом, словно стояла она перед ними: «Не бросай человека, замуж за которого ты

вышла девушкой! Избери того, кто является твоим соотечественником, и ты свидишься тогда со своим отцом. Иначе ты останешься жить изгнанницей на чужбине». Другие же говорили: «Избери своего покровителя, того, кто тебя спас, а не того, кто тебя убил. А что, если Херей вдруг опять рассердится? Снова тогда могила? Не предавай сына! Уважь отца твоего ребенка!».

Вот какие слышались разговоры, так что можно было бы в то время назвать весь целиком Вавилон судилищем.

Наступила последняя перед судом ночь, и не в однородных думках покоились ночью той на своих постелях царь и царица. Царица с нетерпением ждала наступления утра, чтобы сложить с себя как тяжелую ношу вверенный ей залог: ее пригнетала близость красоты этой женщины, сопоставлявшаяся с ее собственной. Возникали в ней подозрения и по поводу частых, несвоевременно любезных, заходов к ней царя: раньше навещал он женскую половину редко, с появлением же в ней Каллирои он начал постоянно туда заглядывать. Наблюдала она за ним и во время общих разговоров, когда он украдкой бросал на Каллирою взгляды: она следила за его глазами, отводимыми им от зрелища, но неудержимо вновь к нему возвращавшимися. Радостно дожидалась утра Статира, и совсем иначе ждал наступления утра царь. Он не спал всю ночь.

*То на хребет он ложился, то на бок, то ниц обратясь,
К ложу лицом припадал.¹⁵⁶*

и мысленно так говорил себе: «Наступает суд. Со свойственной мне торопливостью я отложил его на слишком короткий срок. Итак, что же предстоит нам с завтрашнего утра? Завтра Каллироя навсегда уедет в Милет, или в Сиракузы. Бедные мои глаза! Еще один только час остается вам любоваться прекрасным зрелищем, после чего станет счастливее меня мой раб. Обдумай, о душа, что следует предпринять тебе! Будь откровенна. Нет у тебя ¹⁵⁷ иного советника: советницей влюбленному служит сама любовь.¹⁵⁸ Так вот ответ прежде всего самому себе: кто ты такой? Судья ли ты Каллирой или же человек, влюбленный в нее?»

Не обманывай себя, хотя ты и не сознаешь этого: ты влюблен. Еще яснее будешь ты в этом изобличен, когда ты перестанешь видеть ее. Зачем же стремишься ты причинить самому себе горе? Солнце, твой предок,¹⁵⁹ выбрало для тебя создание, прекраснейшее из всех, на какие оно взирает, а ты от этого божественного подарка бежишь! Какое мне, в конце концов, дело до Херея и Дионисия, жалких рабов моих? Мне ли, великому царю, распорядиться устройством их свадеб наподобие старушонки-свахи? Но я поспешил принять на себя разбор дела, и все это знают. Особенно стыдно мне Статире. Итак, не обнаруживай своей любви, но и не завершай судебного разбирательства: тебе важно иметь возможность видеть перед собой Каллирою. Отложи заседание суда: даже и рядовой ведь судья право на это имеет.

2

С раннего утра служители готовили к заседанию помещение царского суда, а к дворцу стекались толпы народа. Волновался весь Вавилон. И подобно тому как на олимпийских состязаниях¹⁶⁰ можно видеть проводы атлетов, идущих на стадион, так устроены проводы были и здесь. Дионисия провожала толпа именитейших персов, а простой народ окружал Херея. С обеих сторон раздавались возгласы одобрения и тысячи напутственных пожеланий: «ты сильнее!», «победа останется за тобой!». А победной наградой тут была не дикая маслина, не яблоки, не сосновая ветка,¹⁶¹ а дивная красота, за которую было бы уместно поспорить и самим богам.

Но царь вызвал к себе Артаксата, евнуха, бывшего у него самым важным лицом, и сказал ему:

— Мне приснилось, что царские боги требуют жертв от меня. Долг благочестия надлежит мне выполнить прежде всего. Объяви же тридцатидневное по всей Азии празднование иеромении¹⁶² с воздержанием от всяких судов и дел.

Евнух объявил приказ, и сразу же город наполнился жертвоприносителями в праздничных венках. Звучала флейта, играла

свирель и слышалось пение. Курился перед дверями домов фирмиам, и шел на каждой улице пир:

*Туков воня*¹⁶³ до небес восходила с клубящимся дымом.¹⁶⁴

Царь послал к алтарям роскошные жертвы. Тогда же впервые совершил он жертвоприношение и Эроту, усердно моля Афродиту заступиться за него перед ее сыном.¹⁶⁵

Только трое во время всеобщей радости были печальны: Каллироя, Дионисий и сильнее еще, чем они, Херей. Каллироя во дворце не могла высказывать своей печали открыто: таясь, вздыхала она втихомолку и проклинала празднество. А Дионисий клял самого себя за то, что он покинул Милет:

— Сноси, несчастный, своё добровольное горе! — говорил он себе. — Ты сам в нем повинен! Обладать Каллироей ты мог бы и при жизни Херея. В Милете ты был господином: даже письмо не было передано тогда Каллирое, согласно твоему желанию. Кто ее там видал? Кто там к ней приближался? Ты сам стремительно вверг себя в самую гущу врагов. И хоть уж одного бы себя! Нет, ты туда же бросил вместе с собой и то сокровище, которое дороже тебе собственной твоей души. Из-за него-то со всех сторон и возникла против тебя война. О чем ты, безумный, думаешь? Судится с тобой Херей, но соперника в любви приготовил ты себе в лице своего повелителя:¹⁶⁶ видит царь теперь даже сны, и боги требуют от него тех самых жертв, какие приносит он им ежедневно. Что за наглость: оттягивать срок суда, держать чужую жену в своем доме и называть себя при этом судьей!

Так сетовал Дионисий, а Херей не прикасался к пище, отказываясь вообще жить. Полихарму, своему другу, который ему мешал кончить самоубийством, он говорил:

— Под видом друга ты являешься главным моим врагом: ты держишь меня под пыткой и наслаждаешься зрелищем моего наказания. Если бы ты был мне другом, то ты бы радовался моему освобождению из-под тирании жестокого божества. Уже сколько сорвано тобой счастливых, удобных случаев! Каким блаженством

было бы для меня быть погребенным вместе с Каллироей, когда хоронили ее в Сиракузах! Но ты и тогда мне помешал умереть и оторвал меня от прекрасной спутницы. Быть может, она не вышла бы тогда из могилы и не захотела бы покидать меня, мертвого. А если бы и покинула, то я бы остался лежать в могиле, оказавшись все-таки в выгоде, так как был бы избавлен от всего, что постигло меня затем: от продажи в рабство, от нападения разбойников, от оков и от того, что тяжелее креста, — от царя. О, прекрасная смерть! После нее не услышал бы я о втором замужестве Каллирои. Какой другой подходящий момент для самоубийства вновь заставил ты меня пропустить после суда, когда видел я Каллирою и не подошел к ней, ее не поцеловал! Что за неслыханное, что за невероятное дело: судят Херея, доискиваясь, муж ли он Каллирои. Но и этому, какой он там ни на есть, суду завистливое божество мешает осуществиться: ненавидят меня боги и в сновидениях, и на яву.

С этими словами он потянулся к мечу, но руку его удержал Полихарм, который принялся потом его сторожить, чуть ли не связав его.

3

А царю, вызвавшему к себе внуха, самого верного человека, сначала было стыдно и перед ним, но, заметив на лице царя волнение, Артаксат понял, что царь желает ему что-то сказать, и спросил:

— Владыка, зачем прячешься ты от своего раба, преданного тебе и умеющего молчать? Какое такое стряслось несчастье? Боюсь, не заговор ли какой. . .

— Да, — ответил царь, — заговор, не со стороны, однако, людей, а со стороны богров. Раньше знал я про силу Эрота по мифам и из поэзии, что властвует он над всеми богами и даже над самим Зевсом, и все-таки я не допускал, чтобы кто-нибудь около меня мог оказаться сильнее меня. Но вот пришел ко мне этот бог, вселился в душу мою великий, могучий Эрот, и, страшно признаться, он меня действительно полонил.

Сказав это, царь залился такими слезами, что не мог вымолвить больше ни одного слова, и как только он замолчал, Артаксат сразу понял, откуда нанесена царю рана. Были уже и раньше у него некоторые подозрения: дым от огня подмечал он и прежде. Теперь же у него исчезли всякие сомнения, и ему стало ясно, ввиду присутствия Каллирои во дворце, что влюблен царь ни в кого другого, как именно в нее. Тем не менее, Артаксат притворился непонимающим и спросил царя:

— Какая же красота могла завладеть твоей душой, владыка, раз подчинены тебе все красоты мира, и золото, и серебро, и одежды, и кони, и города, и народы? Есть на свете тысячи красивых женщин, но самая во всей подсолнечной красивая это Статира, наслаждаешься которой один только ты. Любовь, правда, проходит, когда она бывает доступна. Уж не спустилась ли с неба какая-нибудь богиня или уж не вышла ли из моря к тебе вторая Фетида?¹⁶⁷ Потому что я убежден, что общения с тобой жаждут и боги.

Царь ответил:

— То, о чем ты говоришь, что женщина эта одна из богинь, быть может, истина. Не даром же красоты она нечеловеческой! Только в божественности своей она не признается, выдавая себя за гречанку родом из Сиракуз. А это опять новое доказательство ее обмана: не желая быть разоблаченной, она городом своим не назвала ни одного из тех, какие входят в состав нашей державы, а распространяет о себе сказку, говоря о городе, находящемся за далекими пределами Ионийского моря. Явилась она ко мне под предлогом суда, и все это представление придумано ею. Но меня удивляет, как это ты посмел называть самой красивой женщиной Статиру, видя перед собой Каллирою. Итак, придется подумать, как избавиться мне от моих мучений. Поищи, не отыщется ли где для меня какого-нибудь лекарства.

— Лекарство, царь, то самое, которого ищешь ты, найдено как греками, так и варварами: кроме самого предмета любви, нет иного против любви лекарства. О том же гласит и старинное изречение: «кто рану нанес, тот сам же ее и излечит».¹⁶⁸

Устыдился царь речи Артаксата.

— Чтобы мне совратить чужую жену! О подобных вещах ты мне и не заикайся. Помню законы я, мною же самим положенные, как помню я и о справедливости, во всех поступках своих мною соблюдаемой. Да не обвинишь ты меня в распущенности! На этом нас не словить!

Испугавшись, не сказал ли чего-нибудь он неосторожного, Артаксат обратил свою речь в хвалебное слово.

— Царь, — сказал он, — ты рассуждаешь возвышенно. Не применяй же к себе того обычного средства, каким от любви лечатся все остальные люди, а используй другое, более сильное, царственное: борьбу с самим же собой. Ведь тебе одному, владыка, под силу преодолеть и бога. Что же! Развлеки душу свою всяческими утехами. Особенно радует тебя охота: я же знаю, что ты готов проводить на охоте целые дни без еды и питья. А заниматься охотой лучше, чем жить во дворце, находясь там рядом с огнем.

4

Этот совет понравился, и назначена была роскошная охота.

Правильным строем ехали всадники, персидская знать и отборные части прочего войска. Все привлекали к себе внимание, но самым блистательным оказывался сам царь. Сидел он на великолепном, крупном, нисейском коне, золотыми взнузданном удилами, с золотыми же налобником и нагрудником. Одет он был в тирский порфиновый плащ из вавилонской ткани, а на его голове была гиацинтового цвета тиара.¹⁶⁹ Опоясанный акинакой,¹⁷⁰ держал он в руке два копья, сбоку же у него висели колчан и лук, китайское драгоценнейшее изделие. Сидел он на лошади гордо: влюбленному свойственно стремление выглядеть красиво. Хотелось ему, чтобы его в процессии заметила Каллироя, и, проезжая по городу, он вглядывался, не смотрит ли она откуда-нибудь на шествие.

Скоро горы наполнились криками бегущих людей, лаем собак и шумом звериной травли. Все это смятение и весь этот гомон

могли бы вспугнуть и Эрота. То была забава, доставлявшая одновременно и радость борьбы, и удовольствие страха, и прелесть опасности. Но ни своего коня, обгоняемого множеством всадников, ни зверей, за которыми столько гналось охотников, царь не замечал, как не слышал он ни одной собаки, хотя лаяло их так много, ни людских голосов, хотя все кричали: видел он перед собой одну только Каллирою, которой с ним не было, и слышал голос только ее, хотя она с ним и не говорила. Ибо вместе с ним на охоту отправился и Эрот, который, как божество спора, завидев перед собой решительного, как он думал, противника, обратил против него свое собственное искусство, принявшись разжигать его душу его же лекарством и, забравшись в нее, ей нашептывать: «Какой выглядела бы здесь Каллироя с открытыми голенями¹⁷¹ и обнаженными руками, с раскрасневшимся лицом и взволнованной грудью! Поистине,

*Так стрелоносная ловлей в горах веселясь, Артемида
Многовершинный Тайгет и крутой Эримант обегает,¹⁷²
Смерть нанося кабанам и лесным леконозим оленям.¹⁷³*

Рисуя это перед собой в воображении, царь жестоко воспаменял себя.¹⁷⁴

Подхватив слова царя, Артаксат сказал:

— Ты забыл, владыка, что произошло: Каллироя ведь не имеет мужа, и решить, за кого она должна выйти замуж, предстоит суду. Таким образом, помни, что ты влюблен во вдову, а потому не страшись законов, установленных относительно брака, как и законов относительно прелюбодеяния, где требуется, во-первых, — наличие обижаемого мужа, а во-вторых, — обидчика в лице соблазнителя.

Речь Артаксата царю понравилась. Она была приятна ему, и, взяв внуха под руку, он его поцеловал.

— Справедливо ставлю я тебя выше всех, — сказал он ему, — ты самый преданный мне человек и ты добрый мой страж. Ну, что же, ступай и веди ко мне Каллирою. Приказываю тебе только выполнить два условия: не веди ее против ее

воли и не веди открыто. Я хочу, чтобы ты ее уговорил и привел бы ее ко мне тайно.

Немедленно дан был условный сигнал к возвращению с охоты, и все пустились в обратный путь.

Окрыленный надеждами, радостно, будто прекраснейшую поймал он на охоте добычу, въезжал царь к себе во дворец. Радовался и Артаксат, полагавший, что он оказал царю большую услугу и что он будет отныне держать в своих руках бразды управления царской колесницей, раз благодарны будут ему и царь, и тем более Каллироя. Как евноху, как рабу, как варвару, дело ему представлялось легким: неведома ему еще была греческая благородная гордость, гордость же Каллирои в особенности, целомудренной, честной супруги.

5

Выждав удобное время и подкараулив ее, когда она была одна, Артаксат подошел к Каллирое и сказал ей:

— Женщина, приношу тебе сокровищницу великих благ. Не забудь же того добра, какое я тебе делаю! Верю в твою благодарность.

Начало речи Каллирою очень обрадовало: в природе человека воображать то самое, о чем он мечтает. Так и Каллирое сейчас же подумалось, что ее отдадут Херею, и она спешила это услышать, давая себе обещание отплатить евноху за его добрую весть. Артаксат же, после вступления, продолжал свою речь так.

— Женщина, — сказал он, — ты имеешь счастье обладать божественной красотой: никакого, однако, сколько-нибудь значительного почета ты от нее не стяжала. Прославленное по всей земле знаменитое имя твое не нашло по сей день ни мужа, ни возлюбленного, какие были бы тебя достойны: выпали на долю тебе двое людей, бедный островитянин и царский раб. Какое величие, какой блеск дало тебе это? Владеешь ты какой плодородной страной? Какими владеешь ты драгоценностями? Какими правишь ты городами? Много ли рабов преклоняются перед то-

бой? Да богаче тебя служанки рядовых вавилонянок! Впрочем, не во все лишена была ты внимания со стороны богов: пекутся о тебе боги. Это они-то тебя и привели сюда под предлогом тяжбы, дабы тебя узрел великий царь. И вот первая благая для тебя весть: увидеть тебя было царю приятно. Я же восхваляю ему тебя, постоянно ему о тебе напоминая.

Последнее Артаксат присочинил, ибо каждый раб, разговаривая о своем хозяине, любит ставить рядом с ним и себя, так как рассчитывает извлечь для себя отсюда и собственную выгоду.

А Каллирою от этих слов, как мечом, ударило в сердце. Но она сделала вид, будто смысла их она не понимает.

— Да пребудут боги, — сказала она, — милостивыми к царю и да пребудет царь милостив к тебе за то, что жалеете вы несчастную женщину: обращаюсь с просьбой к нему скорее избавить меня от моей печали, закончив судебное разбирательство, дабы не надоедать мне более и царице.

Подумав, что он недостаточно ясно выразил свою мысль и что женщина не поняла его, евнух начал говорить более откровенно:

— Счастлива ты именно тем, что уже не рабом любима ты или бедняком, а любима великим царем, который, в угоду тебе, в состоянии подарить тебе и самый Милет, и всю Ионию, и Сицилию, и другие, еще более важные, страны. Приноси же жертвы богам, славь свое блаженство, старайся понравиться царю еще больше и помни обо мне, когда станешь богатой.

В первое мгновение Каллирою готова была выдрать, если бы только это было возможно, глаза тому, кто подкупал ее, но, воспитанная и умеющая владеть своими порывами женщина, она, вспомнив, где она находится, кто она сама и кто с ней разговаривает, сдержала свой гнев и перешла перед варваром к притворству.

— Не такая же я, — сказала она, — сумасшедшая, чтобы считать себя достойной великого царя: персидским я ровня служанкам. Прошу тебя, больше обо мне не упоминай владыке, потому что, даже если он и не прогневется сейчас, то рассердится на тебя впоследствии при мысли о том, что его, всей

земли господина, ты подчинил невольнице Дионисия. Но удивительно мне, как это при своем огромном уме ты все-таки не постиг доброты царя и не понимаешь, что несчастную женщину он жалеет, а не влюблен в нее. Прекратим, однако, нашу беседу, чтобы нас с тобой не оклеветали перед царицей.

И она убежала, а евнух остался стоять с раскрытым ртом: воспитанный в условиях великого произвола, он не допускал ничего невозможного не только для царя, но и для самого себя.

6

Покинутый ею и не удостоенный с ее стороны даже ответа, удалился он, полный самых разнообразных чувств, в гнев на Каллирою, в тревоге за себя, в страхе перед царем. Царь, так боялся он, просто ему не поверит, будто он неудачно, но, все же, разговаривал с Каллироей: царь подумает, что его поручение он выдал царице, из угодничества перед ней. Боялся Артаксат также, что Каллирия передаст его речи царице, а разгневавшись на него за то, что он не только прислуживает царю в его любовных делах, но их ему еще и устраивает, Статира придумает для него какое-нибудь ужасное наказание. И евнух начал взвешивать, каким способом будет ему всего безопаснее доложить царю о происшедшем. А Каллирия, оставшись наедине с собой, так сказала себе. «Я предвидела это: ты, Евфрат, мне тому свидетель! Говорила же я, что не переправляться мне больше через тебя. Прощай же, отец, и ты, мать, прощай, прощайте и Сиракузы, мое отечество: больше я вас уже не увижу. Ныне Каллирия действительно умерла! Вышла я из могилы, но отсюда не вывести меня и Ферону-разбойнику. О, коварная красота! Ты причина всех моих бедствий! Из-за тебя я была убита, из-за тебя продана в рабство, из-за тебя вышла вторично я замуж после Херея, из-за тебя привезена была в Вавилон, из-за тебя же я и перед судом предстала. Кому только ты не предавала меня? Разбойникам, морю, могиле, рабству, судилищу! Но самое тяжкое для меня — это влюбленность царя: о его негодо-

вании нечего мне уже и говорить, но страшнее мне, так считаю я, ревность царицы, то чувство, не совладал с которым и Херей, мужчина и грек. Что же сделает женщина, да еще варварская властительница? Решись же, Каллироя, на нечто отважное, достойное Гермократа: заколи себя! Впрочем, погоди. Это же пока только первый был разговор и, притом, разговор через евнуха. Вот если проявлено будет насилие, вот тогда наступит для тебя час воочию доказать Херею твою ему верность».

Придя к царю, евнух истину происшедшего утаил от него, сославшись на неукоснительную тщательность присмотра, установленного царицей за Каллироей, помешавшего ему даже и подойти к ней:

— Ведь это же ты приказал мне, владыка, позаботиться о соблюдении тайны. И ты правильно повелел это: ты же возложил на себя священный лик судьи и ищешь себе доброй славы у персов. Не даром же все воспевают тебя. А греки мелочны и болтливы, и дело они предадут широкой огласке: Каллироя, чтобы похвастаться, что влюблен в нее царь, Дионисий же и Херей из ревности. Нельзя огорчать и царицы, красота которой, по всеобщему убеждению, превышает славу о ней.

Такие новые вводил он в свою речь напевы, в надежде отвлечь царя от его любви, а себя самого освободить от тягостного поручения.

7

На мгновение ему удалось уговорить царя, но с наступлением ночи царь стал опять пылать: Эрот заставлял его вспоминать, какие у Каллирои глаза и до чего красиво ее лицо, и выхвалял перед ним ее волосы, ее походку, голос и то, как вошла она в суд, как села, как говорила, как замолчала, как застыдилась и как расплакалась. Проведя большую часть ночи в бессоннице, он и во сне, когда засыпал ненадолго, видел опять-таки Каллирою. Утром он вызвал к себе евнуха, которому и сказал:

— Ступай и весь день сторожи: так или иначе, найдешь же ты подходящий случай для самой хотя бы краткой беседы тай-

ком. Ведь желай я добиться удовлетворения своей страсти открытой силой, у меня для этого имеется мой конвой!

Преклонившись перед царем, евнух дал обещание: никому нельзя возражать на приказания царя.

Зная, однако, что подходящего случая Каллироя ему не предоставит, нарочно оставаясь неотлучно с царицей, Артаксат, желавший пособить делу, перенес обвинения с охраняемой на охранительницу:

— Если, — сказал он, — угодно будет тебе, владыка, вызвать к себе Статиру, будто ты хочешь поговорить с ней о чем-то наедине, то как только она уйдет, Каллироя окажется в моем распоряжении.

— Так и сделай, — ответил царь.

Артаксат явился к царице и сказал ей:

— Владычица, тебя просит к себе твой супруг.

Статира, при этих словах, отвесила поклон и поспешно отправилась к царю. А евнух, увидев, что Каллироя осталась одна, подал ей жестом филэллина руку и отвел Каллирою в сторону от толпы служанок. Каллироя поняла его, побледнела и лишилась голоса, но, все же, последовала за ним. Оставшись наедине с нею, Артаксат задал ей вопрос:

— Заметила ты, как поклонилась царица, услышав имя царя, и как бросилась к нему бегом? А ты — рабыня и не понимаешь своего счастья: ты недовольна, что царь тебя к себе просит, хотя он и имеет возможность тебе это приказать! Но я ему о твоём сумасшествии не доношу: я тебя уважаю. Нет, я сам ему за тебя обещаюсь. Перед тобой, таким образом, лежат две дороги на выбор: опишу и ту, и другую. Если ты послушаешься царя, то получишь прекраснейшие подарки, а в мужа — того, кого ты захочешь. Сам на тебе жениться царь, конечно, не собирается: радость подаришь ты ему временную. Если же ты его не послушаешься, то волей-неволей придется тебе испытать те выпадающие на долю царских врагов мучения, избавиться от каких, если бы даже человек предпочел им смерть, нельзя.

Усмехнувшись на эту угрозу, Каллироя проговорила:

— Не впервые переживать мне ужасы: в несчастиях я искушена. Чему может меня подвергнуть царь, что оказалось бы тяжелее того, что я уже претерпела? Живой была я погребена, а могила теснее любой темницы! Я отдана была в руки разбойников. Несчастье же самое страшное переживается мною сейчас: я не вижу Херея, хотя и находится он рядом со мной.

Этими словами она себя выдала: человек пронизательный, евнух понял, что она любит.

— Ох! — воскликнул он, — безумнейшая на свете женщина! Митридатова раба ты предпочитаешь царю!

Дерзость по отношению к Херею Каллирою задела.

— Человек! — сказала она. — Не кощунствуй! Херей свободный гражданин первостепенного города, победить который не смогли даже афиняне, победившие при Марафоне и Саламине великого твоего царя.¹⁷⁵

Так говорила она, проливая потоки слез, а евнух стал еще настойчивее.

— Медлительностью своей ты сама же себе вредишь, — заметил он ей, — да как же иначе расположишь ты судьбу в свою пользу или как улучшить тебе свое положение для того, чтобы вернуть себе мужа? А может быть и Херей не узнает про это! А и узнает, так не приревнует же он тебя к тому, кто сильнее его: как приглянувшаяся царю, ты в его глазах сделаешься для него только более ценной.

Последнее добавил он уже не применительно к ней, а высказывая вообще свое убеждение: перед царем все варвары благоговейт, считая его богом на яву. Каллироя же отказалась бы от брака с самим даже Зевсом и один день с Хереем не променяла бы на бессмертие. Так не будучи в состоянии ничего добиться, евнух сказал Каллирое:

— Женщина, даю тебе время на размышление: и подумай не об одной себе, но и о Херее, которому грозит опасность погибнуть жесточайшей смертью. Царь не примирится с тем, что ему в любви предпочитают другого.

Артаксат удалился, и конец его с ней разговора Каллирою встревожил.

8

Но все расчеты и всяческие любовные разговоры быстро изменила Судьба, нашедшая повод к развитию совершенно новых событий. Царем было получено донесение о том, что отпал от него Египет, собравший огромную военную силу. Царского сатрапа египтяне, так сообщалось, убили и выбрали в цари одного из местных людей, который, двинувшись, прошел через Пелусий¹⁷⁶ и вступил уже в Сирию и Финикию, где города бессильны оказывать ему сопротивление, так как обрушился он на них, словно бурный поток или огонь неожиданного пожара. Молва об этом смутила царя и в ужас повергла персов. Унынием охвачен был весь Вавилон. Сочинители слухов и предсказатели тогда же начали говорить о том, что приснившийся царю сон, будто боги требуют себе жертв, предвещал войну, но вместе с тем и победу. Словом, происходило и говорилось все то, что обычно всегда бывает в условиях неожиданно возникшей войны. Вся Азия приведена была в большое движение.

И вот, царь созвал всех тех персидских вельмож и предводителей отдельных народностей, с которыми он обычно занимался важнейшими делами, и начал обсуждать с ними создавшееся положение. Одни советовали одно, другие — другое, но все стояли за то, чтобы спешить и, если возможно, ни на один день не откладывать начала действий, по двум причинам: во-первых, с целью помешать дальнейшему росту вражеских сил, и, во-вторых, дабы ободрить друзей подачей им быстрой помощи. В случае же, говорили они, промедления все выйдет наоборот: если медлить, враги возгордятся, подумав, что их страшатся, а свои, оставшись без помощи, сделаются уступчивее. Большим счастьем для царя считалось то обстоятельство, что война застала его не в Бактрах или в Экбатанах, а в Вавилоне, близ Сирии: стеснит царю перейти Евфрат, и отпавшие сейчас же окажутся в его руках. Было поэтому решено двинуть имевшиеся

при царе силы вперед и в то же время разослать по войскам приказ стягиваться к реке Евфрату. Снаряжение на войну происходит у персов чрезвычайно быстро, так как еще со времен Кира, первого персидского царя, определено, какому народу, какую и в каком числе надлежит поставлять конницу на военный поход, какого рода и сколько пехоты, каких стрелков, сколько простых колесниц и сколько дрепанефорных,¹⁷⁷ откуда и сколько слонов и сколько от кого денег. Снабжение войска всем необходимым столько же у них берет времени, сколько требуется, чтобы снарядиться каждому человеку в отдельности.

9

На пятый день после получения им известия о войне царь выступил из Вавилона в сопровождении, согласно общему распоряжению, всех, кто был годного для войны возраста. В том числе выехал из Вавилона и Дионисий: он ведь был ионийцем, а никому из персидских подданных оставаться было нельзя. Он украсился превосходным оружием и создал из состоявших при нем людей вовсе не маловажный военный отряд. Занял он место в передовой, наиболее видной части войска. Было ясно, что человек честолюбивый, в глазах которого доблесть оказывалась делом не второстепенным, а принадлежащим к числу того, что является самым прекрасным и ценным, он будет готов на любое отважное предприятие. А кроме того, имелась в то время у Дионисия еще и некая слабая надежда на то, что в случае, если он проявит себя на войне полезным, то в награду за храбрость он и без суда получит от царя свою жену.

Братъ Каллирою с собой в дорогу не хотелось царице, а потому она и не упомянула о ней царю и не осведомилась у него о том, что прикажет он относительно чужеземки. Но молчанием обошел Каллирою и Артаксат, будто бы не осмелившись в условиях военной опасности, возникшей перед владыкой, напоминать последнему о его любовной шалости, на самом же деле радуясь возможности избавиться как от дикого зверя от Каллирои.

Пожалуй, он даже был благодарен войне, которая пресекала у царя его страсть, питавшуюся праздностью.

Царь, однако же, не забыл Каллирои: нет, именно в это время неопишущей суеты в нем и всплыло как раз воспоминание о красоте ее. Ему только стыдно было о Каллирое заговорить: помышлять в годину такой войны о женской прелести, это, боялся он, будет сочтено совершеннейшим с его стороны ребячеством. Хотя и обуреваемый желанием, он ничего не сказал о Каллирое ни самой Статире, ни даже евноху, посвященному в тайну его любви, а придумал вот что.

Существует и у самих персидских царей, да и у знатных персов обычай, отправляясь в поход, возить за собой и жен, и детей, и золото, и серебро, и одежды, и евнохов, и наложниц, и собак, и еду, и драгоценности, и роскошь неги. И вот, вызвав к себе служителя, этим всем заведывавшего, царь сперва поговорил с ним подробно о других вопросах, давая по каждому из них соответствующие предписания, а затем, под самый конец, упомянул ему и о Каллирое, сохраняя на своем лице равнодушное выражение, будто ему до нее никакого не было дела.

— Пусть и та чужеземка, та бабеночка, суд над которой, — сказал он, — я взял на себя, также следует вместе с остальными женщинами.

Так не без радости выехала из Вавилона и Каллироя. Она надеялась, что в поход отправится и Херей. «Много скрытого несет с собой война, — думала она про себя, — несчастным сулит она перемены к лучшему. Если же скоро заключен будет мир, то завершится тогда, может быть, и суд».

КНИГА СЕДЬМАЯ

1

В то время как все уходили вместе с царем на войну против египтян, Херею никто никакого приказа не отдавал: подданным царя он ведь не был. Являлся он тогда в Вавилоне единственным свободным человеком. Херей радовался в надежде, что остается в городе и Каллироя. Ища встречи с женой, он на следующий же день подошел к дворцу, но когда он увидел, что дворец заперт и что у ворот стоит многочисленная охрана, он принялся кружить в своих поисках по всему городу, беспрерывно, как сумасшедший, спрашивая Полихарма, своего друга:

— Где же Каллироя? Что случилось с ней? Не могла же уйти и она в поход!

Не находя Каллирои, он стал разыскивать Дионисия, своего соперника. Когда же он подошел к его дому, то оттуда, как бы случайно, вышел навстречу ему какой-то человек и сказал ему то, что сказать ему был он подучен. Дело в том, что желая заставить Херея потерять всякую надежду на брак с Каллироей и побудить его больше уже не дожидаться суда, придумал Дионисий следующую хитрость: уходя на войну, он оставил человека, который должен был объявить Херею, что персидский царь, которому необходимы были союзники, отправил Дионисия собирать войско против Египтянина и что, дабы Дионисий

честно и ревностно выполнил возложенное на него поручение, он отдал ему Каллирою.

В это Херей сейчас же поверил: человек в несчастии легко поддается обману.

Разодрав на себе одежду и растрепав волосы, Херей наносил себе в грудь удары, сопровождая их восклицаниями:

— Пустынный для меня и предательский Вавилон, коварный гостеприимец! О как великолепен судья, развратитель чужой жены! Свадьба во время войны! А я-то готовил речь для суда, не сомневаясь, что выйдет у меня она правой! Вместо этого осужден я заочно, и победил меня Дионисий молча. Но победа его будет для него тщетной: не переживет Каллироя разлуки с живым Хереем, хотя Дионисию раньше и удалось ее обмануть моей мнимой смертью. Зачем, однако, я медлю? Зачем не закалываю я себя и не проливаю крови своей на дверь дома судьи? Пускай и персы узнают, и мидяне, как вершился царем здесь суд!

Видя невозможность подать утешение Херею в постигшем его несчастии и понимая, что Херею не уцелеть, Полихарм так сказал ему:

— Милый! Уговорами своими я в свое время мешал тебе умереть, теперь же я считаю твое решение правильным: сейчас я так далек от намерения помешать тебе в его осуществлении, что и сам я готов умереть вместе с тобой. Подумаем только о способе смерти, взвесим, какой окажется лучшим. Тот, который намечен тобою, хотя и послужит, конечно, некоторым укором царю и стыдом ему на будущее время, но не великим явится он ему наказанием по сравнению с тем, что мы от него потерпели. Между тем, раз уже мы решаемся умереть, наша смерть должна нами использована быть как месть тиранну. Будет хорошо, если причиняемой ему нами обидой мы на деле заставим его раскаяться и если грядущим поколениям мы завещаем славную повесть о том, как двое эллинов, обиженных великим царем, и сами причинили ему за это обиду и умерли, как мужчины.

— Но какую же обиду, — воскликнул Херей, — сможем мы, одинокие и бедные чужеземцы, причинить повелителю такого

множества больших стран, обладающему той военной силой, какую мы с тобой видели? Его особа охраняется двойной стражей, и если нам даже и удастся убить кого-нибудь из его окружения или поджечь что-нибудь из того, что ему принадлежит, то и тогда никакого вреда для себя он от этого не ощутит.

— Твои слова, — ответил Полихарм, — были бы правильны, не будь войны. Ныне же, как мы слышим, Египет отпал, взята Финикия, а Сирия опустошается набегами. Царя встретит война даже прежде, чем он перейдет Евфрат. Мы с тобой, таким образом, не одни: союзников у нас столько, сколько их ведет за собой Египтянин, и ровно столько же у нас и оружия, столько же денег, столько же и триер. Чтобы отомстить за себя, воспользуемся мы чужой силой.

Слов еще он не закончил,¹⁷⁸

как Херей уже закричал:

— Поспешим! Едем! В войне справедливое взыщу я с судьи возмездие.

2

Наскоро снарядившись, они пустились догонять царя, делая вид, будто желают участвовать в его походе: они надеялись, что под таким предлогом они безопасно перейдут Евфрат. Войско застало они у реки и, вмешавшись в его тыловые части, последовали за ним дальше. Когда же прибыли они в Сирию, то перебежали к Египтянину. Часовые остановили их и стали расспрашивать, кто они такие, а вследствие того, что на них не было костюма послов, в них начали подозревать лазутчиков. Тут попали бы они в очень опасное положение, если бы случайно не нашлось там одного грека, который понял их речь: они просили отвести их к царю, которому несут они с собой, говорили они, великую пользу. И Херей сказал царю, после того, как их привели к нему:

— Мы греки, сиракузяне, из числа евпатридов.¹⁷⁹ А вот это мой друг, из-за меня приехавший в Вавилон, куда приехал

и я из-за своей жены, дочери Гермократа: слышал, быть может, и ты о Гермократе, победившем афинян в морском сражении?

Египтянин в ответ утвердительно кивнул головой. Ибо не было такого народа, который бы не знал о поражении, понесенном в Сицилийскую войну афинянами.

— Мы жертвы насилия Артаксеркса.

И они обо всем рассказали Египтянину.

— Отдавая самих себя тебе в руки, — говорили они ему, — мы вручаем тебе в нашем лице верных твоих друзей, которых побуждают быть мужественными две наиболее действенных к тому силы, — жажда смерти и жажда мщения. Я бы уже и теперь был мертв под тяжестью своего несчастья, но я остался жить единственно для того, чтобы причинить горю своему врагу:

*Я не без дела погибну, во прах я паду не без славы;
Нечто великое сделаю, что и потомки услышат!*¹⁸⁰

Услышав это, обрадовался Египтянин и, пожав руку Херею, сказал ему:

— Ко времени приходишь ты ко мне, юноша, и к моей, и к своей собственной выгоде!

Сейчас же приказал он выдать Херею и Полихарму оружие и отвести им палатку. Вскоре он сделал Херея своим застольным гостем, а затем и своим советником, подметив его храбрость и его благоразумие, а кроме того, и честность, так как, будучи и от природы хорошим, получил Херей и заботливое воспитание.

Главной побудительной причиной, заставившей Херея выделиться, было его стремление отличиться перед царем, выказав себя перед ним не ничтожеством, а человеком, заслуживающим уважения.

Сразу же и проявил он себя на одном крупном деле.

Все давалось Египтянину легко: с набега он овладел Келе-сирией,¹⁸¹ и подчинилась ему и Финикия, за исключением Тира.¹⁸² Тирийцы народ воинственный, не желающий терять своей славы, приобретенной ими их храбростью. Опасаются они

и опозорить Геракла, важнейшего у них бога, которому едва ли не одному только и посвятили они свой город. Полагаются они и на надежные условия самой местности: город их лежит в море и соединен с землей узеньким перешейком, что делает его почти что островом. Тир напоминает собой корабль, бросивший у берега якорь и протянувший на землю сходни. Тирийцам поэтому нетрудно отгородить себя со всех сторон от войны: стоит им только закрыть ворота, и, окруженные морем, они для сухопутного войска становятся неприступны. А с моря от нападения триер защищены они прочными стенами, и как доступ в дом запирают двери, так доступ в Тир запирается его гаванями.

3

И вот, все кругом неприятелем было взято, а тирийцы одни относились к египтянам с презрением, продолжая хранить дружескую верность Персу. В досаде на это, Египтянин созвал совет и впервые тогда пригласил и Херея на заседание.

— Союзники! — так обратился к собравшимся Египтянин. — Союзники, ибо друзей своих не могу же я называть рабами! Вы видите безвыходность положения. Как корабль, захваченный противным ветром, задержаны в нашем быстром движении вперед и мы неподатливым Тиром. А спешит, как мы слышим, и царь.¹⁸³ Итак, что же делать нам? Тира не можем мы ни взять, ни обойти. Как стена стоит перед нами он, загораживая собою от нас всю Азию, и я склоняюсь к решению уходить отсюда как можно скорее, прежде чем присоединятся к тирийцам персидские силы. Нам угрожает опасность быть захваченными на вражеской земле. Но укреплен Пелусий:¹⁸⁴ там¹⁸⁵ не страшно нам нашествие ни тирийцев, ни мидян¹⁸⁶ и никого другого на свете. Непроходимые лежат там пески, узка ведущая туда дорога, там наше море и благоволящий египтянам Нил.

Общее последовало после этой его речи настороженное молчание. Уныние охватило всех. Осмелился заговорить один лишь Херей:

— О царь! Ведь истинный царь наш ты, а не Перс, этот отвратительнейший на свете негодяй! Ты огорчил меня, помыслив на празднике победы об отступлении. По воле богов мы же побеждаем! И мы овладеем не только Тиром, но и Вавилоном. На войне много бывает трудностей, перед которыми не надо отчаиваться, а, приступая к которым, всегда надо иметь перед собой добрую надежду. А тирийцев этих, которые теперь смеются над нами, я голыми доставляю тебе в оковах. Если не веришь, то отступай, предварительно заколов меня в жертву, потому что, пока я жив, я участвовать в бегстве не стану. Если же ты непременно хочешь бежать, то оставь со мной немало людей, добровольно готовых остаться:

*Мы с Полихармом останемся здесь и будем сражаться.
Ведь с богом пришли мы.¹⁸⁷*

Стало каждому стыдно не присоединиться к мнению Херея. А царь, изумившись его отваге, предоставил ему отобрать из войска столько людей себе, сколько будет ему угодно. И Херей отобрал, но не сразу: вмешавшись в ряды бойцов и приказав то же самое и Полихарму, начал он искать сперва, нет ли эллинов в войске, и действительно, нашлось их немало среди наемников. Из них-то Херей и отобрал для себя лакедемонян, коринфян и прочих пелопоннесцев. Нашел он и около двадцати сицилийцев. Образовав, таким образом, отряд численностью в триста человек, он выступил перед ним со следующего рода речью:

— Граждане эллины, — сказал он, — царь дал разрешение мне выбрать лучших в войске бойцов, и я выбрал вас. И сам я ведь эллин, сиракузянин, родом дориец. Но должны отличаться вы перед остальными не одним лишь благородством происхождения, но и доблестью: да не устрашится никто из вас того дела, на какое я призываю вас. Оно окажется для нас легко исполнимым и не столько трудным по существу, сколько трудным по видимости. Греки при Фермопилах, в таком же точно числе, что и мы, противустали Ксерксу.¹⁸⁸ А тирийцев не пятьсот мириад:¹⁸⁹ они малочисленны и высказывают они бахваль-

ство, основанное на зазнайстве, а не гордость, соединяемую с благоразумием. Пускай же они узнают, сколь отличны греки от финикийн. Что же меня касается, то я к командованию не стремлюсь и следовать готов за любым из вас, кто пожелал бы взять на себя начальство: встретит такой человек с моей стороны повиновение, так как я дорожу не личной своей, а нашей общей славой.

Все закричали:

— Ты и будь стратегом!

— Делаюсь, — сказал Херей, — вашим стратегом по вашему желанию: вами поручено мне начальство. Постараюсь же поступать во всем так, чтобы, выбрав меня, вам не пришлось в вашем ко мне благоволении и доверии раскаиваться. Но вы и в настоящее время стяжаете с божьей помощью славу и, заслужив внимание окружающих, будете самыми богатыми среди союзных войск и за доблесть свою сохраните за собой и в грядущем бессмертное имя: подобно тому, как все воспевают воинов Мильтиада¹⁹⁰ и отряд Леонида в триста бойцов, столь же благоговейно будут чтить и отряд Херея.

Он продолжал еще говорить, когда все закричали «веди» и бросились тут же к оружию.

4

Украшив их великолепнейшими доспехами, он подвел их строем к царскому шатру, и при виде их Египтянин изумился, вообразив, что перед ним другие, незнакомые ему бойцы, и обещал им большие награды.

— Мы верим в награды. Но имей наготове к бою другое войско, с которым, однако, ты к Тиру не приближайся раньше, чем мы им не овладеем и не позовем вас, поднявшись на его стены.

— Так да совершат боги, — сказал в ответ царь.

Херей подвел своих воинов к Тиру тесно сомкнутым строем, так что казалось, что их гораздо меньше: поистине

*Щит со щитом, шишак с шишаком, человек с человеком
Тесно смыкался.*¹⁹¹

Неприятель сперва даже не замечал их. Когда же они приблизились, то, завидев их, люди, стоявшие на городских стенах, дали о них знать находившимся внутри города, будучи готовы принять их за что угодно, только не за врагов. Да и кто бы мог ожидать, что столь малочисленный отряд пойдет на могущественнейший город, подступить к которому не осмелилась даже вся целиком сила египтян? Когда же они подошли к стенам уже вплотную, их начали спрашивать, кто они такие и чего желают. И Херей ответил:

— Греческие наемники, не получившие своего жалования от Египтянина и им, вдобавок, едва не погубленные, мы пришли к вам, желая отомстить вместе с вами общему нашему врагу.

Слова эти были сообщены находившимся внутри города, и, открыв ворота, из города вышел стратег в сопровождении небольшого отряда. Он первым пал от руки Херея, бросившегося вслед затем и на остальных:

*Начал рубить он кругом; поднялися ужасные стоны.*¹⁹²

Убивали один одного, другой другого: воины напоминали собою львов, напавших на беззащитное стадо. По всему городу раздавались вопли и стоны. Мало кто видел происходившее, но всех охватило смятение. Из ворот повалили наружу нестройные толпы народа, стремившиеся узреть случившееся. И это-то главным образом и погубило тирян. Люди, находившиеся внутри города, пытались из него выйти, а вышедшие за его стены поражались ударами мечей и копий и убегали обратно в город, в тесноте сталкиваясь с выходившими и тем легче подставляя себя под удары. Нельзя было даже закрыть ворот из-за трупов, кучами в них скопившихся.

Среди этой неописуемой сумятицы хладнокровие сохранил лишь один Херей. Силой прорвавшись в ворота, он вскочил сам десятый на стену и с ее высоты стал подавать призывные знаки. Быстрее всякого слова явились египтяне, и Тир был взят.

Но в то время как взятие Тира праздновали все остальные, один Херей не приносил жертв и не одевал венка: ¹⁹³ «На что же праздновать мне победу, раз ты, Каллироя, на это ликование не смотришь? Никогда после той нашей брачной ночи не надену я больше венка! Если тебя нет в живых, то кошунственно для меня веселие, если же ты жива, то разве могу я и в такой даже день, как этот, предаваться праздничным радостям, возлежа за столом от тебя отдельно?».

А персидский царь, перейдя Евфрат, спешил встретиться с неприятелем как можно скорее, так как, узнав о взятии Тира, начал он страшиться и за Сидон, да и за всю Сирию, видя перед собой противника, равного ему по силам. Он решил поэтому двигаться дальше уже налегке, без громоздкой свиты, мешавшей быстроте передвижения, и, забрав с собой наиболее боеспособный состав своего войска, он воинов пожилого возраста вместе с казной, одеждами и царскими драгоценностями оставил при царице. Когда же, наполняя все на своем пути смятением и тревогой, война охватила города вплоть до Евфрата, тогда более надежным показалось царю тех, кого покидал он, переправить на остров Арад.

5

Арад — это остров, в тридцати стадиях ¹⁹⁴ от твердой земли, на котором стоит старинный храм Афродиты. Словно у себя дома, женщины жили там в полной безопасности. Каллироя, увидев статую Афродиты, приблизилась к ней и молча плакала перед ней сперва, слезами своими попрекая богиню. Наконец, она тихо проговорила:

— Вот и Арад, островок, взамен обширной Сицилии, и ни одного на нем нет мне близкого. Довольно, владычица! Долго ли еще будешь ты вести против меня войну? Если была у тебя вообще на меня обида, то ты уже выместила ее на мне, и если возмутила тебя злосчастная красота моя, то причиной стала она моей гибели. Только одного не хватало мне в моих бедствиях —

испытаний войны, но вот и им подвергаюсь я, и перед лицом настоящих моих страданий, милостивым кажется мне даже и Вавилон: был там поблизости от меня Херей. А теперь он, конечно, умер: не мог же он пережить моего отъезда! И нет у меня никого, у кого бы справиться мне о том, что с ним случилось. Окружают меня здесь всё чужие, все варвары, люди, завидующие мне или меня ненавидящие. Те же, что меня любят, для меня еще хуже тех, кто меня ненавидит. Объяви же мне, владычица, жив ли Херей.

С этими словами отходила она от статуи, когда остановилась перед ней Родогуна, дочь Зопира, жена Мегабиза, принадлежавшая и по отцу, и по мужу к именитейшим людям Персии, та самая, которая при въезде Каллирои в Вавилон, встретила ее первая из персиянок.

А Египтянин, как только услышал, что готовый к бою на суше и на море царь¹⁹⁵ находится близко, так сейчас же вызвал к себе Херея и сказал ему:

— До сих пор не успел я еще отблагодарить тебя за первую твою удачу: ведь это я от тебя получил Тир. Давай же, прошу я тебя, не будем пропускать мы в дальнейшем тех благ, какие для нас уже готовы и соучастником которых буду я делать тебя. Египта с меня достаточно: твоим владением будет Сирия. Размыслим, однако, о том, как нам поступить: война развертывается в обеих стихиях, и я тебе предоставляю решить, предпочтешь ли ты начальствовать над сухопутными силами или же над морскими. Думается мне, впрочем, что тебе привычнее море. Ведь в морском бою вы, сиракузяне, одержали победу даже и над афинянами, теперь же тебе предстоит состязаться с персами, которых победили афиняне.¹⁹⁶ А по сравнению с сицилийскими египетские триеры, которые будут в твоём распоряжении, и более мощны, и более многочисленны. Возьми же на море пример с Гермократа, своего тестя!

Херей ответил:

— Приятно мне любое сражение, а защищая тебя, я в то же время принимаю на себя войну против царя, который мне так:

ненавистен. Только дай мне вместе с триерами и триста моих бойцов.

— Бери и их, — сказал Египтянин, — и еще других, сколько ты захочешь.

И тотчас же слово претворено было в дело: нужда заставляла спешить.

Египтянин пошел навстречу врагам во главе сухопутного войска, а Херей был назначен навархом.¹⁹⁷ В сухопутных частях это вызвало сперва некоторое уныние: досадовали, что Херей не с ними. И любили его уже, и добрые возлагали на его начальство надежды. Казалось, у большого тела вырвали глаз. Напротив, флот окрылился надеждами и исполнился гордостью при мысли о том, что его ведет лучший и мужественнейший начальник. Каждый мечтал о чем-то большом: и триерарх,¹⁹⁸ и рулевой, и матрос, и солдат одинаково стремился каждый оказаться в глазах Херея первым в усердии.

Сражение завязалось в один и тот же день и на суше, и на море. Долго, очень долго держалось против натиска мидян и персов пешее войско египтян, но потом уступило, подавленное численным превосходством, и персидская конница с царем во главе пошла в преследование. Египтянин старался спастись в Пелусий, а Перс хотел его перехватить. И, быть может, и удалось бы Египтянину уйти, не соверши Дионисий изумительного дела. Блестяще сражавшийся и во время битвы и постоянно находившийся по близости от царя, в стремлении быть на глазах у него, Дионисий первым заставил повернуть тыл находившиеся перед ним ряды, а затем, когда началось долгое, безостановочно продолжавшееся и днями и ночами отступление египтян, он, заметив, что царь этим недоволен, сказал ему:

— Не огорчайся, владыка. Я помешаю Египтянину убежать от нас, если ты дашь мне отборных всадников.

Царь согласился и предоставил ему отряд в пять тысяч человек отборной конницы. Получив этот отряд, Дионисий сделал с ним два перехода за один день и, неожиданно напав ночью на египтян, взял многих в плен, а еще больше перебил. Египтянин,

когда брали его живым в плен, заколол себя, и его голову Дионисий привез царю. Увидев ее, царь сказал Дионисию:

— Вношу тебя в список благодетелей моего дома и делаю тебе самый для тебя дорогой подарок, к которому ты больше всего стремишься: отдаю тебе Каллирою в жены. Суд решила война. За доблесть свою стяжал ты себе лучшую победную награду.

6

Дионисий отвесил царю поклон и, в твердой уверенности, что мужем Каллирой стал он теперь уже прочно, приравнял себя богу.

Так было на суше. А на море Херей одержал такую победу, после которой неприятельский флот бороться с ним больше и не пытался. Не принимая удара египетских триер и не вступая, вообще, с ними в бой, персидские суда обращались перед ними немедленно в бегство, иные же, выбросившиеся на берег, были взяты Хереем в плен вместе с людьми. Море наполнилось обломками мидийских судов. Но персидский царь не знал о поражении своих в морской битве, а Херей не ведал о поражении египтян на суше, и оба считали каждый себя победителем как на суше, так и на море.

В тот же день, в который дал он морское сражение, Херей подвел свой флот к Араду и приказал кораблям сторожить остров, под страхом ответственности перед владыкой, плаваая вокруг него.

На городскую площадь солдаты согнали евнухов, служанок и другой людской товар подешевле. Площадь была вместительна, но скопилось на острове такое огромное количество народа, что ночевали люди не только в стоях,¹⁹⁹ но и под открытым небом. Людей поважнее солдаты отвели в здание на площади, обычно служившее присутственным местом для властей. Женщины сидели там на полу вокруг царицы, не разводя огня²⁰⁰ и не прикасаясь к пище. Они были убеждены, что царь попал в плен, что дело персов погибло и что всюду победил Египтянин.

Спустившаяся на Арад ночь была и радостной, и тяжелой. Избавлению от войны и персидского рабства радовались египтяне, а пленные персы ожидали оков, плетей, глумления, смерти или, в лучшем случае, рабства. Статира плакала, положив свою голову на колени к Каллирое: образованная гречанка, Каллироя, хорошо знакомая с горем, умела лучше других успокаивать царицу.

И случилось следующее. Один египетский воин, которому поручена была охрана людей, находившихся в здании, узнав, что там же помещена и царица, и не посмеяв, в силу присущего каждому варвару благоговения перед царским званием, подойти к ней, остановился у запертой двери и сказал:

— Не беспокойся, владычица: наварх еще не знает, что здесь вместе с другими женщинами заключена и ты, но когда он об этом узнает, то человеколюбиво он о тебе позаботится. Он ведь не только храбрый человек, но и добрый.²⁰¹

он²⁰² сделает тебя²⁰³ своей женой: он влюбчив.

Каллироя, услышав эти слова, громко разрыдалась и стала терзать свои волосы, восклицая:

— Теперь я по-настоящему пленница! Лучше меня убить, чем объявлять мне такие вещи! Не потерплю я брака: мечтаю о смерти я! Пусть колят меня, пусть жгут: я отсюда не сдвинусь! Умру я на этом месте. Если же, как ты говоришь, стратег человеколюбив, то пусть окажет он мне тогда милость: пусть он здесь же меня убьет.

Воин опять принялся повторять свои просьбы, но она не вставала, а, укрывшись с головой платком, продолжала перед ним лежать. Задумался египтянин, не зная, что ему делать. Применить силу он не решался, а уговорить был он не в состоянии. Поэтому он вернулся обратно к Херею и с грустью на лице подошел к нему.

— Ну, что еще? — спросил Херей при виде воина. — Крадут лучшую часть добычи? Ну, даром им это не пройдет!

— Ничего плохого не произошло, владыка, — ответил егип-

тянин, — только женщина, которую я там нашел, словно стоящей в боевом строю под Платеями, отказывается придти, лежит на полу, просит смерти и хочет, чтобы принесли ей меч. Херей рассмеялся.

— Неумелый ты человек! — сказал он. — Ты что же? Не знаешь, как уговаривают женщин утешением, лаской, обещаниями, особенно когда покажется женщине, что в нее влюбились? А ты, чего доброго, начал применять к ней силу или стал ей грубить?

— Нет, владыка, — возразил египтянин, все, что ты говоришь, сделано мною — в усиленной, пожалуй, степени. Я даже ей на тебя наврал, уверяя ее, что ты возьмешь ее себе в жены. А она на это-то в особенности и вознегодовала.

— Как, должно быть, привлекателен я, как любят меня, если даже прежде чем увидеть меня, она с ненавистью от меня уже отвернулась! Гордость этой женщины походит, однако же, на благородство. Насилия к ней пусть не применяют: предоставьте ей вести себя, как ей угодно. Надлежит мне уважать целомудрие. Может быть, ведь и она оплакивает своего мужа.

КНИГА ВОСЬМАЯ

1

О том, как, предположив, что Каллироя отдана Дионисию, Херей перешел на сторону Египтянина, чтобы отомстить царю, и как, будучи назначен навархом и одержав на море победу, он овладел Арадом, куда царь перевез и свою жену, и всю свою свиту, и Каллирою, рассказано в предыдущей книге.

Затевала Судьба не только странное, но и лютое дело: хотела она, чтобы Херей, не узнав, что в его руках находится Каллироя, и посадив чужих жен на свои триеры, покинул на острове одну лишь собственную, и покинул ее, оставив ее там не в невесты Дионису,²⁰⁴ как спящую Ариадну, а в добычу своим врагам. Но принято было некое мудрое решение Афродитой, так как уже собиралась она помириться с Хереем, в свое время жестоко ее прогневавшим своею злосчастной ревностью, когда, получив от нее прелестнейший дар,²⁰⁵ какого не получал от нее даже и сам Александр Парис,²⁰⁶ он на эту милость ее к нему ответил ей оскорблением. Но так как ценой бесчисленнейших страданий, им в скитаниях с Запада на Восток пережитых, он хорошо оправдался перед Эротом, сжалилась над ним Афродита и пожелала вновь воссоединить прекрасную пару, которую некогда связала она ярмом, а потом и объездила, гоняя ее и по суше, и по морю. И думаю я, что и заключительная часть этой повести окажется приятной читателям, которых она

освободит от мрачности тех событий, какие изложены в предшествующих ей частях. Речь в ней пойдет уже не о разбоях, порабощениях, тяжбах, сражениях, самоубийствах, войнах или пленениях, а о любви и о законных браках. Итак, расскажу о том, каким способом вскрыла богиня²⁰⁷ истину и как показала друг другу тех, кто находился друг о друге в неведении.

Был вечер, а на острове много еще оставалось пленных и, чтобы распорядиться отплытием, Херей, усталый, поднялся с ложа.

Когда он проходил по площади, египетский воин сказал ему:

— Та женщина, которая не желает встать с земли, решив покончить с собой, находится тут вот. Быть может, удастся тебе, владыка, заставить ее подняться с места. Зачем, в самом деле, терять тебе лучшую часть добычи?

Эти слова подхвачены были и Полихармом, стремившимся, если бы только оказалось это возможным, отвлечь Херея новой любовью от тоски его по Каллирое.

— Херей, — сказал он ему, — войдем.

Херей перешагнул порог и увидел лежавшую на полу и накрывшуюся платком женщину, очертания тела которой и то, как она дышала, смутили душу его и привлекли сейчас же его внимание. Херей и узнал бы ее, конечно, не будь он так твердо уверен, что Дионисий отнял у него Каллирою. Приблизившись осторожно к лежавшей, он сказал ей:

— Ободрись, женщина! Кто бы ты ни была, мы не станем насиловать твоей воли: в мужья ты получишь того, кого ты желаешь.

Не успел он кончить, как Каллироя, узнавшая его голос, открыла свое лицо, и оба они одновременно вскрикнули:

— Херей!

— Каллироя!

Заключив друг друга в объятия, оба упали они, лишившись чувств. От неожиданности утратил способность речи сперва и Полихарм, и прошло много времени, пока он, наконец, воскликнул:

— Вставайте! Вы снова вместе: боги исполнили ваши молитвы. Не забывайте, однако, что вы не на родине у себя, а во вражеской стране и что надо сначала все хорошо наладить, чтобы больше уже никто вас не разлучил.

Громко кричал это им Полихарм, а они, будто погруженные в глубокий колодезь, едва слышали его голос, как бы доносившийся к ним откуда-то сверху. Не скоро пришли они в себя, а затем, увидев друг друга и поцеловавшись, вновь ослабели. То же повторилось с ними и во второй раз, и в третий, и всякий раз говорили они в один голос друг другу:

— Ты со мной, Каллироя, если только и вправду ты Каллироя, — если только ты и вправду Херей!

Побежала Молва о том, что наварх нашел свою жену, и не было ни одного такого солдата, который бы не бросил своей палатки, ни одного матроса, который бы не покинул своей триеры, ни одного привратника, который бы не оставил своего дома. Отовсюду сбегались люди и все говорили:

— Счастливая женщина: какого красавца она получила себе в мужа!

Но когда появилась перед ними Каллироя, то прекратились похвалы в честь Херея и взоры всех обращать начали на нее, будто была перед ними только она одна. Гордо шла Каллироя в сопровождении Херея с одной стороны и Полихарма с другой. Их забрасывали цветами, возлагали на них венки, а под ноги им лили вина и благовония. То, что и на войне, и в мирное время бывает самым приятным, соединилось здесь вместе: торжество победы и свадьба.

Занятый постоянно, и днем, и ночью, делами, спать привык Херей на триере. Но тут он передал все дела Полихарму, а сам, даже не дождавшись наступления ночи, вошел в царскую опочивальню: в каждом городе отводится для великого царя лучший дом. В опочивальне стояла золоченая кровать, посланная тирской в вавилонских вышивках порфирой. И кто смог бы описать ту ночь, в которую столько было рассказов, столько было слез и столько поцелуев? Первой начала рассказывать

Каллироя, о том, как она ожила в могиле, как была увезена Фероном, как совершила плавание и как она была продана. До сих пор Херей, слушая, плакал. Но когда Каллироя дошла в своем повествовании до Милета, она смутилась и замолчала, а к Херею вернулась его природная ревность. Рассказ о ребенке, однако же, его успокоил. Впрочем, прежде чем дослушать всё до конца, Херей задал Каллирое вопрос:

— Скажи мне, как ты попала на Арад? Где оставила ты Дионисия и что произошло у тебя с царем?

Каллироя тотчас же поклялась ему, что с Дионисием она после суда так и не виделась. Что же до царя, то хотя он в нее и влюбился, но общения у нее с ним не было и их отношения не дошли у них даже до поцелуя.

— Как я, значит, несправедлив и как вспыльчив я! — воскликнул Херей. — Как много ужасного причинил я царю, ни в чем перед тобой неповинному! Ведь это разлука с тобой вынудила меня сделаться перебежчиком. Я, впрочем, тебя не посрамил: и сушу, и море покрыл я своими победами.

И он подробно ей все рассказал, хвалясь перед ней своими удачами.

Когда же вдоволь наплакались они и наговорились, то, обнявшись, они

Старым обычаем вместе легли на покойное ложе.²⁰⁸

2

Еще ночью приплыл к Араду важный египтянин и, высадившись из лодки, принялся нетерпеливо расспрашивать, где находится Херей. Когда его привели к Полихарму, он объявил, что никому, кроме Херея, о тайны своей сообщить не может и что дело, по которому он прибыл, не терпит отлагательства. Полихарм долго задерживал доступ к Херею, не желая тревожить того не во время. Но, так как приехавший торопил, то Полихарм приотворил дверь в опочивальню и доложил о спехе. Херей же как добрый стратег сказал Полихарму:

— Зови! Проволочек война не допускает.

Было еще темно, когда египтянин, как только его ввели, сказал, подойдя к кровати:

— Узнай, что персидский царь убил Египтянина и что, отправив одну часть войска в Египет для устройства тамошних дел, он другую ведет сюда и почти что здесь уже. Получив известие о взятии Арада, жалеет царь и свои богатства, полностью им тут оставленные, но особенно сильно тревожится он за свою жену Статиру.

Услышав это, Херей вскочил с постели, но Каллироя схватила его, говоря ему:

— Куда ты спешишь, еще не обдумав дела? Ведь если ты предашь огласке случившееся, то все перестанут с тобой считаться и ты дашь толчок к великой против тебя войне. А попав в плен, окажемся мы в положении еще более тяжком, чем то, в каком находились мы раньше.

Херей быстро внял совету и из спальни вышел он, уже подготовив хитрость.

Он созвал народ и, держа египтянина за руку, объявил:

— Граждане! Мы и над сухопутным войском царя одержали победу. Этот человек доставил нам добрую весть вместе с письмом от Египтянина: надлежит нам как можно скорее плыть туда, куда он приказывает. Снарядитесь же и взойдите все на суда.

Как только он это сказал, трубач заиграл повестку к посадке на триеры. Пленные вместе с добычей погружены были еще накануне, и, за исключением громоздких и ненужных вещей, ничего больше на острове не оставалось. Отвязывать начали причалы и поднимать якоря, и залив наполнился суетой и криками. Каждый занят был каким-нибудь делом. Херей обходил триеры, тайно уславливаясь с триерархами держать направление к Кипру,²⁰⁹ ввиду необходимости овладеть этим островом, находившимся пока без охраны.

Благодаря попутному ветру, они подошли на следующий же день к Пафу,²¹⁰ в котором находится храм Афродиты. После

того как корабли стали на якорь в гавани, Херей, прежде чем спустить кого-нибудь с триер на берег, отправил вестников в город предложить его жителям мир и условия соглашения. Когда же те приняли его условия, он высадил все войско на остров и почтил подношениями Афродиту. Пригнав множество жертвенных животных, он устроил угощение войску, причем жрецы (они же являются там и предсказателями) объявили Херею, размышлявшему о предстоящем, что жертвы дали благоприятные знамения.²¹¹ Тогда, набравшись мужества и созвав триерархов и тех из египтян, преданность которых ему была хорошо известна, он сказал им следующее:

— Граждане, соратники и друзья, товарищи великих удач! С вами и мир мне радостен, и не страшна война! Мы на опыте поняли, что мы овладели морем благодаря нашему единомыслию. Теперь же настал для нас тот тяжелый час, когда должны мы крепко подумать о будущем: узнайте же, что Египтянин убит в сражении, что на суше всюду господствует царь и что мы с вами находимся в самой гуще врагов. Итак, не советует ли кто уйти нам к царю и отдать ему себя в руки?

Сейчас же раздались крики о том, что лучше все, что угодно другое, но только не это.

— Куда же, однако, направиться нам? Ведь нам все кругом нас враждебно и даже на море нельзя больше нам полагаться, раз неприятель владеет сушей. А не можем же мы улететь на крыльях!

После наступившего вслед за тем молчания первым решился заговорить один лакедемонянин,²¹² родственник Брасида,²¹³ в силу сурово сложившихся для него обстоятельств бывший тогда изгнанником Спарты.

— Зачем ищем мы, куда нам бежать от царя? — сказал он. — У нас есть триеры и море, и как то, так и другое ведет нас в Сицилию и в Сиракузы, где не могут быть нам страшны не только персы, но и сами афиняне.

Все одобрили его речь, и один лишь Херей, ссылаясь на дальность плавания, делал вид, будто он к мнению остальных

не присоединяется: в действительности же он стремился проверить, твердо ли принимаемое ими решение. И, в ответ на их неотступные требования и их готовность сейчас же плыть, Херей сказал им:

— Граждане греки! Решение ваше прекрасно, и за ваше расположение ко мне и за вашу верность я благодарен вам. Если же боги помогут вам, то не допущу я того, чтобы пришлось вам потом раскаиваться. Что до египтян, то насильно заставлять их нам подчиняться не следует: их много, и у большинства есть жены и дети, оторваться от которых им было бы нелегко. Поспешите поэтому проникнуть в их толщу, и каждого из них в отдельности расспросить, дабы взять нам с собой только тех, кто плыть вместе с нами хочет.

3

Как приказал он, так и было поступлено.

А Каллироя, взяв Херея за руку и отведя в сторону, спросила его:

— Что это ты надумал, Херей? Ты и Статиру везешь в Сиракузы, и красавицу Родогуну?

Херей покраснел.

— Везу, — сказал он, — я их не для себя, а тебе в прислужницы.

Каллироя вскрикнула:

— Да не допустят боги меня до такого безумия, чтобы держать у себя в рабынях царицу Азии! К тому же я связана с ней и узами гостеприимства. Уж если хочешь ты угодить мне, отошли Статиру к царю. Ведь это же она приняла меня под свою охрану и сберегла меня для тебя, точно жену родного брата.

— Нет ничего на свете, чего бы не сделал я, раз ты того желаешь, — сказал Херей, — властительница ты и Статир, и всей военной добычи, и моей, это прежде всего, души!

Обрадовалась Каллироя и поцеловала его. И сейчас же велела служителям вести ее к Статире. А Статир в это время

вместе со знатнейшими персиянками, находилась в корабельном трюме и ничего не знала о происшедшем. Не знала она и того, что Каллироя нашла Херея. Крепкой окружена была Статира охраной и никому не разрешалось ни подходить к ней, ни видеть ее, ни сообщать ей о чем бы то ни было из того, что делалось. Когда под почетным конвоем триерарха Каллироя пришла на корабль, то все были изумлены ее появлением. Беспорядочно сбегались со всех сторон люди и шопотом говорили один другому: «На корабль явилась жена наварха!».

Глубокий и громкий вырвался из груди Статире стон, и, разрыдавшись, сказала она:

— О, Судьба! Ты хранила меня нарочно к этому дню, чтобы мне, царице, дать узреть госпожу над собой! Это пришла, может быть, моя госпожа взглянуть, какую получила она рабыню.

С этими словами подняла она плач: постигла она тогда, что значит для свободнорожденного человека плен.

Но бог быстро все это изменил. Каллироя подбежала к Статире и обняла ее, говоря:

— Здравствуй, царица! Ты ведь царица, и царицей ты остаешься всегда: попала ты не в руки врагов, а в руки той, которая тебе мила и которую ты облагодетельствовала. Мой Херей — наварх, египетским же навархом сделал Херея его гнев на царя за слишком медленное мое к нему возвращение. Но теперь сердиться он перестал, с царем примирился и больше он вам уже не враг. Вставай же, дорогая моя, и в радости уезжай. Получи обратно и ты своего мужа: царь ведь жив, и к нему посылает тебя Херей. Встань и ты, Родогунa, первая моя среди персиянок подруга, и поезжай к своему мужу. Поезжайте и вы все, другие, сколько ни пожелает взять вас с собой царица, и не забывайте Каллирой.

Изумилась Статира, слыша такие речи, и не знала, верить ей им или не верить. Но, зная нрав Каллирой, не могла допустить ожа мысли, чтобы Каллироя, в обстановке великих несчастий, стала притворствовать.

Время заставляло, однако, спешить.

Находился в числе египтян некто Димитрий, знакомый царю философ, пожилого возраста человек, среди остальных египтян выделявшийся и образованием, и нравственными качествами. Его-то вызвал к себе Херей и сказал ему:

— Хотелось мне взять тебя с собой, приходится же мне возложить на тебя одно важное поручение: через тебя я великому царю посылаю царицу. Это и тебе придаст в его глазах особую ценность, и примирит его также и с остальными египтянами.²¹⁴

И, сказав это, Херей назначил Димитрия стратегом триер, возвращаемых им обратно царю.

Всем хотелось сопутствовать Херею, все готовы были пожертвовать ради него и детьми, и отечеством, но Херей, ввиду предстоявшей ему переправы через Ионийское море, отобрал только двадцать самых больших и лучших триер и посадил на них весь наличный состав имевшихся у него греков, из числа же египтян и финикийн лишь тех, чья выносливость была ему известна. По доброй охоте вошло к нему на его корабли и не мало киприян.²¹⁵ Остальных же всех Херей разослал по их домам, одарив каждого долей военной добычи, чтобы в радости возвращались они к своим близким, будучи им уважаемы. И никому и ни в чем не было у Херея отказа, кто бы о чем бы его ни попросил.

Каллироя же поднесла Статире все ее царские уборы, но та отказалась принять их:

— Носи их сама себе в украшение, — сказала она Каллирое, — подходит царский наряд такому, как твое, телу. Ты должна это взять в утешение твоей матери и в подношение отечественным богам. А у меня нарядов осталось в Вавилоне еще больше этого. Да хранят же боги тебя, да пошлют они тебе благополучное плавание и да не разлучат они тебя больше никогда с Хереем! Во всем поступила ты со мной честно. Выказала ты благородный свой, достойный твоей красоты, характер. Прекрасный залог был вручен мне в тебе царем.

4

Кто смог бы описать этот день, в который произошло столько разнообразных событий, когда люди молились и уговаривались, радовались и печалились, давали поручения друг другу и писали домой?

Писал и Херей следующее письмо царю:

«Ты собирался рассудить нашу тяжбу, а я ее уже выиграл перед лицом беспристрастнейшего судьи: ведь самым хорошим судьей по вопросу о том, на чьей стороне сила и на чьей слабость, служит война. Война вернула мне Каллирою, и получила жену от войны не только я, но и ты. Не подражаю, однако, тебе в твоей медлительности, а быстро, даже без твоей о том просьбы, отдаю тебе Статиру чистой и продолжавшей и во время своего плена оставаться царицей. Впрочем, знай, что не я, а Каллироя посылает тебе этот подарок, в благодарность за который мы с ней просим тебя примириться с египтянами. Ведь больше, чем всем другим людям, терпеливость приличествует царю. А в египтянах этих получишь ты превосходных и преданных тебе солдат: вместо того, чтобы следовать за мной в качестве друзей, они предпочли остаться с тобой».

Так написал Херей. Но и Каллироя сочла долгом своей признательности написать Дионисию. Лишь это одно совершила она втайне от Херея: зная ревнивый его характер, она и постаралась сделать это от него потихоньку. Взяв грамматидий,²¹⁶ вот что она начертала на нем.

«Каллироя шлет привет Дионисию, благодетелю своему: ведь это же ты избавил меня и от разбойников, и от рабства. Прошу тебя, не сердись на меня. Ведь душой своей я с тобой из-за нашего общего у нас сына, которого и выкормить, и воспитать достойным нас я и завещаю тебе. Мачехи ему брать не пробуй. Не только сын у тебя, но и дочь: довольно с тебя двух детей. Когда возмужает наш сын, соедини их обоих браком, а его пришли в Сиракузы, чтобы повидал он и своего деда. Плангона! Обнимаю тебя! Это я написала тебе собственной

своей рукой. Будь здоров, милый Дионисий, и помни о своей Каллирое».

Запечатав письмо, Каллироя спрятала его у себя за пазухой и, когда, наконец, наступила пора отплывать и садиться всем на триеры, она подала руку Статире и сама проводила ее на корабль. Димитрий соорудил на корабле царский шатер, кругом покрыв его порфировой тканью в вавилонских золотых вышивках. Почтительно склонившись перед Статирой, Каллироя сказала ей:

— Будь здорова, Статира, помни меня и пиши мне в Сиракузы почаще: ведь для царя ничего нет трудного.²¹⁷ А я перед греческими богами в родительском доме своем продолжать буду чувствовать к тебе признательность. Тебе поручаю я своего ребенка, который и тебе нравился. Считаю его моим тебе от меня залогом.

Так говоря, она залилась слезами, которые и остальных женщин заставили разрыдаться. А покидая корабль, Каллироя незаметно нагнулась к Статире и, покраснев, отдала ей письмо.

— Передай, — сказала она, — это письмо несчастному Дионисию, которого я тебе и царю вверяю: утешьте его. Боюсь, как бы из-за разлуки со мной не покончил он самоубийством.

Продолжали бы женщины еще долго и говорить, и плакать, и целоваться, если бы кормчие не подали знака к отплытию.

Прежде, однако же, чем взойти на свою триеру, преклонилась Каллироя перед Афродитой.

— Благодарение тебе, владычица, за все ныне происшедшее, — сказала она, — ты уже помирилась со мной. Дай же узреть мне и Сиракузы! Прекрасное лежит между ними и мною море, и жуткие ожидают меня пучины. Но не страшны они мне, если только ты будешь со мной во время моего плаванья.

На суда Димитрия ни один египтянин не всходил, не попрощавшись сперва с Хереем и не поцеловав ему его головы и рук: такую всем внушил он к себе любовь. Этим судам²¹⁸

позволил Херей выступать в открытое море первыми, и на далекое расстояние по воде слышались приветствия, чередовавшиеся с добрыми пожеланиями.

5

Плыли они, а великий царь, разбивший неприятельские силы, занят был отправкой человека в Египет с поручением прочно наладить тамошние дела, сам же он спешил на Арад к жене. И вот когда, находясь между Хиосом²¹⁹ и Тиром, он совершал благодарственное по случаю победы жертвоприношение Гераклу, получено было им сообщение: «Арад разграблен, пуст и все, что было на нем, увозится египетскими кораблями». Известие о гибели жены естественно причинило царю великое горе, а вместе с царем плакали и знатнейшие персы,

С виду о Статире мертвой, но в сердце собственном горе,²²³

кто о жене своей, кто о сестре, кто о дочери, каждый о ком-нибудь из своих близких.

Неведомо было, в какие же воды неприятель уплыл от Арада.

А на следующий день показались в море египетские суда, шедшие к берегу. Истина оставалась скрытой, и люди смотрели на корабли, недоумевая. Особенно загадочным представлялось поднятое на корабле Димитрия царское знамя, поднимают которое только тогда, когда плывет на корабле царь. Оно внушало тревогу, заставляя подозревать, что это плывут враги. Сейчас же побежали докладывать Артаксерксу: «Пожалуй, окажется еще новый какой-нибудь египетский царь». Артаксеркс вскочил с трона и, поспешив к морю, начал подавать знак к началу сражения. Не было у него триер, но все свое сухопутное войско он поставил у гавани готовым к бою. Уже натягивались луки и пущены были бы в ход и копья, если бы Димитрий, поняв происходящее, не доложил о том царице. Статира выступила вперед.

из шатра и показала народу, и тотчас же войны, отбросив оружие в сторону, поклонились ей. Царь не выдержал и, еще до того как канаты притянули корабль к пристани, прыгнул первым на его борт, обнял жену и воскликнул, заплакав слезами радости:

— Кто из богов вернул тебя мне, дорогая моя жена? И то, и другое кажется невероятным: и утрата царицы, и встреча с ней. Но я покинул тебя на суше, обратно же получаю тебя из моря!

Статира ему ответила:

— Я подарок тебе от Каллирои.

Услышав это имя, царь ощутил как бы новый удар в старую рану, и, взглянув на Артаксата, внуха, сказал ему:

— Веди меня к Каллирое! Я хочу выразить ей свою благодарность.

— Ты все от меня узнаешь, — объявила царю Статира.

И с этими словами они направились во дворец. Там, всем приказав удалиться, остаться же одному лишь внуху, Статира рассказала о том, что было на Араде и что произошло на Кипре, и под конец передала царю письмо от Херея. Тысяча чувств наполняли царя, пока он его читал: и сердился он на плененье самых ему дорогих людей, и раскаивался, что послужил причиной, заставившей Херея перебежать к неприятелю . . .,²²¹ что Каллирои больше ему уже не увидеть. Но сильнее всего говорило в нем чувство зависти. «Херей блаженствует: счастливее он меня», — повторял он себе.

Когда же насытились они вдоволь рассказами, Статира заметила:

— Утешь Дионисия, царь. Ведь об этом просит тебя Каллироя.

Тогда обернувшись к внуху, Артаксеркс сказал:

— Пусть придет Дионисий.

И, окрыленный надеждами, Дионисий быстро пришел. Ведь о том, что произошло с Хереем, он ровно ничего не знал и, полагая, что вместе с другими женщинами приехала и Каллироя,

думал, что царь вызвал его для того, чтобы передать ему его жену в награду за его военную доблесть. Когда вошел Дионисий, царь поведал ему обо всех событиях с самого начала. И именно в это мгновение особенно и выказал Дионисий и ум свой, и свое тонкое воспитание. Ибо какой человек не дрогнул бы, если бы ударила у его ног молния? А Дионисий, услышав слова, бывшие для него тяжелее удара грома, сообщавшие ему о том, что Каллирою увозит в Сиракузы Херей, сохранил, тем не менее, спокойствие: небезопасным показалось ему предаваться горю, раз была спасена царица.

— Если бы я мог, — сказал Артаксеркс, — я отдал бы тебе, Дионисий, и Каллирою: полностью проявил ты любовь ко мне и свою мне верность. Но так как это для меня невозможно, то я даю тебе в твое управление всю Ионию и вношу тебя в «список первых благодетелей царского дома».²²²

Дионисий поклонился царю и, выразив ему благодарность, поспешил удалиться, чтобы дать волю своим слезам. А когда ушел он, Статира тайком вручила ему письмо.

Вернувшись домой, Дионисий заперся у себя на ключ. Узнав руку Каллирои, он первым делом поцеловал письмо, а затем, распечатав его, приложил его к своей груди, будто то была сама Каллироя. Долго прижимал он к себе письмо, будучи из-за слез не в силах приступить к его чтению. Наконец, наплакавшись, он начал его читать, поцеловав сперва имя Каллирои. Прочитав слова «Дионисию, благодетелю своему», он про себя подумал: «Увы, уже больше не мужу!». «Радоваться»: «да как же могу я радоваться, находясь в разлуке с тобой?». «Ты ведь мой благодетель»: «да что же я для тебя сделал такого особенного?». Но та часть письма, где она перед ним оправдывалась, доставила ему радость, и слова эти он несколько раз перечитал: в них она намекала ему, что покинула его против своей воли. Так легкомысленно чувство любви, и так не трудно бывает Эроту убедить влюбленного, что и он любим.

Дионисий посмотрел на своего ребенка и,

*его на руках покачавши,*²²³

подумал: «когда-нибудь и ты, дитя, уедешь от меня к своей матери. Так, впрочем, она и сама велела. А я, виновник всего со мною случившегося, буду продолжать жить в одиночестве. Погубила меня моя напрасная ревность, да и ты погубил меня, Вавилон!».

Сказав это, начал он спешно собираться в обратную дорогу в Ионию, великое надеясь найти утешение в продолжительности пути, в деле управления многочисленными городами и в портретных изображениях Каллирои, бывших у него в Милете.

6

В то время как это происходило в Азии, доплыл до Сицилии благополучно Херей: все время находился он на корме и, располагая крупными кораблями, держался открытого моря, из опасения вновь подпасть под удар сурового божества.²²⁴ Когда же показались Сиракузы, он велел триерархам разукрасить триеры и плыть общим строем. Была ясная, безветренная погода.²²⁵ В городе, как только заметили их, поднялись вопросы: «Откуда плывут эти триеры? Уж не из Аттики ли? Доложим, давай, Гермократу!». И тотчас же доложили ему: «Подумай, что предпринять. Не запереть ли нам гавани? А то не выплыть ли нам навстречу им в открытое море? Мы ведь не знаем, не следуют ли за ними еще большие силы и не видим ли мы перед собой лишь передовой отряд?».

Гермократ бросился с площади к морю и отправил навстречу кораблям гребное судно. Посланный на нем человек, близко подошел к ним и стал их расспрашивать, кто они такие. Херей велел одному из египтян ответить:

— Мы купцы, плывем из Египта и везем груз, который сиракузян обрадует.

— Только все разом вместе вы не входите в гавань, — сказал им человек с гребного судна, — пока не убедимся мы сперва, что вы говорите правду: купеческих-то судов я не вижу, а вижу большие триеры, как будто возвращающиеся с войны, так что

пускай бóльшая часть кораблей останется в море, за пределами гавани, в гавань же войдет пусть только одна триера.

Так и сделали.

И вот, первой в гавань вошла триера Херея, на палубе которой был устроен шатер, кругом занавешанный вавилонскими тканями. Когда она остановилась у пристани, переполнилась народом вся гавань. Толпе вообще свойственно любопытство, а тут был у народа еще и особый повод сбегаться. Народ смотрел на шатер и думал, что не люди скрыты внутри его, а дорогие товары. Каждый высказывал свои предположения, будучи готов допустить что угодно, но только не то, что было в действительности: ведь никому же из них, убежденных в смерти Херея, не могла придти в голову мысль, что это он вернулся, да еще окруженный такою роскошью. Родители Херея даже не выходили из дома, скорбел равным образом и Гермократ, хотя делами государственными он, правда, и занимался. Он и тогда незаметно стоял на пристани. Устремив глаза на шатер, все терялись в догадках, когда вдруг его занавеси раздёрнулись, и взорам людей предстали одетая в тирскую порфиру Каллироя, лежавшая на золотом ложе, и сидевший с ней рядом Херей в одежде стратега. Никакой гром никогда так не поражал слуха, никакая молния так не ослепляла глаз, никогда из груди человека, нашедшего золотой клад, не вылетало такого громкого крика, какой вырвался тогда у толпы, нежданно увидевшей это неопишное зрелище. Гермократ ринулся к шатру и, обняв свою дочь, воскликнул:

— Ты жива, дитя мое! Или я и теперь заблуждаюсь?

— Я жива, отец, жива теперь в самом деле, потому что живым вижу я перед собой тебя!

У всех от радости потекли слезы.

Подплывает, между тем, и Полихарм с прочими триерами: весь остальной флот с Кипра был доверен ему, так как у Херея ни на что другое, кроме Каллирои, времени нехватало. Гавань быстро заполнилась судами, являя собой тот самый вид, какой был у нее после аттического морского сражения: ²²⁶ такие же,

украшенные венками после битвы, под начальством сиракузского стратега, входили в гавань триеры, и такие же неслись с моря крики приветствия к людям, стоявшим на берегу, и обратно с берега к людям, находившимся в море, добрые возгласы, восхваления и взаимные, непрерывно раздававшиеся пожелания счастья. Принесли тем временем на носилках и хереева отца, потерявшего сознание от внезапной радости. Стремившиеся поздравить Херея теснились вокруг него его товарищи по эфебии²²⁷ и по гимнасиям, а вокруг Каллирои женщины. Нашли и они, что Каллироя еще больше похорошела и что, посмотрев на нее, каждый теперь, в самом деле, скажет, что видит перед собой Афродиту, выходящую из вод морских.²²⁸ А Херей подошел к Гермократу и к стоявшему рядом с Гермократом своему отцу и сказал им:

— Примите богатства великого царя.

И сейчас же Херей приказал выгрузить бесчисленное количество серебра и золота, а затем он выставил сиракузянам на показ и слоновую кость, и янтарь, и одежды, и драгоценнейшие изделия из дерева, и кровать великого царя, и его обеденный стол, и евнухов его, и наложниц, так что теперь не аттической бедностью, как то было тогда, после сицилийской войны, наполнился город, а персидской военной добычей, и притом, что было всего удивительнее, переполнился он ею в дни мира.

7

«Идем в народное собрание», — разом завопила толпа: всем страстно хотелось и видеть обоих вернувшихся, и слышать их. И быстрее всякого слова наполнился театр²²⁹ и мужчинами, и женщинами. Когда же выступил перед собранием один только Херей, то, и женщины все, и все мужчины закричали ему:

— Пригласи Каллирою!

Гермократ, который хотел и в этом угодить народу, вывел дочь свою перед собранием. И вот, обратив сперва свои взоры к небу, народ начал славить прежде всего богов, еще горячее

благодаря их за этот день, чем за день победы,²³⁰ а затем, то мужчины отдельно от женщин восхвалять принимались Херея, а женщины отдельно от мужчин Каллирою, то те и другие вместе воздавать начинали хвалу обоим, что последним было приятнее.

Каллирою, уставшую после плавания и волнений, тотчас же после ее приветствий отечеству увели из театра, но Херея народ задержал, желая услышать от него его повествование обо всем, что было с ним на чужбине. И Херей начал свой рассказ с последних событий, так как он не хотел причинять печали народу грустным своим сообщением о том, что произошло сперва. Народ, однако же, настаивал на своем:

- Мы ждем ответа!
- Начни с самого начала!
- Обо всем расскажи нам!
- Ничего не пропускай!

Херей стоял в нерешительности: о многом таком, что случилось с ним вопреки рассудку, говорить ему было совестно. Но Гермократ сказал ему:

— Не смущайся, сын мой, хотя бы пришлось тебе говорить и кое о чем для нас печальном или горьком: перед блестящим концом все это ведь бледнеет, недоговоренность же, вследствие именно замалчивания, влечет за собой подозрение в сокрытии чего-то более тяжелого. Речь твоя обращена к отечеству и к родителям, которые обоих вас одинаково любят. Что же, начальную часть твоей повести знает уже и город: сам ведь он заключил ваш брак. Все мы также знаем и о заговоре женихов, пробудившем в тебе твою ложную ревность, из-за которой ты и нанес жене своей злосчастный удар. Знаем мы и о том, как подумали мы, что она умерла, знаем, с какой роскошью была она погребена и как, привлеченный к суду за убийство, ты вынес сам себе смертный приговор, желая умереть вместе с женой, а народ тебя оправдал, усмотрев в совершившемся несчастный случай. Относительно же последующего было нам сообщено, что Ферон-разбойник, раскопавший ночью могилу, нашел в ней Каллирою живой и что, посадив ее в свою разбойничью лодку, куда

сложил он и находившиеся при ней погребальные дары, он продал ее в Ионию, а что ты, отправившись на поиски своей жены, самое ее не нашел, но встретив в море пиратское судно, ты всех остальных разбойников застал на нем скончавшимися от жажды, и одного лишь Ферона привел в народное собрание живым и что тот после пытки был распят, народ же отправил за Каллироей триеру с посольством, вместе с которым, в качестве добровольца, выплыл, сопровождая тебя, и Полихарм, твой друг. Это мы знаем. Ты же нам расскажи о том, что случилось после этого твоего отсюда выезда.

И Херей, продолжив с этого места свое повествование, рассказывать начал так:

— Благополучно переплыв Ионийское море, прибыли мы в именье милетского гражданина по имени Дионисий, и богатством, и родом своим, и славой выдававшегося среди всех ионийцев. Это он за один талант купил Каллирою. Не пугайтесь: рабыней она не стала. Невольницу свою Дионисий немедленно же объявил своей госпожей, и к ней, благородной, он, влюбившись в нее, применить насилия не дерзнул, отослать же в Сиракузы ту, в кого он был влюблен, он оказался не в силах. Когда же Каллироя заметила, что она от меня беременна, то, стремясь сохранить для вас вашего гражданина, вынуждена была она выйти за Дионисия замуж и хитро обставила рождение ребенка с целью заставить Дионисия поверить, будто ребенка родила она от него, и дать ребенку надлежащее воспитание. Воспитывается ведь, сиракузяне, для вас богатый гражданин в Милете, в доме важного человека, принадлежащего, как и он, греческому знаменитому роду. Не будем же по зависти мешать ему стать наследником громадного состояния.

8

— Об этом узнал я, разумеется, позже. Тогда же, причалив в той местности к берегу, я преисполнился добрых надежд, как только увидел там в храме изображение Каллирои. А ночью

фригийские разбойники, предприняв набег на берег моря, сожгли наш корабль, перебили большую часть людей, меня же и Полихарма связали и продали в Карию.

При этих его словах народ разразился плачем, и Херей сказал:

— Разрешите мне о последующем умолчать, так как оно еще мрачнее предшествующего.

Но народ закричал ему:

— Говори все!

И Херей продолжал так:

— Являвшийся рабом Митридата, правителя Кари, человек, который купил нас, приказал нам закованными вскапывать землю. Когда же некоторыми из числа кандальников был убит тюремщик, то Митридат велел всех нас распять. Меня повели на крест, но Полихарм, под угрозой пытки, произнес мое имя, и оно припомнилось Митридату, так как, будучи связан с Дионисием узами гостеприимства в Милете, он присутствовал там при погребении Херея: дело в том, что, услышав про триеру и про напавших на нее разбойников, Каллироя, думая, что и я погиб, соорудила мне роскошнейший погребальный холм. И вот, Митридат распорядился скорее снять меня, которому совсем близок тогда был конец, с креста и сделал меня одним из самых доверенных своих лиц. Спешествуя возвращению мне Каллирой, он вынудил меня ей написать, но по нерадению слуги, которому поручено было письмо, последнее попало в руки самого Дионисия. В то, что я жив, Дионисий, однако же, не поверил, а подумал, что это, должно быть, коварно посягает на его жену Митридат. Немедленно послал он царю письменную жалобу, в которой он обвинил Митридата в обольстительстве, царь же эту жалобу принял и вызвал к себе всех на суд. Так мы отправились в Вавилон. Восхищаться Каллироей, которую он повез с собой, Дионисий заставил всю Азию, меня же доставил в Вавилон Митридат. Когда прибыли мы в Вавилон, то долго мы там перед царем судились. Митридата царь тотчас же оправдал, но разбор моего с Дионисием из-за жены спора царь отложил, пере-

дав Каллирою на это время царице Статире на ее о ней попечении. Представляете себе, сиракузские граждане, сколько раз я в разлуке с женой принимал решение умереть! Да я бы и умер, если бы только не спасал меня каждый раз Полихарм, мой вернейший на свете у меня друг. Ведь пылавший к Каллирое страстной любовью царь о суде и не помышлял. Но не склонил он ее к себе и бесчестия не причинил ей, а кстати случившееся отпадение от него Египта тяжелой вызвало войну, послужившую, впрочем, мне на великое благо. Царица увезла Каллирою с собой на войну, я же, получив ложное известие от одного человека, сказавшего мне, будто Каллироя отдана Дионисию, захотел отомстить царю и, перебежав с этой целью к Египтянину, большие совершил подвиги; я самолично взял неприступный Тир и, будучи назначен на должность наварха, победил великого царя в морском сражении и завладел Арадом, куда царь укрыл и царицу, и те богатства, которые вы увидели. Смог бы я даже поставить Египтянина господином всей Азии, не будь он убит, сражаясь от меня отдельно. И, наконец, я великого царя сделал вашим другом, поднеся ему в дар его жену и отослав знатнейшим из персов их матерей, их сестер, их жен и их дочерей. К вам же сюда я сам привел и доблестнейших из греков, и добровольцев из числа египтян. Приплывет из Ионии и еще один, ваш же, отряд судов, и приведет его к вам внук Гермократа.

Добрые в ответ на эти слова раздались со всех сторон пожелания, Херей же, успокоив крики, сказал:

— Я и Каллироя — оба мы перед вами приносим благодарность другу нашему Полихарму, доказавшему нам и свое благоволение к нам, и истиннейшую свою по отношению к нам верность, и если согласны вы, давайте отдадим ему в жены мою сестру, в приданое же за ней получит он часть военной добычи.

На это народ ответил возгласами одобрения:

— Тебя, Полихарма, доброго гражданина и верного друга, благодарит народ. Осчастливил ты так отечество, как заслуживали того Гермократ и Херей.

После этого Херей внес новое предложение:

— Кроме того, прошу вас трем этим греческим сотням, храброму моему отряду, дать сиракузское гражданство.

И опять закричал народ:

— Достойны они быть нашими согражданами! Проголосовать это предложение поднятием рук!

Постановление было записано, и, сейчас же заняв места в народном собрании, стали они частью его состава. Каждому из них Херей дал в подарок по таланту денег, египтянам же отвел Гермократ наделы для занятия земледелием.

А пока народ находился в театре, Каллироя, прежде чем войти к себе в дом, направилась в храм Афродиты. Там обхватила она ноги богини, и, прижавшись лицом своим к ним, целовала их и так говорила, распустив свои волосы:

— Благодарение тебе, Афродита! Ты вновь дала мне узреть Херея в Сиракузах, где и девушкой увидела я его по твоей же воле. Не ропщу на тебя я за испытанные мною страдания, владычица: суждены мне были они судьбой. Умоляю тебя я: никогда меня больше не разлучай с Хереем, но даруй нам счастье вместе жить и умереть обоим нам одновременно.

Столько написал я про Каллирою.

ПРИЛОЖЕНИЯ

*Работу свою над текстом повести
Харитона посвящаю дорогой памяти
моей жены, Софии Венедиктовны
Меликовой-Голстой.*

ПОВЕСТЬ ХАРИТОНА КАК ОСОБЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ

1

Античный литературный жанр, обозначаемый в настоящее время термином «античный роман», оказывается при ближайшем рассмотрении далеко не единым жанром: в действительности, произведения литературы, обнимаемые этим термином, резко отличаются одно от другого и идеологическими заданиями, и закономерностями сюжетной конструкции, и речевым стилем. Общим признаком здесь окажется, пожалуй, лишь следующее: все эти произведения написаны не стихами, а прозой, и сюжет их развивается в форме повествования, дающего, впрочем, две существенные разновидности. В одном случае рассказ ведется об одном каком-либо персонаже, в другом же — о паре лиц, мужчине и женщине, влюбленных друг в друга. Таковы два типа основной линии развития сюжета. Примером первого типа могут служить «Золотой осел» Апулея и «Сатирикон» Петрония, примером второго — романы Харитона, Ахилла Татия, Гелиодора и Лонга. Повесть об Амуре и Психее, образующая самостоятельный сюжет, вправленный в текст «Золотого осла», принадлежит второму типу, но вставлена она в повесть первого типа.

Необходимо заметить, что общего названия применительно ко всему жанру античный мир не знал и что выражение «античный роман» является современным нам термином.

Античный мир обозначал этот вид литературы выражениями описательными, такими, как «повесть», «повествование», «рассказ», «деяния», «действие». Подобного рода «повестью» или, употребляя греческое слово, «диегемой», является и роман Харитона, рассказывающий о сиракузском юноше Херее и сиракузской девушке Каллирое, страстно любивших друг друга и оставшихся верными друг другу в любви, несмотря на множество испытаний, выпавших на их долю. Эта повесть отличается, между прочим, еще той особенностью, что ее сюжет связан до некоторой степени с историческими фигурами и событиями далекого прошлого: отцом героини является, согласно фабуле Харитона, Гермократ, знаменитый политический и военный деятель сицилийского города Сиракуз эпохи Пелопоннесской войны, на голову разбивший в 413 г. до н. э. в сиракузской бухте афинский флот. Другое историческое лицо, выведенное в романе, — это персидский царь Артаксеркс. Повесть Харитона, иными словами, оказывается одним из древнейших в европейской литературе «историческим» романом.

От некогда обширной античной романической литературы дошли до нас скудные остатки, принадлежащие сравнительно поздним временам античности. Главнейшие из них следующие: 1) повесть «О Херее и Каллирое» Харитона, времени около начала II в. н. э.; 2) «Эфесская повесть» Ксенофонта Эфесского, приблизительно II в. н. э.; 3) «Левкиппа и Клитофонт» Ахилла Татия, конца III в. н. э.; 4) «Эфиопская повесть» Гелиодора, около III в. н. э.; 5) «Дафнис и Хлоя» Лонга, неопределенной даты: вероятно, II или III в. н. э.; 6) «Лукий или осел» Псевдолукиана, вероятно, II в. н. э.; 7) «Золотой осел» Апулея, на латинском языке, должно быть, тоже II в. н. э.; 8) «Сатирикон», приписываемый Петронию, тоже на латинском языке, предположительно середины I в. н. э. Кое-что из этой литературы дошло до нас в пересказах или кратких эскизах, еще меньше в небольших папирусных отрывках. Среди последних наибольший интерес представляют папирусные отрывки самого древнего из числа известных нам греческих романов,

повести о царевиче Нине, сохранившейся, правда, в весьма фрагментарном виде: папирусные отрывки принадлежат последним десятилетиям I в. до н. э. или самому началу I в. н. э.

Для античного романа типичны сюжеты, в которых действуют лица разнообразных характеров и где повествование движется изображением контрастных чувств, переживаемых выступающими в нем персонажами. Течение рассказа отличается в них постоянной сменой внезапных событий, то горестных, то приносящих радость, завершение же рассказа неизменно имеет благополучный исход. Такие сюжеты, бесспорно, были известны еще в эпоху Цезаря, чему ясным свидетельством служит текст трактата Цицерона «de inventione» (1, 27) и близкое этому тексту место в одном из древнейших руководств по теории речи, так называемой «Реторике к Гереннию» (1, 13),¹ описывающей среди прочих и этот вид повествования. Хорошо знакомую нам по позднейшим античным романам сюжетную схему встречаем мы даже у Плавта:² мы вправе на этом основании предполагать, что сюжеты такого рода известны были и ранее, во II и III вв. до н. э., хотя ни греческих, ни латинских романов до нас от того времени не дошло.

2

Сюжет сам по себе еще не определяет жанра, но буржуазная филология XIX в. если не исключительное, то во всяком случае преимущественное свое внимание направляла именно на сюжет, надеясь через тщательное его изучение вскрыть генетику самого жанра. Наряду с сюжетом романа усердно изучались и его поэтика, а также и его речевая форма, главным образом со сто-

¹ Подробное сопоставление текста Цицерона и текста «Реторики к Гереннию» см. в книге Рейценштейна (R. Reitzenstein. *Hellenistische Wundererzählungen*. Leipzig, 1906, стр. 92 сл.).

² Так, монолог Палестриона в «Хвастливом воине» (стр. 79 сл.) развивает типичную фабулу романа. Подробнее об этом в моей статье «Трагедия Еврипида „Елена“ и начала греческого романа» в «Ученых записках ЛГУ» (1938, № 20, Серия филолог. наук, вып. 1, стр. 210 сл.).

роны стиля, особенно риторические места текста. К оценке античного романа по существу, к попытке выяснения тех социальных факторов, т. е. тех реальных общественных сил, какие вызвали новый литературный жанр к жизни, буржуазная филология XIX в. еще не подходит. Подобного рода совершенно одностороннее внимание к одной только внешней форме, естественно, влекло за собой неизбежную ограниченность выводов, а во многих случаях и прямую ошибочность их.

Но если формальный анализ и оказывался бессильным вскрыть истоки греческого романа, то все же старательное изучение его сюжетной и чисто речевой формы позволило исследователям констатировать в составе романа ряд формальных моментов, несомненно для него типичных, история происхождения которых продолжает, однако, и по сей час оставаться загадочной. Подмечены были разнообразные варианты единой для жанра античного романа, как бы обязательной для него, повествовательной топики. Так, почти в каждом романе настойчиво повторяются разбойничьи эпизоды: главные действующие лица попадают к разбойникам в плен, откуда затем они, в конце концов, благополучно освобождаются. Далее, почти во всех античных романах имеется эпизод плаванья героев по морю. Типичным оказывается и мотив ложных слухов о мнимой смерти героини или героя и тесно связанный с этим мотивом другой могильный мотив, в том или ином виде постоянно возвращающийся в романе: героя или героиню по ошибке заживо погребают в могиле или сооружают мнимо погребенному кенотаф, и т. д. Условная топика сказывается и в мелочах, таких, например, как опять-таки настойчиво повторяющийся в романах мотив пещеры, в которой скрыты оба героя или один из них. Но та же устойчивая топика распространяется иногда и на главные линии композиции целиком всей фабулы, зачастую строящейся, например, на мотиве несправедливых преследований, которым подвергаются герои романа со стороны того или иного божества, неосторожно ими прогневанного, или со стороны завистливой и ревнивой Судьбы. Подобного рода фор-

мальная топика скорее может в иных случаях представлять интерес не столько для истории самого античного романа как жанра, сколько для истории всемирной литературы вообще. Так, к пещерному мотиву древнегреческого романа, возможно, в какой-то мере восходит и тот эпизод «Энеиды» Вергилия (IV, 165 сл.), где на охоте под грохот африканской грозы ищут укрытия в пещере влюбленные друг в друга Эней и Дидона.

Но ни систематическая регистрация трафарета повествовательных мотивов в сюжете романа, ни формальный анализ их вовсе не освещали, да и не могли, разумеется, осветить внутреннего содержания романа, его идеологии, его ближайших художественных задач. Ничего решающего не вносило формальное изучение и в вопрос о генетике самого жанра: возможным оказывалось исторически проследить не начало романа, а начало лишь того или иного мотива.

Вокруг древнегреческого романа за последнюю четверть XIX и первую четверть XX в. выросла большая филологическая литература. Наиболее важным трудом, давшим сильный толчок к новому, серьезному изучению этого особого жанра античной художественной литературы, явилась работа одного из виднейших немецких филологов XIX в. Эрвина Роде, «Греческий роман и его предшественники» (E. Rohde. Der griechische Roman und seine Vorläufer), вышедшая первым изданием в Лейпциге в 1876 г.

Правда, выводы и предположения Роде новыми исследованиями были значительно поколеблены, а иные из них признаны в настоящее время прямо ошибочными, но его книга сыграла в истории вопроса все же исключительно большую роль. Она авторитетно доказала ученому миру, что античный роман, к которому до ее появления принято было относиться с пренебрежением как к жанру третьестепенному, несерьезному, низкому, заслуживает пристальнейшего исследовательского внимания.¹

¹ Опыт описания особенностей греческого романа как специального литературного жанра был предложен советской исследовательницей

3

Социальная значимость античного романа почти вовсе выпадала из поля внимания филологов XIX в. Между тем, сколько-нибудь приблизиться к пониманию античного романа как явления исторического порядка, очевидно, можно лишь путем уяснения его социального содержания.

В классическую эпоху Греции серьезное изображение психического мира рабыни не могло явиться задачей писателя ни в одном из художественных жанров. Почему же такой именно задачей люди вдруг заинтересовались? Почему подобный показ стал в античной художественной литературе возможен? Без сомнения, потому, что к моменту создания этих позднейших повестей в жизни античного общества образовались определенные к тому предпосылки. Внимание писателя к сложным переживаниям раба могло развиваться в беллетристической прозе постепенно. Для нас первый сигнал подобного художественного внимания к личности рабыни — это притягательный образ Габротонон в комедии Менандра «Третейский суд» на рубеже IV и III вв. до н. э., т. е. на самой грани нарождающегося эллинизма. На смену изжившимся формам старой художественной литературы начали складываться новые

О. М. Фрейденберг. Общий обзор научной литературы, связанной с его изучением, дает содержательная статья А. В. Болдырева, предпосланная русскому переводу романа Ахилла Татия (Ахилл Татий Александрийский. Левкиппа и Ксенофонт. Перевод А. Б. Д. Е. М., под ред. Б. Л. Богаевского, со вступительной статьей А. В. Болдырева. Изд. «Всемирная литература», М., 1925). Дополнением к ней может служить статья А. Н. Егунова к его переводу «Гелиодор. Эфиопика» (М.—Л., 1932). Вопросы сюжетной топики, типичной для античного романа, касаюсь я в своей статье «Трагедия Еврипида „Елена“ и начала греческого романа», см. подстрочное примечание на стр. 169. Интересные наблюдения над тематической связью некоторых из сюжетных мотивов греческого романа с восточными религиозными представлениями сделаны были венгерским ученым Карлом Керени, книга которого о греко-восточной литературе романов (Karl Kerényi. Die griechisch-orientalische Romanliteratur) вышла в Тюбингене в 1927 г.

формы, а в их числе образовалась и беллетристическая повесть с новым социальным заданием.

Коренной порок западных буржуазных ученых, работающих в области изучения жанра позднеантичной повести, состоит в том, что они не замечают или совершенно не понимают главного содержания этого нового жанра — того, что, в отличие от литературных произведений классического периода и эпохи эллинистической, в новом романическом жанре поздней античности происходит перенос интереса с человека свободного на раба. Этому-то весьма важному обстоятельству буржуазной наукой не уделяется почти никакого внимания, и объектом изучения в области античного романа, как в Соединенных Штатах Америки, так и в других буржуазных странах, неизменно становятся вопросы лишь узко формальные.

Ближайший вопрос, заняться которым тут предстоит исследователю, это вопрос о том, к кому же, собственно, античные романы были обращены, на читателя из какой среды были они рассчитаны? Предварительно необходимо заметить, что единого, общего ответа на такого рода вопрос, разумеется, быть не может, во-первых, потому, что сохранившиеся до нас романы принадлежат не одной какой-либо определенной эпохе, а хронологически различным историческим эпохам, а во-вторых, еще и потому, что даже и в том, количественно весьма небольшом, собрании античных романов, каким мы теперь располагаем, романы эти стилистически неоднородны. Так, грациозная пастораль Лонга «Дафнис и Хлоя» характерна скрытой чувственностью иных из картин этой изящной повести, вправленных автором их в деланно наивное оформление, а роман Гелиодора исполнен высокой морали и чужд всякой чувственности.

Очень далек от чувственности и роман Харитона. В нем выведены и богачи, и бедные, и владыки мира, и люди маленькие, и господа, и рабы, но направленностью своей обращен этот роман явно не к верхам, а скорее к средней или даже, пожалуй, к нижней прослойке общества. Мы не встретим у Харитона

того высокомерного отношения свободного человека к рабу, какое так часто встречается в античной литературе и какое особенно ярко просвечивает порой в интимной переписке друзей, принадлежащих к высшим слоям римских рабовладельцев, в письмах, например, Плиния Младшего к иным из его высокопоставленных адресатов. Нет у Харитона и тонкой иронии того образованного римского аристократа, который беспощадно высмеял в своем «Сатириконе» безвкусную роскошь Тримальхиона, чванливого отпущенника, вышедшего вдруг в люди. Харитон пишет просто, совершенно искренно, без бича иронии и сатиры, без поучения. Он не проповедует, не обличает, не насмеяется, а только повествует и, в основном членении античного общества на господствующих и рабов, обращает повесть свою не столько к первым, сколько ко вторым. Он близко знает и быт, и психологию маленького человека и, не будучи ни в какой мере бытописателем, старается изображать людей в свойственной им бытовой среде.

Как и другие греческие романисты, Харитон высоко ставит в человеке образование, культуру духа, хорошее воспитание, благие результаты которого он и показывает читателю. Нигде, однако же, мы не найдем у него того щегольства ученостью, которое выражается столь часто у писателей в замысловатых намеках на мысли и образы, созданные прошлой, классической или им современной литературой, разгадать которые оказывается доступным лишь литературно вышколенному уму, вкуче с автором, презрительно отгораживающимся от темной, необразованной массы остального народа. Здесь же, напротив, автор любуется вместе с рядовым своим читателем образцами высокой духовной силы, источником которой, помимо природных качеств, служит и всестороннее образование. По внутренней своей направленности такой писатель социально, разумеется, глубоко отличен, к примеру, от Петрония, Лонга или от автора «Золотого осла», и адресуется этот автор совсем к иному кругу читателей, чем читатели только что упомянутых романов. Его читатель — это маленький человек, которому тем интереснее

читать о недоступной для него самой счастливой богатой жизни немногих выдающихся единиц, занимающих в обществе господствующее положение и свободно распоряжающихся чужими жизнями. Отсюда проистекает склонность автора к изображению роскоши. Если тот привилегированный круг, к которому принадлежали культурные верхи античного общества, образуемые людьми вроде Плиния, Тацита, Цицерона, считают хорошим тоном, расхваливая, например, достоинства виллы, говорить не об ее богатствах, а о тех удобствах, какими она обставлена, или отмечать художественность той или иной детали ее убранства, то Харитон и другие близкие ему писатели подолгу задерживаются на импонирующих воображению обездоленного человека чертах всяческого рода роскоши в устройстве комнат, пиршественных столов, мебели и ювелирных изделий. Эта литература обращена не к богачам, не к аристократам, не к господам жизни, а к средним и низшим слоям, в том числе, по всей вероятности, и к рабам, душевным переживаниям которых в рассматриваемом нами типе античного романа отводится немало места.

Рабы и рабыни, преимущественно, конечно, домашние, играют в нем значительную роль, то положительную, то отрицательную, то нейтральную. Мир рабов близко знаком Харитону: он хорошо понимает подневольное положение раба, и классовая психология раба им превосходно прочувствована, без какого бы то ни было оттенка презрения к ней. Правдиво созданный им образ Плангоны горит перед читателем красками подлинной жизни и так психологичен, что мы верим невольно в его реальность. Не менее типична и фигура Леоны, управляющего в доме Дионисия и его доверенного слуги. Картина простого, но сытного, исполненного тишины и довольства, очередного обеда, предлагаемого Леонкой разбойнику Ферону, которого Леона ошибочно принимает за странствующего купца, разъезжающего со своими товарами, их взаимный обмен любезностями, тематика их мирной беседы и мелкие, автором этой сцены очень умело подчеркнутые, психологические детали.

характеризующие внутренний облик взаимно чрезвычайно контрастных фигур Ферона и Леоны, — все это полно опять-таки абсолютно жизненной, ничем не прикрашенной правды. Отношение романиста к объектам даваемого им художественного изображения весьма показательны: в трактовке фигур рабынь и рабов писатель совершенно далек от гротеска, столь обычного, например, при изображении рабов и рабынь у Менандра и у других поэтов новой комедии.

В рабе, как и в свободном, Харитон усматривает прежде всего человека. Разница между тем и другим — для него разница лишь социальная: один пользуется свободой, а другой ее не имеет. Но они оба люди, причем раб нередко оказывается у него поступающим справедливее, лучше, чем социально стоящий над ним свободный. Иначе говоря, социальные грани, отделяющие раба от свободного, в моральном плане стираются. Особенно ясным становится это в тех случаях, когда герой романа, бывший в начале повествования человеком свободным, затем попадает в рабство: Каллироя и в рабстве продолжает оставаться все тем же добрым, тем же прекрасным, высокого благородства человеком, каким она была и до того, как лишилась свободы. Подобно этому и проданный в рабство Херей, работающий в кандалах и подвергающийся унижающим его человеческое достоинство побоям, нисколько от того не утрачивает своей нравственной красоты. На фоне таких настроений становится тем понятнее возвращающаяся не раз на протяжении романа мысль о том, каким страшным горем, каким невыразимо ужасным несчастьем является для свободного человека утрата свободы.

4

Форма романа условна. Условна, прежде всего, его топика, согласно которой в сюжет почти каждого романа вводятся фигуры разбойников, эпизоды похищения, мнимой смерти, путешествия по морю и т. д. Условна и общая линия фабулы: раз-

лука влюбленных, скитания их и встреча. Условны в нем и некоторые речевые приемы, например, особая риторическая фигура ассонанса слов, чаще всего в патетических местах текста: автором подбираются слова, по возможности, небольшой протяженности и располагаются одно к другому в порядке смысловой антитезы, подчеркиваемой созвучием конечных частей каждой антитетической пары. Образцы подобного построения речи можно найти у всех романистов. Так, у Харитона (III, 8): «И умирала, и оживала я, и у разбойников побывала я, и в изгнании, продана была я и в рабство». Или другой пример (VIII, 4): «Кто смог бы описать этот день, в который произошло столько разнообразных событий, когда люди молились и уговаривались, радовались и печалились, давали поручение друг другу и писали домой?». Подобно этому, и у Апулея («Золотой осел», V, 21) колебания робкой Психеи и противоречивые чувства, ее волнующие, передаются аналогичным приемом речи: «Спешит, откладывает, дерзает, трепещет, отчаивается, гневается и, наконец, в одном и том же теле ненавидит чудовище и любит мужа».¹ Условен даже и такой, вообще для любовного сюжета столь важный, момент, как зарождение в герое и героине чувства любви друг к другу: неизменно изображается, как исключительной силы любовь вспыхивает в них мгновенно при первой же встрече друг с другом. Этот мотив мгновенной влюбленности при одном только взгляде на красавицу или красавца, как известно, типичен и для александрийской поэзии. Слова Симефы во 2-й идиллии Феокрита (ст. 82) — «как увидела я, так и сошла сейчас же с ума» — имеют, можно смело сказать, значение формулы, действительной и в применении к греческому роману. Этой же формуле верен и Харитон в первой главе первой книги повествования. То же и у Ахилла Татия («Левкиппа и Клитопонт», I, 4). Момент зарождения любви в сердце юного Клитопонта при первой встрече с Левкиппой описывается у него в следующих

¹ Перевод М. Кузьмина.

выражениях: «Как только я увидел ее, тотчас же погиб, ибо красота ранит острее стрелы и струится в душу через глаза: глаза — путь для любовного ранения. Что только не охватило меня сразу! Восхищение, изумление, дрожь, стыд, дерзновение. Я величием восхищался, красоте изумлялся, содрогался сердцем, дерзновенно смотрел, стыдился своего плена. Я изо всех сил старался оттянуть свои глаза от девушки, а они не хотели и тянулись к ней, канатом красоты притянутые, и, наконец, победа досталась им».

Форма романа, конечно, полна многочисленных и многообразных условностей, исторические корни которых разнообразны и ведут за собой исследователя иногда в глубочайшую даль веков. Так, один из основных моментов сюжета, эффективно влияющий на движение повествования, мотив гнева обиженного божества (*offensum numen*), в романе чаще всего принимающий форму гнева богини любви Афродиты, преследующей героев за причиненную ей обиду, или гнева жестокой, а нередко и несправедливой Судьбы, принадлежат к числу очень древних: достаточно вспомнить «Одиссею», герой которой, доблестный Одиссей, безжалостно гоним в поэме гневом Посейдона.

Но историческое значение античного романа, его социальный смысл, лежит, понятно, не в этих традиционных условностях его речевой и сюжетной формы, а во внутренней его целеустремленности, в частности же в новом отношении к человеку, внутренний, психический мир которого автору представляется интересным не только у свободного, но и у раба.

Было бы, разумеется, наивной ошибкой думать, будто роман в какой-то мере стремится отменить самый институт рабства. Но оказываемое античным романом внимание внутреннему миру человека, моральная ценность которого не стирается рабским его состоянием, без сомнения, заслуживает быть отмеченным. Мысль о возможности построения общества на каких-то иных, не рабовладельческих началах ни Харитону, ни другим греческим романистам еще не приходит в голову. Само по себе, однако, явление рабства уже с полной определенностью расце-

нивается ими как нечто отрицательное. Но ближайшие цели романа лежат не в плоскости политических вопросов, а в области морали: основное его содержание, в сущности, состоит в изображении стойкости чувств героя и героини и в показе идеализованной картины их взаимной глубокой, здоровой и чистой любви. Чувственных сцен роман этого типа чуждается и старательно выдерживает всяческую пристойность. Вполне справедливо поэтому автор русского перевода повести Харитона, Иван Акимов, живший в середине XVIII в., говорил в предисловии к выпускаемой им книге, что «молодые люди для препровождения праздного времени без всякого соблазна читать ее могут».¹

И герой, и героиня оба отличаются всегда высокой нравственностью. Описание их в значительной степени трафаретно: и она, и он знатного происхождения, оба молоды и неземной, божественной красоты. Особо подчеркивается автором чистота героев, не только девушки, но и юноши: до законного их союза юноша не знал других женщин, как и девушка до этого не знала других мужчин. Все это литературный трафарет. Но по мере развертывания событий фигуры героев становятся все более и более жизненными. Следует заметить, что предьявляемое традицией романа к основным его персонажам требование чистоты никогда не переходит в формальную догму: жестокая жизнь иной раз заставляет героиню в период ее разлуки с героем вступить в брак с другим человеком, как рассказывается об этом, между прочим, и у Харитона, а в других случаях злая судьба бросает героя в объятия чужой женщины, как видим мы это у Ахилла Татия. Но этому другому мужчине или этой другой женщине герой или героиня принадлежат лишь физически, морально же в чувстве любви герой и героиня даже и тут остаются верны друг другу. Наиболее полное выражение момента чистоты обоих героев находим мы в романе Гелиодора,

¹ Похождения Херея и Каллирои, сочиненное на греческом языке Харитоном Афродисийским, с немецкого на российской переведенное Иваном Акимовым. В Санкт-Петербурге 1763 года.

где герой и героиня остаются верными друг другу вплоть до окончания повести.

Суть античного романа разбираемого типа, разумеется, не в приключениях: приключенчество — это только одно из старых, давно испытанных литературных средств, сообщающих рассказу большую занимательность. Суть дела не в приключенчестве, а в показе прекрасных «деяний», источником которых является моральная чистота мужчины и женщины, беззаветно друг друга любящих. Прилагать к такого рода роману, в качестве ближайшей его характеристики, термин «приключенческий», как это нередко делается в западноевропейском литературоведении, столь же неправильно, как неправильно обозначать его и термином «эротический». Не отвечающие истинному содержанию таких повестей, оба эти определения очень узки и крайне формальны, а потому и ошибочны. Верность в любви — вот основная тема этого жанра литературы. В тех случаях, когда в фабулу романа вводится, как это имеет место, между прочим, и у Харитона, добавочный персонаж, друг и помощник героя, — сюжет получает, рядом с главной темой постоянства в любви, еще дополнительную тему преданной дружбы.

Однако и верность любящего, и преданность друга приводят к благу только тогда, когда люди поступают разумно: слепое подчинение аффекту неизбежно влечет за собой роковые последствия. Так, причиной всех бедствий, какие пришлось пережить и Херею, и Каллирое, была безумная ревность героя, за которую герой жестоко и поплатился. Отсюда получает свое логическое обоснование и та высокая оценка, какая дается романом хорошему воспитанию: кроме природных положительных качеств, величайшее значение в жизни имеет для человека полученное им в юности воспитание, по-гречески «пайдэя». И вот, всматриваясь каждый раз ближе в смысл того контекста, в каком термин «воспитание» употребляется Харитоном, мы вскоре же убеждаемся, что термин этот характеризует у него не столько начитанность человека и широту его знаний, сколько его душевную выносливость, его выдержку, т. е. выработанное

в нем путем воспитания уметь владеть собой, а не отдаваться аффектам, и волю свою подчинять рассудку. Вспомним, что в рабовладельческом обществе судьба человека, в условиях его рабского состояния, целиком зависела от произвола хозяина. Вот почему призыв Харитона к выдержке, самообладанию и гуманности, направляемый, несомненно, к господствующей верхушке, должен был, конечно, встречать живой отклик и в специфическом читателе, т. е. в тех читателях из низшего круга, в особенности в рабах, в расчете на которых и строил Харитон свою повесть.

Античные романы типа нравственной повести Харитона увлекали читателя, разумеется, не одним лишь изображением моральной высоты героя и героини, всегда неизбежно в значительной степени идеализованным; увлекали они и силой очень тонко проводимого психологизма, особенно убедительного в трактовке фигур, стоявших рядом с обоими главными персонажами. С глубоким знанием человеческой психики, правдиво развертывает перед читателем Харитон, например, мучительные переживания соперника главного героя романа, Дионисия, безнадежно влюбившегося в свою невольницу, со стороны которой он не может добиться ответного чувства. Влиятельному гражданину Милета, первому лицу малоазийской Ионии, Дионисию, могущественному рабовладельцу, ничего не стоило бы приказать рабыне, красота которой так ему приглянулась, разделить с ним ложе. Именно это и советует ему сделать его доверенный раб. Но Дионисий считает подобный акт низким, для него нравственно недопустимым: в принадлежавшей ему невольнице он видит и уважает достоинство человека и решительно отвергает насилие, тщетно надеясь, что, может быть, и она вдруг его полюбит. Когда же он окончательно убеждается, что надежды его напрасны, то, не будучи в состоянии побороть свою страсть, он идет на самоубийство: лучше смерть, чем насилие над женщиной, которую искренне, глубоко, по-настоящему, честный мужчина любит. Перед мысленным взором читателя Харитон проводит все последовательные этапы мучительной внутренней

борьбы Дионисия с самим собой перед судом совести, и читатель, современный Харитону, должен был в конце концов прийти к важному выводу, что перед силой такой любви, как любовь Дионисия, становится безразличным, кто она, эта женщина, — свободная ли, или невольница.

Психические переживания человека, и не только персонажей первого плана, но часто и лиц второстепенных, получают у Харитона очень жизненное выражение. С большим художественным тактом вводятся им кое-где в даваемую им картину мелкие бытовые подробности, усиливающие впечатление близости ее к реальности. А в то же время автор странным образом, будто скованный какой-то непреложной традицией, вводит в свое повествование множество нереальных, невероятных, гиперболических положений: потрясенная красотой героини толпа народа, перед которой неожиданно та показывается, становится на колени, а Дионисий, при первой встрече с Каллироей у храма Афродиты, не сомневается, что это ему, в виде особой милости, явила себя сама богиня. Отводящий далеко от реальности гиперболизм иных из положений, даваемых в романе, и глубокий психологизм ряда других, подлинно художественных картин — таково характерное для этого рода повествований сочетание противоположностей, казалось бы, несоединимых. Принадлежа, впрочем, переходной эпохе, античный роман описываемого нами типа заключает в себе не это одно, но множество и других противоречий; перед нами, иначе говоря, литературный жанр, как бы вобравший в себя два различных мира: старый мир, с его частью еще крепкими, а частью уже обветшалыми представлениями и навыками, и чуждый ему мир новый. И, пожалуй, одной из самых ярких примет новизны в идеологическом составе античного романа следует признать просвечивающее в нем с большой четкостью безусловно новое, по сравнению с прошлым, отношение к человеку, новое на него воззрение, согласно которому моральная ценность личности стоит вне зависимости от его социального положения. Исторически важным античный роман данного типа и оказывался именно этим новым

своим идеологическим содержанием, а вовсе не пережиточными условностями сюжетной и речевой формы. Жизненно здоровым элементом романа, исторической его силой оказывалась, конечно, не его топика, а его новая идеология, новые вкладывавшиеся в него настроения, шедшие явно вразрез с начинавшими к тому времени основательно уже изнашиваться древними принципами античного рабовладения.

Перед советским исследователем античной литературы стоит интереснейшая задача всестороннего обследования идеологии позднеантичной повести с целью определить в ней отображение тех больших сдвигов, какие происходили тогда в сознании основных классов рабовладельческого античного мира накануне его крушения.

Повесть Харитона разнообразием своего содержания и яркой живописностью не только заинтересует широкие круги советских читателей, но, кроме того, даст советским ученым, историкам древности и филологам-литературоведам, богатый материал ценных историко-литературных фактов.

Дать точный русский перевод Харитона и притом такой, который был бы и со стороны издания самого текста научно оправдан средствами текстологического аппарата, — такова одна из ближайших целей сделанной мною работы.

Ив. Толстой.

КРАТКИЙ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Несколько вводных замечаний

В отличие от множества других текстов античных писателей, рукописное предание которых обычно покоится на ряде средневековых, иногда очень многочисленных, списков, то в большей, то в меньшей степени отклоняющихся один от другого, текст повести Харитона дошел до нас в единственной, ныне хранящейся во Флоренции, рукописи XIII или XIV в. (codex Florentinus 627). Вплоть до середины XVIII в. рукопись эта оставалась, однако же, не известна ученому миру, и первое ее печатное издание вышло в свет только в 1750 г. За четверть века до этого, а именно в 1725 г., на флорентийскую рукопись интересного содержания обратил свое внимание итальянский ученый Сальвини, который ее и переписал. Работу свою Сальвини до печатного станка, впрочем, не довел. Она осталась лежать без движения, но флорентийская рукопись, рассказывавшая о любви Херея и Каллирои, стала таким путем известна ученым, и года через два после работы Сальвини ее вновь переписал другой итальянский филолог, Антоний Кокки (Cocchi), передавший затем свою копию голландскому ученому Дорвилю (J. P. D'Orville), который совместно с немецким филологом Рейске (Reiske) и подготовил ее, наконец, к изданию, вскоре же напечатанному в 1750 г. в Амстердаме. Греческий текст Харитона Рейске снабдил весьма точным латинским перево-

дом и обильнейшим филологическим комментарием, опять-таки на латинском, по обычаю того времени, языке.

Публикация Дорвиля является первым печатным изданием (*editio princeps*) повести Харитона. Издание это, несомненно, имело успех, так как спустя тридцать лет после его выхода оно было повторено Христианом Бекком, значительно расширившим комментарий. Это второе издание вышло в Лейпциге в 1783 г.¹

Наиболее важным моментом в истории дальнейшего изучения текста флорентийской рукописи следует, безусловно, признать работу над ней одного из виднейших голландских филологов первой половины XIX в., Кобета, в 1842 г. внимательно проверившего непосредственно по самой флорентийской рукописи чтения и конъектуры ученых, зафиксированные ими как в первом, так и во втором дорвилиевском издании. Печатно колляция Кобета не была, к сожалению, опубликована, в рукописном же виде она хранится в настоящее время в городе Лейдене.² Весь материал своей сверки Кобет передал целиком Гиршигу (*Hirschig*), готовившему тогда новое издание текста Харитона для парижского издательства Дидо (*Didot*), в котором оно и вышло потом в 1856 г. Затем, через три года, в 1859 г., лейпцигская издательская фирма Тейбнера, в свою очередь, выпустила текст Харитона, подготовленный к печати Герхером.³ Необходимо, впрочем, заметить, что, готовя свои издания, и Гиршиг, и Герхер в критическом анализе текста исходили оба из соображений лишь общего порядка, совершенно не обращаясь к изучению самой рукописи, и именно в этом-то и заключался главный порок их работы, неизбежно делавший многие из их выводов и предположений малонадежными, шаткими.

¹ *Charitonis Aphrodisiensis de Chaerea et Callirhoe amatoriarum narrationum libri VIII. Graece et Latine Jacobus Philippus d'Orville publicavit animadversionesque adiecit. Johannes Jacobus Reiske latine vertit. Editio altera emendationibus virorum doctorum adiectis auctior. Lipsiae, 1783.*

² *C. G. Cobet. Collatio manuscripta codicis Florentini, Lugduni Batavorum, 1843.*

³ *Scriptores Erotici. Lipsiae, v. II, 1859.*

В 1938 г. в Оксфорде вышло выполненное филологом Блэком новейшее издание повести, в котором были учтены и ошибки и достоинства всех предшествующих публикаций.¹

Блэк имел возможность привлечь к изданию Харитона и небольшие *папирусные* отрывки. Впрочем, еще до открытия этих последних найдены были в 1898 г. в Египте, близ древних Фив, несколько *пергаменных* листков VI или VII в. н. э., оказавшихся при их ближайшем обследовании отрывками текста из заключительной части повести Харитона, приблизительно с середины пятой главы восьмой книги по первый абзац седьмой главы той же книги включительно. Пергаменные листки этого фиванского отрывка, обнаружившего значительные отклонения от текста флорентийской рукописи, к сожалению, все целиком случайно погибли в огне пожара. Сохранилась лишь копия половины текста, снятая с него Ульрихом Вилькеном для своей исследовательской статьи, которая и была им потом напечатана.²

Гораздо ближе к тексту флорентийской рукописи стоят оба *папирусных* фрагмента: фаюмский и оксиринхский. Фаюмский принадлежит II в. н. э., оксиринхский — II или, может быть, III в. н. э. Фаюмский фрагмент³ сохранил отрывок из четвертой книги, а именно почти всю вторую главу и начало третьей. Оксиринхский⁴ дает отрывок из второй книги, со второй половины третьей главы до начальной части главы четвертой. Находка этих папирусных отрывков представляет большую научную важность как для истории текста повести Харитона, так и для решения ряда вопросов литературоведческих. С одной стороны, папирусы убедительно подкрепили

¹ Charitonis Aphrodisiensis de Chaerea et Callirhoe amatoriarum narrationum libri octo. Recensuit et emendavit Warren E. Blake, ph. d. (Harvard). Oxonii e typographeo Clarendoniano. 1938.

² U. Wilcken. Eine Romanhandschrift. Archiv für Papyrusforschung, 1901, I.

³ Grenfell, Hunt, Hogarth. Fayûm Towns and their Papyri. London, 1900, № 1.

⁴ Grenfell and Hunt. Oxyrhynchus Papyri. 1910, VII, № 1019.

авторитет флорентийской рукописи, текст которой, там, где имеется теперь параллельный папирусный текст, оказался, за исключением мелочей, совпадающим с текстом папирусов II и III вв. н. э. С другой стороны, палеография фаюмского фрагмента заставила коренным образом пересмотреть сравнительную хронологию античного романа как жанра. До находки фаюмского папируса повесть Харитона обычно считали одним из наиболее поздних произведений античной повествовательной литературы любовного содержания. Принадлежащий II в. фаюмский папирус показал ошибочность такого воззрения. Ясно стало, что сохраненная нам флорентийской рукописью под именем Харитона повесть о Херее и Каллирое является, наоборот, одним из наиболее ранних романов античности и что написана она была никак не позднее конца I в. н. э.

При издании нашего перевода мы положили в основу публикацию Блэка, но принять полностью его редакцию текста со всеми его конъектурами и «исправлениями» мы не могли: слишком многое у него со стороны его эмендации представлялось нам спорным. Расходились мы с ним нередко и в выборе чужих поправок. Мне казалось поэтому целесообразным снабдить свой перевод кратким текстологическим комментарием, который указывал бы читателю-филологу, какой именно редакции греческого текста, особенно в сомнительных случаях, следовал я каждый раз при передаче его на русский язык.

Комментарий

Книга I

8, 11* красота встретилась здесь с благородством. Переведен только общий смысл предложения, текст которого поврежден. Надо заметить, что первая половина всей этой начальной главы романа дошла до нас очень плохо, с лакунами, не всегда поддающимися восстановлению.

* Здесь, как и в дальнейшем, первая цифра означает страницу, вторая, набранная курсивом, — строку сверху.

15, 30 я обесчестил народ. Дословно: «я отнял у народа его венок».

18, 15 перестань уговаривать. Принимаю дополнение Герхера παῖσαι. . . (ἀναπέθων).

19, 24 следующим образом. Принимаем необходимое, внесенное в текст рукописи еще в начале XVIII в. Антонием Сальвини, дополненное «τὸν τρόπον» τοῦτον.

20, 10 мертвецом хуже самой покойницы. Дословно: «более мертвым, чем сама покойница».

22, 19 Да и жизнь ведем мы не безопасную. Смысловая связь этой фразы с контекстом недостаточно ясна. Блэк поэтому пробует переместить ее, вставляя в речь второго разбойника после слов последнего «не помилуют грабителей могил, разъезжающих с грузом, который их избличает». Мы сохраняем за ней то место, на каком читается она во флорентийской рукописи.

22, 27 для других. Вопреки Блэку, следовавшему здесь за Герхером, сохраняю рукописное чтение ἄλλοις, не меняя его на ἄλλως.

23, 2 свободной. Такой смысл имеет тут выражение εὐγενῆ. Дословно: «благородного происхождения», «благородной».

24, 27 мучаясь. Сохраняю рукописное ἄλλω.

25, 12 А как зовут тебя? Перед этой фразой в тексте флорентийской рукописи стоит имя спрашивающего «Ферон» (Φήρων), подлежащее, конечно, устранению, так как еще Дорвиль справедливо усмотрел здесь типичную маргиналию, отметку на полях, перенесенную затем переписчиком в самый текст. «Est nota librarii, personam loquentem indicantis» (d'Orville).

27, 15 Ведь она уже знала. Принимаю вслед за Блэком старую поправку Герхера ἤδη («уже»), взамен рукописного ἥδε («она же»).

28, 31 оставшись, наконец, одна. Принимаю исправление, которое в XVIII в. предложил Абреш (Abresch): ἤδη (дословно: «уже»), взамен рукописного ἥδε («эта»).

29, 1 А здесь кого же позвать мне? Следую чтению флорентийской рукописи τίνα δὲ ἐπιζητᾷ καλεῖσθαι; после этой фразы Florentinus дает загадочное слово γινώσκεις «знаешь», семантически плохо увязываемое с контекстом. Блэк предлагает конъектуру, пробуя заменить здесь глагол прилагательным и полагая, что γινώσκεις является искажением слова γινώσκων: «какого же здесь позову я знакомого?». Мы в нашем переводе это явно испорченное слово нашли за лучшее просто выпустить, воздержавшись от каких бы то ни было конъектур.

29, 16 сл. Поистине ты погиб для меня, Херей, отделенный от меня таким огромным морским пространством. Смысл этой фразы многим издателям кажется непонятным ввиду следующей за ней новой фразы. Херей плачет на родине, сидя у могилы Каллирои, а тут Каллироя вдруг

заявляет, что Херей от горя погиб. На этом основании предлагались многочисленные изменения текста, в результате которых выросла и та редакция, которая была предложена Блэком: «поистине я погибла для тебя, Херей, разлученная с тобой таким огромным морским пространством». Подобного рода редакция существенно меняет весь смысл фразы: погиб не он, а она, не Херей, а Каллироя. Спрашивается, законно ли прибегать к столь радикальным и столь произвольным изменениям текста? Вряд ли. Мы сохраняем чтение флорентийской рукописи, полагая, что никакого внутреннего противоречия между смыслом этой и следующей за ней фразы нет. Взамен конъектуры Циммермана «свой» (σοι) я предлагаю собственную «мой» (μοι, «для меня»).

Книга II

32, 23 красавицей, и красавицей знаменитой, была наша госпожа. Принимаю дополнение ἦν («была»), которое в середине XVIII в. предложил ввести в текст Абреш.

34, 25 Заслышав шаги. Здесь начинается текст оксиринхского папируса.

36, 6 сл. Он знал, что ему не заснуть. На слове «знал» кончается текст оксиринхского папируса.

37, 2 Ты погиб, Леона! Сохраняю рукописное чтение ἀπόλωλας. Дионисий хочет этим сказать — «ты погубил себя, Леона, потому что ты виновник всех моих бед». Произвольно менять второе лицо на первое, «погиб я у тебя, Леона» (ἀπόλωλά σοι, ὦ Λεωνῆ), как это недавно предлагалось Циммерманом и встретило поддержку со стороны Блэка, я считаю неправильным.

45, 20 Нечестивая! Флорентийская рукопись дает чтение πασῶν ἀσεβείων, в какой-то мере явно испорченное: форма ἀσεβείων в греческом языке не встречается, но это еще не дает издателю право выбрасывать ее из текста. Вряд ли также имеются основания принимать ученую, но очень искусственную, на мой взгляд, конъектуру Блэка Ἰζῶν ἀσελγάινει («Язон распутничает»). Думаю, правы были филологи XVIII в. Дорвиль и Рейске, заподозрившие, независимо один от другого, в слове ἀσεβείων порчу, выросшую из прилагательного ἀσεβεῖσθαι, сокращенно отмеченного условной сиглой превосходной степени над последним слогом, которую переписчик не разобрал. Смысл слова, во всяком случае, совершенно ясен.

45, 19 неужели же следуешь ты примеру Медеи. Дословно: «следуешь ты рассуждению Медеи» (καὶ Μηδείας λαμβάνεις λογισμῶς).

49, 16 Доверься характеру Дионисия. Сохраняю рукописное чтение imperativus πίστευε «Crede modo Dionisii indoli» (Reiske), считая ненужной предлагаемую Абрешом и Блэком замену повелительного наклонения изъявительным (πιστεύω).

49, 18 сл. В свою очередь, доченька, положишь и ты на меня. Сохраняю и тут рукописное чтение καὶ σύ, τέχνην, ὅμως ἀντιπίστευσον, считая смысл этого текста совершенно ясным и не требующим никаких конъектур.

Книга III

51, 1 сл. Прошла слезы и Каллироя, когда услышала о случившемся. Текст следующей за этим предложением фразы безнадежно испорчен. Попытки исправить его были малоудачны. Блэк берет эту фразу в крестики. Поскольку она ничего нового в понимание смысла как предшествующей, так и последующей фразы не вносит («оплакивала Дионисия и Каллироя» — таково основное ее содержание), мы решили выпустить ее из нашего перевода.

51, 35 Плангонион (Πλαγγόνιον) греческая форма уменьшительного к имени собственному Плангона (Πλαγγών): Плангоночка.

54, 9 Знатный. По-гречески «Дόκιμος» (Δόκιμος).

61, 7 выступить. Дословно: «спуститься» (καταβῆναι), т. е. спуститься к трибуне, помещавшейся внизу амфитеатра, на одном из кресел или скамей которого и сидел рыбак во время собрания.

63, 12 в море, по которому ты поплывешь (дословно: «плывешь»). Сохраняю чтение флорентийской рукописи: ἦν τὸ πλέεις, mare, quod tu navigas (Reiske).

68, 5 К прибытию их в селенье. Дословно: «Когда прибыли они в деревню» (εἰς τὸν ἄγρῶν).

68, 28 пригласила пройти на виллу. Отказываясь от конъектуры Рейске, принимаемой Блэком, προσέτεμψεν («проводила»), сохраняю чтение флорентийской рукописи ἀπέστειλεν (собственно «отослала»).

69, 3 Возрадуется и дед. Флорентийская рукопись дает чтение «возрадуется и отец», но последнее противоречит фабуле. Принимаю поэтому вслед за Блэком поправку, которую в начале нашего века (в 1903 г.) предложил Якоб (Jakob).

71, 23 сл. Будто темное облако сошло с души Дионисия. Отказываясь от конъектур, сохраняю текст флорентийской рукописи, — правда, он не вполне исправен, но его смысл совершенно ясен.

72, 6 Затем он созвал крестьян. Перед словом «крестьян» в тексте флорентийской рукописи стоит причастие πεσθέντα, «убежденного», ни с чем не согласованное («sensu vacuо», Blake). Дорвиль пробовал

дать форму множественного («убежденных»), с большой натяжкой предлагая понимать это выражение в смысле «подученных» Фокой («*instrutos... a Phoca*»); Рейске предлагает следующий свободный перевод этого места: «*tum rusticos rerum gnaros advocat*». Мы предпочли выпустить это испорченное слово из текста нашего перевода.

Книга IV

77, 4 сл. радостно взвалив на себя, ради спасения друга, значительнейшую часть труда. С этого места начинается текст фаюмского папируса, существенно корректирующий иногда чтения флорентийской рукописи.

77, 9 сл. нес он в своей душе мучительно-жгучую рану. В переводе «жгучую» следуя чтению фаюмского папируса *δρμύ*. Флорентийская рукопись дает другое чтение: *γλυκύ*, т. е. «сладкую» (рану).

77, 16 сторожевые собаки. В противоположность Блэку, который следует здесь конъектуре старого голландского филолога Кобета *υλάτσαντες* («лаявшие»), сохраняю чтение флорентийской рукописи *φυλάτσαντες*.

77, 18 сл. доложил о происшедшем Митридату. Фаюмский папирус дает чтение «Митридату» (*[μι]θριδάτη*), флорентийская рукопись — «хозяину» (*τῷ δεσπότη*).

79, 25 и продали ее в Ионию. Фаюмский папирусный отрывок кончается на этой фразе.

80, 12 Посланные нашли остальных уже убитыми. Сохраняю чтение флорентийской рукописи *ἀνθρημένους* («убитыми»). Блэк принимает конъектуру Набера *ἀνθρημένους* («повешенными»). Исправление Набера, безусловно, заслуживает внимания: поскольку речь идет здесь о крестной казни, то слова «нашли остальных уже распятыми», конечно, лучше передают изображаемую ситуацию, так как смерть на кресте наступала не скоро, а Херея поднимали на крест почти непосредственно после того, как были распяты остальные. Но по существу смысл не страдает и при рукописном чтении. Поэтому-то мы и решили его сохранить.

81, 24 ушел на покой в свою обычную комнату. Принимаю поправку Кобета *ἐνθάτερ* («где») вместо рукописного *καθάτερ* («как»). Дословно: «покоился там, где (покоиться) был у него обычай».

82, 20 сл. Но, по сравнению с предстоящим, то, что ты тогда пережил, покажется тебе лаской. После этой фразы в тексте флорентийской рукописи читаются атетируемые Герхером, а вслед за ним и другими издателями, кроме Дорвиля, загадочные слова «тогда был Милет» (*τότε Μίλητος ἦν*), очень похожие на маргиналию. Со смыслом предшествующего им и последующего вяжутся они довольно плохо, вследствие чего мы и решили выключить их из текста нашего русского перевода.

87, 9 сл. такие советники, как мрак и уединение. Текст этой фразы поврежден. Дословно во флорентийской рукописи читается: «итак, ставшие советниками и мрак в уединении заставляли вспоминать». Сказуемое стоит здесь в форме множественного числа (заставляли вспоминать), а подлежащее (мрак) в единственном. Перед союзом «и» (перед «и мрак») имеется во флорентийской рукописи лакуна размером в две буквы. Дорвиль предлагал ее дополнять словом οἶνος («вино»): «итак, ставшие советниками вино и мрак в уединении». Конъектура Дорвиля принята была Блэком, но она может встретить, думается, серьезные возражения: во-первых, слово οἶνος не укладывается в лакуну в две буквы, даже если оно будет написано с сокращением, а во-вторых, в тексте этой главы романа не содержится никаких указаний на то, что царь пил на ночь вино. Нет в ней и упоминаний о пиршестве: в день, предшествовавший этой ночи, у царя происходило только совещание с приближенными. Я счел возможным по этому сохранить текст таким, каким мы находим его во флорентийской рукописи.

87, 29 оставаясь здесь. Слово «здесь» (ἐνθάδε), взамен испорченного чтения флорентийской рукописи τοι ἄδε, правильно предложено было Кобетом.

87, 30 а стратеги у него плохие. Слово «плохие» (φαύλους) вставлено в текст Дорвилем. Флорентийская рукопись дает в этом месте лакуну в пять, примерно, или шесть букв, в которую предложенное им существительное как раз и укладывается.

Книга V

92, 26 Я как на огне. Отвергая конъектуру Гиршига κρίνομαι, сохраняю рукописное чтение καίωμαι («я как на огне»), дословно: «горю», «пылаю».

99, 12 притчей стала я. Словом «притчей» передал я здесь греческое выражение διήγημα («повествование»); «fabula evasi» (Reiske).

100, 11 перед старцами Трои. Дословно: «перед народными старцами» («демосгеронтами»). См. прим. 146 к этому месту.

100, 27 значению брачных уз. Дословно: «браку».

101, 29 сл. поставила в твоём лице достойнейшего царя. Отказываясь от дополнения, предлагаемого Блэком, βασκανίχ, сохраняю рукописное чтение и принимаю простую поправку Рейске σε вместо σή.

103, 22 сл. запой песню на новый лад. Дословно: «произнеси палиодию».

104, 11 Явись ко мне, добрый гений. Дословно: «явись ко мне, доброе божество», «добрый демон» (ἀγαθὸς δαίμων) — сакральный эпитет,

вередко применявшийся древними к особо чтимым покойникам. См. прим. 131.

104, 20 в точности. Собственно: «достойно», «по достоинству» (κατ' ἄξιαν), «так, как это стоило, заслуживало бы».

104, 21 столь необыкновенный сюжет. Дословно: «миф» (μῦθος). Харитон имеет в виду греческую трагедию, сюжетами которой неизменно бывали лишь мифы. Отсюда наше понятие «сюжет» передается по-гречески словом «миф».

105, 23 открыл совещание с приближенными. Дословно: «начал совещаться с друзьями».

107, 26 в нашем распоряжении имеются четыре дня. Флорентийская рукопись дает чтение: «мы же имеем дни» (ἔχομεν δὲ ἡμέρας). Непонятная, лишняя здесь частица «же» (δὲ) явилась тут, очевидно, следствием невнимательности писца, который не разобрал числового знака δ, т. е. «четыре» (τέσσαρας). Первым, кто высказал такое предположение, был Рейске.

108, 2 А на вопрос царя. Сохраняю чтение флорентийской рукописи τυθόμενος δὲ τοῦ βασιλέως, которое вполне соответствует ходу повествования: готовясь к новому заседанию суда, царь осведомляется у Каллирои, кого же из двух желает она иметь мужем, Дионисия или Херея. Блэк почему-то находит нужным изменять это рукописное чтение, считаемое им, без достаточных, на мой взгляд, к тому оснований, испорченным, и вкладывает вопрос не в уста царя, а в уста царицы. Он предлагает читать τυθόμενης δὲ τῆς βασιλίδος, т. е. «на вопрос царицы».

108, 11 радостью отцовства. Вольный перевод по смыслу. Дословно: «благодарностью детей» (τεχνῶν εὐεργεσία). Текст явно искажен: Рейске «affectio in liberos benefica».

108, 15 Часто поэтому вдруг восклицал он. Сохраняю рукописное чтение ξαίφνης («вдруг»), отказываясь от излишней, как мне кажется, конъектуры Блэка ἐξαφθίς («воспламененный»).

109, 7 сл. никто не пропускает нас во дворец. Сохраняю чтение флорентийской рукописи ἡμᾶς («нас»): Дионисий как бы слышит мысленно ответ воспитателя. Переделывать «нас» на «вас» («ὕμᾶς») представляется нецелесообразным.

109, 34 И муж и ребенок. Вижу, скажи, ныне и т. д. Глагол «вижу» Блэк относит к словам надгробной надписи «и муж, и ребенок». Каллироя, так поясняет Блэк, как бы подошла к надгробной стеле и читает вслух воображаемую надпись на этой стеле (sepulcri titulum): «муж и ребенок». Против такого рода интерпретации говорит, однако же, так думается мне, то обстоятельство, что в романе Харитона нет речи о смерти ребенка. Ребенок Каллирои жив, о чем только что сообщалось

читателю в этой же, десятой главе. Фраза Херея остается, таким образом, загадочной: перед нами, несомненно, какая-то порча текста.

110, 7 ты моя защитница. Текст испорчен. Принимаю дополнение Кокки $\sigma\upsilon\eta\kappa\upsilon\rho\omicron\varsigma$. Во флорентийской рукописи имеется после этого слова лакуна в семь или восемь букв.

110, 8 сл. Ты меня любишь сильнее, чем Каллироя. Чтение «любишь» ($\acute{\epsilon}\sigma\tau\acute{\epsilon}\rho\eta\varsigma\alpha\varsigma$, «возлюбила») предложил Дорвиль в исправление непонятого в данном случае рукописного $\acute{\epsilon}\sigma\tau\acute{\epsilon}\rho\eta\varsigma\alpha\varsigma$ («ты лишила»).

Книга VI

111, 13 сл. не соблазнял он ее, но и не женился на ней. Перевод «не соблазнял» покоится на конькюре Блэка $\acute{\epsilon}\pi\epsilon\iota\sigma\epsilon\nu$ (дословно: «угворил»), предложенной им в исправление испорченного чтения флорентийской рукописи $\acute{\epsilon}\pi\rho\alpha\sigma\epsilon\nu$.

115, 3 и оторвал меня от прекрасной спутницы. Дословно: «и лишил меня прекрасного совместного путешествия».

115, 9 не услышал бы я. Принимаю исправление Бекка, предложенное последним в конце XVIII в., — «я бы не услышал» ($\langle\sigma\upsilon\upsilon\rangle$ $\eta\chi\omicron\upsilon\sigma'$ $\langle\lambda\upsilon\rangle$) взамен рукописного «я услышал» ($\eta\chi\omicron\upsilon\sigma\alpha$).

115, 26 Боюсь, не заговор ли какой. После этой фразы имеется во флорентийской рукописи небольшая, в несколько букв, лакуна.

116, 25 сказку. Дословно: «миф». Греческое слово $\mu\upsilon\theta\omicron\varsigma$ ($\mu\upsilon\theta\omicron\varsigma$) одинаково передавало оба понятия: и понятие «миф», и понятие «сказка».

117, 28 китайское драгоценнейшее изделие. Дословно: «драгоценнейшее изделие серов» ($\Sigma\eta\rho\acute{\omega}\nu \acute{\epsilon}\rho\gamma\omicron\nu \rho\omicron\lambda\upsilon\tau\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\beta\alpha\tau\omicron\nu$) «Sericum opus pretiosissimum» (Reiske).

119, 7 сл. большую услугу. Переведено по смыслу. Рукописное чтение здесь испорчено.

121, 7 воспитанный в условиях великого произвола. Дословно: «вскормленный в большой тирании».

122, 5 сл. Это же пока только первый был разговор и, притом, разговор через внуха. Сохраняю чтение флорентийской рукописи, отказываясь от тех изменений, какие вносятся в этот текст Блэком.

123, 26 не доношу. Дословно: «не докладывал». В рукописи порча. Принимаю исправление Дорвиля $\chi\alpha\tau\langle\epsilon\mu\acute{\iota}\eta\nu\rangle\sigma\alpha$. В тексте флорентийской рукописи стоит глагол в форме аориста. Сохранились от слова только начальная часть и заключительная: $\chi\alpha\tau$. . . $\sigma\alpha$. На среднюю приходится лакуна в пять или шесть букв. Кобет предлагал $\chi\alpha\tau\langle\eta\upsilon\beta\acute{\rho}\epsilon\upsilon\rangle\sigma\alpha$, Блэк следует Кобету; другие придумывают еще иные возможности.

124, 20 сл. да как же иначе расположишь ты судьбу в свою пользу? Вслед за этой фразой читается во флорентийской рукописи другая: или как улучшить тебе свое положение? (ἢ σχεῖν κάλλιον). Блэк усматривает в ней маргиналию и как таковую исключает из текста. Мы сохраняем ее, поскольку она поддается переводу и не противоречит своим содержанием смыслу контекста.

124, 26 уже не применительно к ней. Сохраняю рукописное чтение οὐκ ὄτι 'εχεῖν, хотя правильность его многими оспаривается. Смысл выражения ясен. Рейске перевел: «id addebat non istius caussa, sed quod ipse sic sentiebat».

Книга VII

129, 13 хотя Дионисию раньше. Необходимое здесь слово «хотя» (εἰ) добавлено Блэком.

131, 7 И они обо всем рассказали. Следую чтению флорентийской рукописи, отказываясь от исправления «рассказал», предложенного Герхером и принятого в свое издание Блэком.

131, 21 палатку. Сохраняю, следуя Блэку, рукописное чтение σκηνήν.

137, 10 сл. когда остановилась перед ней Родогуна. В греческом оригинале текст этой фразы испорчен: в ней не хватает сказуемого. Дословно во флорентийской рукописи читается: «остановившаяся же близ нее Родогуна, дочь Зопира» и т. д. Между концом этой фразы и следующим абзацем («А Египтянин») имеется, несомненно, лакуна.

138, 18 Долго, очень долго. Сохраняем повторение слова πολὺν, дающее здесь особый стилистический эффект: вряд ли прав был Рейске, усматривавший в этом повторении явление диттографии.

140, 15 сл. Он ведь не только храбрый человек, но и добрый. Слова «но и добрый» добавлены мной по смыслу, в восполнение лакуны. Текст этой фразы во флорентийской рукописи оборван. Дословно в греческом оригинале читается: «он не только смел, но и». Далее следует лакуна размером почти в целую страницу.

141, 1 женщина, которую я там нашел. В греческом тексте продолжение этой фразы дает анаколуф: в тексте имеется, несомненно, какая-то порча. Непонятны и три непосредственно примыкающие к этой фразе слова: «которую я нашел, словно стоящей в боевом строю под Платеями» (ὧς ἐν Πλαταιαῖς τεταγμένην). Наречие «как» (ὧς) — дополнение Блэка. Платеи — это небольшой городок в Беотии, близ которого в 479 г. до н. э. произошла знаменитая платейская битва союзных греческих войск с персидскими. Сравнение Каллирои с платейским воином должно было очевидно служить характеристикой ее стойкости перед уговорами египтянина, бессильного заставить ее подняться с земли.

Книга VIII

150, 9 сл. и примирит его также и с остальными египтянами. Последнее слово добавлено мною в переводе для ясности. В греческом тексте стоит только «и с остальными».

152, 29 сл. прекрасное лежит между ними и мною море. Сохраняю рукописное чтение *καλή μὲν ἐν μέσῳ θάλασσα*, отказываясь от излишней, как мне думается, конъектуры Рейске, принятой Блэком: «водное большое пространство» (*πολλή* вместо *καλή*). Каллироя, как это в романе не раз отмечается, страстно любит море, и эпитет «прекрасное» лишь вновь характеризует это ее к нему отношение.

153, 8 между Хиосом и Тиром. Остров Хиос на Эгейском море и город Тир в Финикии находятся один от другого на очень значительном расстоянии, так что выражение «между Хиосом и Тиром» или «около (περὶ) Хиоса и Тира» страдает большой неопределенностью. Поэтому имеются все основания подозревать здесь какую-то порчу рукописного предания. Весьма возможно, что упоминание об острове Хиосе возникло тут в результате ошибочного смешения греческим переписчиком хорошо знакомого ему названия «Хиос» с близким последнему по звучанию негреческим названием какого-то финикийского города.

154, 23 сл. что Каллирой больше ему уже не увидеть. Точками отмечаем пропуск какого-то предложения во флорентийской рукописи. Восстановление лакуны предложено было Дорвилем и Кобетом и принято Блэком: «был и благодарен ему <за возвращение ему царицы, и страдал при мысли>, что Каллирой больше ему уже не увидеть».

154, 32 Пусть придет Дионисий. С этого места располагаем мы, кроме текста флорентийской рукописи, еще и текстом тебтунского папируса.

155, 4 особенно и выказал Дионисий. Слово «особенно» (*μάλιστα*) дает здесь не флорентийская рукопись, а папирус.

155, 26 сл. Радоваться: да как же я могу радоваться, находясь в разлуке с тобой? Текст этой фразы дается только папирусом.

155, 30 и слова эти он несколько раз перечитал. Местоимение «эти» (*{ταῦτα τὰ}*), в отличие от чтения флорентийской рукописи *τὰ αὐτὰ* («те же самые»), дает лишь папирус.

155, 34 посмотрел на своего ребенка. Флорентийская рукопись дает после этих слов странную по содержанию фразу, в которой издатели усматривают обычно, а по всей вероятности и справедливо, вставку одного из позднейших переписчиков текста. Вот эта фраза: «а ребенок, посмотрев на отца, подошел к нему и сказал: „Где моя мать, отец? Пойдем к ней!“». Несобразность этой вставки, думается, оче-

видна: младенец, родившийся на свет всего несколько месяцев тому назад, изображен здесь уже свободно рассказывающим по комнате и разговаривающим со своим отцом. Такая нелепость не может, конечно, принадлежать Харитону. Она производит впечатление читательской маргиналии, вкрапшейся потом в основной текст романа. Мы решили поэтому устроить ее из нашего перевода, как устранил ее из текста своего издания и Блэк.

156, 4 моя напрасная («пустая», *κενή*) ревность. Принимаю чтение флорентийской рукописи. В тебтунском папирусе стоит «моя новая (*καινή*) ревность».

156, 8 в деле управления многочисленными городами. Слово «многочисленными» (*πολλῶν*) дает только папирус.

156, 8 сл. и в портретных изображениях. Следуем папирусному чтению *εἰκόνας*, подтвердившему, между прочим, догадку Дорвиля, который именно так предлагал исправлять явно испорченное чтение флорентийской рукописи *οἰκήσεις* (т. е. дословно: «в жилищах» или «и в домах Каллирои»).

156, 11 доплыл. Здесь текст тебтунского папируса обрывается.

156, 12 все время находился он на корме. Сохраняю чтение флорентийской рукописи.

157, 25 Гермократ ринулся к шатру. После этих слов опять возобновляется текст тебтунского папируса.

158, 10 похорошела: принимаю старинную вставку, предложенную Рейске, *καλλίω* («стала еще красивее»).

158, 20 и евнухов его и наложниц. Эти слова принадлежат папирусу.

158, 25 сл. всем страстно хотелось и видеть обоих вернувшихся, и слышать их. И флорентийская рукопись, и папирусы дают чтение «их» (*αὐτούς*). Перевод «обоих вернувшихся» — перевод смысловой, а не дословный.

159, 5 уставшую после плаванья. На слове «плаванья» текст тебтунского папируса обрывается.

159, 20 или горьком: принимаю поправку Рейске *μικρότερον* взамен рукописного *μικρότερον* («меньшем»).

160, 25 сл. Воспитывается ведь. Сохраняю рукописное чтение «γάρ» («ведь»), считая ненужной конъектуру Набера «άρ».

161, 11 правителя Кари. Дословно: «стратега Кари».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Т. е. гражданин города Афродисии на острове Кипре или, что тоже возможно, малоазийского города Афродисиады.

² Ретор, т. е. правозаступник, Афинагор, писцом или, иначе говоря, секретарем которого был Харитон, — лицо, по мнению некоторых исследователей, не вымышленное, а историческое.

³ Богатый греческий город острова Сицилии на юге Италии, из всех сицилийских городов наиболее в V в. до н. э. могущественный.

⁴ Гермократ — крупный исторический деятель конца V в. до н. э. Будучи в пелопоннесскую войну стратегом, т. е. главнокомандующим, сиракузской республиканской армии, он одержал в 413 г. знаменитую морскую победу над афинянами, почти полностью истребив в водах сиракузской гавани сильный и дотоле бывший непобедимым афинский военный флот.

⁵ Нереидами назывались морские нимфы, в отличие от горных и лесных нимф и нимф пресноводных источников, ручьев и рек.

⁶ Красота Каллироя похожа была, иными словами, на красоту богини любви Афродиты в пору юности этой последней, когда Афродита сама была еще девушкой.

⁷ Эрот (у римлян Амур) — бог любви, юный сын Афродиты.

⁸ Молодой богатырь, Ахиллес или Ахилл, — главный герой Илиады.

⁹ Прославленный своей красотой один из греческих молодых витязей, бившихся под стенами Трои. «Смертный, прекраснейший всех, после дивного мужа Пелида» (т. е. после Ахиллеса), так сказано о нем в Илиаде (п. II, ст. 674).

¹⁰ Ипполит — сын мифического афинского царя Тезея, целомудренный юный красавец, падающий в трагедии Еврипида жертвой преступной страсти влюбившейся в него Федры, мачехи.

¹¹ Алквивад — военный и государственный деятель Афин второй половины V в. до н. э., в молодых годах отличавшийся красотой.

¹² Палестрами назывались школы гимнастики.

¹³ Эрот.

¹⁴ «Гимназиями» (от греческого слова «гимнос», «нагой», «голый») назывались в античной Греции физкультурные школы, где молодые люди выполняли нагими различные гимнастические упражнения.

¹⁵ Демагогом собрания был Эрот: иными словами, руководил собранием или вел собрание бог любви Эрот. Термин «демагог» складывается из двух понятий: *дем* (*дэмос* — народ) и *агог* (руководитель, слово общего корня с глаголом *аго* веду).

¹⁶ Местом народных собраний обычно бывал театр.

¹⁷ Венки из живых цветов и горящие факелы являлись необходимой принадлежностью обрядов античной свадьбы.

¹⁸ Автор имеет в виду все ту же историческую победу, которая одержана была в 413 г. до н. э. Гермократом над афинским флотом.

¹⁹ Илиада, п. XXI, ст. 114: часто встречающаяся в гомеровской поэзии формула эпического описания страха.

²⁰ Артемида, римским соответствием которой была Диана, является в античной мифологии владычицей диких зверей и богиней охоты.

²¹ Фетида, в греческой мифологии морская богиня, самая красивая и самая сильная из nereид, выдана была богами замуж за смертного, фессалийского царя Пелея, правителя мирмидонцев в окрестностях горы Пелиона. Плодом этого брака явился Ахиллес, главный герой сказания о Троянской войне.

²² Эрида (дословно: «распря») — богиня раздора. Согласно древнему мифу, боги, выдавая Фетиду замуж, не пригласили на свадьбу Эриду, на что Эрида обиделась и, в наказание, коварно вкатила к пировавшим на свадьбе богам и богиням «яблоко раздора»: на яблоке сделана была ею надпись — «самой красивой». Гера, Афина и Афродита тотчас между собой заспорили о том, кому же из них трех должно принадлежать яблоко, а их ссора послужила толчком к дальнейшим событиям, приведшим, в конечном счете, к жестокой и кровопролитной Троянской войне.

²³ Регий — греческий город в южной Италии на берегу Мессинского пролива.

²⁴ Акрагант, ныне Джирдженти, — большой греческий город на юго-западном берегу Сицилии.

²⁵ Каллироя к этому времени была уже беременна.

²⁶ Термином «*кбмос*» обозначалось веселое шествие молодых людей к дому возлюбленной, обычно к гетере, и исполнение перед входной дверью любовных песен под аккомпанемент кифары. Ночной комос у дверей дома Каллирои, устроенный неизвестными в отсутствие ее мужа, конечно, бросал на доброе имя молодой женщины тень и легко

мог вызвать в Херее ревнивые подозрения, на что как раз и рассчитывал инсценировавший обстановку комоса руководитель обиженных женихов, тиранн Акраганта.

²⁷ Параситами (дословно: «сотрапезниками» или «прихлебателями») назывались те, принадлежавшие к числу нетрудовых элементов общества, нередко весьма образованные, но опустившиеся, бездельные люди, которые в качестве приживальщиков столовались у богачей, отплачивая последним за их обеды приятными разговорами, лестью и всегдашней готовностью выполнить для хозяина любое, нередко сомнительного характера, поручение.

²⁸ В богатых домах того времени «абрами» (слово это звучало ласкательно) назывались молодые, приближенные к хозяйке, рабыни.

²⁹ Илиада, п. XVIII, ст. 22—24: скорбь Ахиллеса при получении им неожиданного известия о гибели его друга, Патрокла, убитого в бою Гектором.

³⁰ Плащ, набрасывавшийся древними поверх одежды.

³¹ Ариадна, дочь критского царя Миньоса, спасла Тезея, когда тот убил обитавшее в критском лабиринте чудовище, Минотавра: перед тем как войти в лабиринт, Тезей получил из рук Ариадны клубок, конец нитки которого Ариадна велела ему прикрепить у входа. Идя по лабиринту, Тезей постепенно разматывал данный ему клубок и благополучно вышел потом наружу, вновь сматывая в клубок эту путеводную нить Ариадны. Совершив свой подвиг, Тезей посадил Ариадну на свой корабль и повез ее к себе в Аттику, но по дороге причалил к одному острову, на берегу которого Ариадна крепко заснула. Пока же Ариадна спала, Тезей покинул ее и дальше уплыл без нее один. Но к покинутой подошел бог Дионис и, прельщенный красотой Ариадны, сделал ее своей супругой. Изображение спящей Ариадны было одной из излюбленных греческими художниками тем, в особенности в скульптуре.

³² Гоплиты — тяжеловооруженные пехотинцы.

³³ Покойника хоронили обычно не в гробу, а на погребальном ложе.

³⁴ Эфебами назывались юноши в возрасте от восемнадцати до двадцати лет, принадлежавшие к составу коренного гражданства и участвовавшие в государственной военно-учебной организации молодых людей, подготовлявшихся к военному делу.

³⁵ Фурии — греческий город в южной Италии, на берегу Тарентского залива.

³⁶ Мессена, или Мессина, или еще иначе Мессана, — греческий город в северо-восточной части Сицилии, на сицилийском берегу Мессинского пролива.

³⁷ Античный жест глубокого горя. Каллироя плачет, сидя на своем погребальном ложе и, согнув спину и охватив колени руками, кладет на колени, прижимаясь к ним щекой, свою голову.

³⁸ Над склепом, в котором погребена Каллироя, сооружен каменный могильный памятник: через него-то и стремятся грабители проникнуть в подземное помещение могилы.

³⁹ Иными словами, Афины были всегда переполнены иногородними богачами, постоянно туда съезжавшимися.

⁴⁰ В Афинах сикофантами назывались люди, шантажировавшие граждан, особенно греческих иногородних купцов, часто нарушавших, по незнанию афинских законов, местные установления. Заметив то или иное нарушение закона, сикофанты принимались грозить преступнику доносом, отступить от которого соглашались они лишь за взятку.

⁴¹ Верховное судилище в Афинах.

⁴² Высшие афинские власти.

⁴³ Т. е. богатства обширной Персии.

⁴⁴ Иначе говоря, из Персии.

⁴⁵ *Эриастэрион*: дословно «мастерская». Подобного рода лавочки, или «мастерские», служили одновременно и магазинами, торговавшими съестным, и дешевыми кабачками.

⁴⁶ Ионяне или ионийцы: так называлось, в экономическом и политическом отношениях наиболее передовое, греческое племя, населявшее покрытый цветущими торговыми городами западный берег Малой Азии и близлежащие острова. Именно в Ионии совершился ранее, чем в других частях античного мира, переход от старых форм экономического уклада к новым и сложилась типичная для Греции классического периода система полисного хозяйства. В Ионии же возникли и первые начатки греческой философии, там же сделаны были первые попытки литературной прозы, развилась художественная лирика и стали быстро крепнуть и совершенствоваться живопись и статуарное мастерство. «Вперед» же всей этой культурной жизни Ионии стоял город Милет, в окрестностях которого, в тихой, удобной бухте, и остановил Ферон свою лодку.

⁴⁷ Т. е. царя персидского.

⁴⁸ Город южной Италии, на западном берегу Тарентского залива.

⁴⁹ Сборщиков таможенных пошлин.

⁵⁰ «Вилла», или «дача», *Эпавлис*, — загородный дом Дионисия в его поместье.

⁵¹ Область в южной части Малой Азии, входившая тогда в состав персидской державы, издавна населенная греками.

⁵² Значительная по тому времени сумма денег, точная стоимость которой сейчас трудно определима. В V и VI вв. до н. э. аттический талант серебра равнялся, в переводе на наши деньги, примерно 1500 или 2000 золотых рублей.

⁵³ Удар в грудь служил у древних жестом глубокой скорби.

⁵⁴ В перстень Каллирои вделан был резной камень с портретным изображением Херея.

⁵⁵ «Гименей», или свадебная песнь в честь бога брачных уз Гименя.

⁵⁶ На городской площади находились присутственные места, в том числе и конторы нотариусов.

⁵⁷ Дионисий называет имя знакомого ему нотариуса.

⁵⁸ Жительница города Сибариса.

⁵⁹ Прислуживающие Каллирое женщины не рабыни, а свободные местные крестьянки.

⁶⁰ Т. е. на ее статую, на ее кумир, который стоит в ее храме.

⁶¹ Каллироя думает о венках («стефанах»), о лентах («тениях») и о других подношениях, какими она и Херей украшали культовые статуи Афродиты.

⁶² Т. е. мать переменчивого, непостоянного бога любви.

⁶³ Одиссея, п. XVII, ст. 486—487.

⁶⁴ Беззащитного Одиссея, занесенного бурей к нему на остров, царь Схерии Алкиной доставил на волшебном корабле обратно на его родину — на остров Итаку.

⁶⁵ Дионисий указывает на статую Афродиты, перед которой и происходит его разговор с Каллироей.

⁶⁶ Т. е. Елены, жены Менелая, бывшей родом из города Спарты, или, иначе, Лакедемона.

⁶⁷ Античный жест усиленной просьбы.

⁶⁸ Фока и Плангона — рабы, и Дионисий обещает Плангоне, что в случае удачного выполнения возлагаемого им на нее поручения он даст ей свободу.

⁶⁹ Сюжет мифа о Мееде, несчастной детоубийце, жене изменившего ей и бросившего ее Ясона, был знаменит в древнем мире благодаря трагедии Еврипида «Медея».

⁷⁰ «Скифиянки», т. е. Медеи. Миф помещал родину Медеи, Колхиду, на Кавказе, а Кавказ обычно включался древними в состав Скифии.

⁷¹ Братья-близнецы, Зетос и Амфион, были детьми смертной девушки Антиопы и бога Зевса, вступившего с ней в тайную связь. Антиопа, скрывавшая свою беременность, бросила родившихся у нее мальчиков-близнецов в лесах горы Киферона. Брошенных младенцев нашли пастухи и воспитали найденной. Антиопа тем временем попала в рабство к жестокой Дирке, от которой она, наконец, убежала в горы,

где и нашла своих сыновей, Зетоса и Амфиона. Оба они заступились за мать, вернули ее на родину, а Дирку убили.

⁷² Согласно легенде, будущий персидский царь Кир был при своем рождении отнят у матери и отдан дедом своим Астиагом, стремившимся погубить внука, царскому пастуху, которому он приказал бросить мальчика в дремучем лесу. Но пастух сжалился над ребенком, принес его к себе в деревню и воспитал, как родного сына. Когда Кир подрос, он случайно был опознан Астиагом, уже раскаявшимся в своем поступке, и впоследствии стал основателем могущественного персидского царства.

⁷³ Илиада, п. XVI, ст. 66—67: явление Ахиллесу призрака убитого Гектором Патрокла, которого спящий Ахиллес видит перед собой во сне.

⁷⁴ Женские комнаты в античной Греции помещались обычно во втором этаже.

⁷⁵ Беременная Каллироя прикладывает к своему животу перстень с драгоценным камнем, на котором вырезано портретное изображение Херея.

⁷⁶ Эротом. Каллироя вспоминает клятву, которой она заставила поклесться ей в верности и которой вместе с ним клялась и сама она.

⁷⁷ Т. е. за младенца, которым Каллироя беременна.

⁷⁸ Морская нимфа.

⁷⁹ Народная вера допускала легко, что статуя может вдруг чудесным образом оживать, сходять с пьедестала и двигаться. Античные как простонародные, так и жреческие храмовые легенды не раз об этом рассказывали.

⁸⁰ Т. е. богиня судьбы или случайности, по-гречески «Тюхе», римским соответствием которой была богиня Фортуна.

⁸¹ Обычной формой почитания мертвого было совершение возлияния на его могилу смеси воды, молока и меда.

⁸² Об Ариадне см. выше, прим. 31.

⁸³ Фиванская царевна Семела, тайно сочетавшаяся с богом Зевсом, родила от него Диониса.

⁸⁴ Слова эти мысленно обращает Херей к Каллирое, которую он считает мертвой: отсюда и эпитет «владычица», почтительно прилагаемый им к покойнице.

⁸⁵ Ливией называли греки северное побережье Африки.

⁸⁶ Так называлась южная часть Адриатического моря, отделяющая западные берега Греции от Италии и Сицилии.

⁸⁷ По-гречески «Прóнойя», поэтическая персонификация заботы богов о людях.

⁸⁸ Жест, выражающий чувство острого горя.

⁸⁹ Т. е. обманывающую часто людей «надежду».

- ⁹⁰ Т. е. житель острова Крита.
- ⁹¹ Кефалления — греческий остров, ныне Корфу, близ западного побережья Балканского полуострова.
- ⁹² По народному поверью античных греков, гибель корабля в море могла вызываться присутствием грешника на его борту, а спасение человека в бурю приписывалось нравственной чистоте спасенного.
- ⁹³ Старинное, принадлежащее гомеровскому эпосу, выражение, постоянно встречающееся как в Илиаде, так и в Одиссее.
- ⁹⁴ Ферон.
- ⁹⁵ Одно из орудий пытки.
- ⁹⁶ Т. е. рыбаку.
- ⁹⁷ Триера, командуя которой в качестве стратега, Гермократ разбил в свое время афинский флот.
- ⁹⁸ Илиада, п. XXII, ст. 82—83: слова Гекубы, матери Гектора, обращаемые ею к сыну, на которого она смотрит с крепостной башни, умоляя его не вступать в поединок с могучим Ахиллесом.
- ⁹⁹ Посейдон, римским соответствием которому является Нептун, у древних греков был главным богом моря.
- ¹⁰⁰ Илиада, п. XXI, ст. 114. См. выше, прим. 19.
- ¹⁰¹ Младшая служительница при храме, помощница жрицы.
- ¹⁰² Т. е. в одно из соседних, находившихся в той местности, персидских сторожевых укреплений, охранявших морское побережье.
- ¹⁰³ Кария, область в юго-западной части Малоазийского полуострова. На побережье Карии стоял и город Милет.
- ¹⁰⁴ Основным содержанием античного жертвоприношения в обрядах культа олимпийских, т. е. светлых (а не «почвенных», подземных) божеств являлся жертвенный пир, в состав блюд которого входило мясо животного, зарезанного в подношение богу.
- ¹⁰⁵ «Гекатомбой» (дословно: «сто коров») называлась жертва, исключительно большая по количеству закалывавшихся животных.
- ¹⁰⁶ И Афина, и Артемида были обе богинями-девственницами, не знавшими материнства.
- ¹⁰⁷ Немезида — богиня мстительной зависти, карающая человека за всякую чрезмерную или не заслуженную им удачу.
- ¹⁰⁸ Каллироя словами этими намекает на родившегося у нее от Херея ребенка.
- ¹⁰⁹ Посыпание головы землей, пеплом или пылью служило выражением глубокой скорби по случаю смерти близкого.
- ¹¹⁰ Слова тени мертвого Патрокла, обращаемые ею к спящему Ахиллесу: Илиада, п. XXIII, ст. 41.
- ¹¹¹ Стих из Одиссея (п. XXIV, ст. 83), в котором говорится о высоком могильном холме Ахиллеса, сооруженном ему ахейцами на берегу Геллеспонта.

112 Сатрапами назывались полномочные правители областей персидской монархии, являвшиеся наместниками царя.

113 Область в юго-западной части Малой Азии: в ее состав входил и город Милет, в котором жили Дионисий и Каллироя. См. выше, прим. 46.

114 Пограничная с Карией, к северу от нее, область в Малой Азии, примыкающая, как и Лидия, своей западной стороной к побережью Эгейского моря.

115 Двух знаменитых красавиц греческой мифологии: Ариадны, возлюбленной аттического героя Тезея, и Леды, возлюбленной Зевса, родившей от него знаменитейшую красавицу Елену.

116 В знак траура.

117 Выражения «белолокотная» и «стройноногая» — обычные гомеровские эпитеты богинь-красавиц.

118 Полихарм.

119 Плащи.

120 За жертвенным пиром.

121 В тех случаях, когда атлеты состязались попарно один с другим (например в условиях кулачного боя), число же участников в состязании было нечетное (трое, пятеро и т. д.), — этот дополнительный, лишний атлет, называвшийся «эфедром», дословно «подсидивающим», обязан был выжидать окончания состязания борющейся пары и вступать в борьбу с тем, кто остался победителем в этой паре. Не расходовавший своих сил «эфедр», естественно, имел преимущество перед своим, уже усталым, противником.

122 Слова богини Афины (Одиссея, п. XV, ст. 21) о женском непостоянстве.

123 Греческий городок в Карии.

124 Один из высших магистратов города.

125 Демосии — государственные рабы, нередко исполнявшие в греческих городах низшие полицейские обязанности.

126 Часто встречающийся у Гомера стих, дающий поэтическое изображение переживаемого человеком чувства внезапного страха. См. выше, стр. 9 (кн. I, гл. I).

127 Одиссея, п. XVII, ст. 37: о Пенелопе, жене Одиссея.

128 Стих этот принадлежит тексту одной из новоаттических комедий; к сожалению, имя ее автора не поддается сколько-нибудь точному выяснению.

129 На пути следования Дионисия и Каллирои Сирия была первой страной, лежавшей уже за пределами Малой Азии. Она находилась между Киликией и Месопотамией. С запада она омывается Финикийским морем, а с востока водами реки Евфрата.

¹³⁰ Киликия — приморская область в юго-восточной части Мало-азиатского полуострова.

¹³¹ По распространенному в античности верованию, человек после смерти становился в погустороннем мире добрым гением, или, дословно, «добрым божеством» (*αιατός δαίμων*), для тех, кем он был при жизни любим и кого сам любил.

¹³² Возлияние, приготавливавшееся всего чаще из сладкой смеси ключевой воды, молока и меда и возливавшееся на могильную насыпь или на могильный памятник, являлось одной из самых обычных форм звуковой культуры мертвых в античной древности.

¹³³ Бактры и Сузы — два важных города в глубине Азии, Сузы — к востоку от реки Тигра, а Бактры еще дальше от Малой Азии, к югу от нынешней Аму-Дарьи (античного Окса).

¹³⁴ Илиада, п. XVIII, ст. 23—24: Ахиллес, в знак горя, посыпает свою голову пеплом при получении известия о смерти Патрокла.

¹³⁵ Под «варваром-пастухом» разумеется троянский царевич Парис, который в условиях простоты древнейшего мифологического быта пас на горных пастбищах горы Иды, согласно легенде, стада своего отца, царя города Трои, Приама. С Парисом бежала от своего мужа в Трою соблазненная им Елена, жена спартанского царя Менелая, изменив с ним мужу в той самой Спарте, которая позже, в историческую эпоху античной Греции; славилась, как известно, особой строгостью нравов.

¹³⁶ Армамакса — название персидской крытой повозки.

¹³⁷ Согласно обычаям страны, персидской царице нельзя было показываться перед народом.

¹³⁸ Автор романа шутливо отмечает, что вопрос о первенстве был решен здесь открытым голосованием путем поднятия рук, совсем так, как делалось это в греческих народных собраниях, обычным местом заседания которых чаще всего служили, как известно, вмещающие в себя большие массы граждан здания городских театров.

¹³⁹ Бактриана — одна из важных персидских сатрапий в Центральной Азии, с главным городом Бактры, расположенным близ горных отрогов Паропамиза (ныне Гиндукуш), — являлась страной, в которой была очень сильна старинная персидская родовая аристократия.

¹⁴⁰ Совершавшиеся в Пелопоннесе, на юге Греции, в городе Олимпии раз в четыре года знаменитые, состоявшие из различных видов физкультурной борьбы и конских ристаний, состязания собирали зрителей со всех концов греческого мира.

¹⁴¹ Священные ночи элевсинских мистерий, сопровождавшиеся торжественными процессиями и богатыми жертвенными пирами, празднова-

лись в городке Элевсине, расположенном на берегу моря в Аттике, недалеко от Афин.

¹⁴² Командиры различных военных подразделений.

¹⁴³ Илиада, п. IV, ст. 1.

¹⁴⁴ Длинный и широкий, наподобие плаща, кафтан без рукавов.

¹⁴⁵ Гомера.

¹⁴⁶ Илиада, п. III, ст. 146: сидящие на крепостной башне старцы города Трои любят на Елену, тоже поднявшуюся на башню к ним, чтобы смотреть оттуда на битву.

¹⁴⁷ Одиссея, п. I, ст. 366: о вышедшей в зал к своим женихам Пенелопе, красота которой каждого из них заставляет мечтать о счастье быть ее мужем.

¹⁴⁸ Слова Дионисия «возьми и читай» обращены к должностному лицу, на обязанности которого в греческих судах лежало оглашение письменных документов.

¹⁴⁹ Эта фраза обращена Митридатом к Дионисию.

¹⁵⁰ Дионисий.

¹⁵¹ Протесила^э, один из героев Троянской войны, был первым убит троянцами при высадке греков на малоазийский берег. Его молодая жена Лаодамия, вышедшая за него замуж накануне начала военных действий, впала в отчаяние при известии о смерти мужа, и ее стоны дошли до слуха убитого: мертвый Протесилай поднялся из своей могилы, пришел к Лаодамией и утешил жену в ее жгучей скорби.

¹⁵² «Воспитатель» по-гречески «педагог», иначе говоря — «дядька», т. е. тот слуга (раб), на которого в богатых домах древней Греции возлагался присмотр за ребенком (мальчиком).

¹⁵³ Т. е. перед поставленной на могиле каменной плитой.

¹⁵⁴ Слова «муж и ребенок» — слова, может быть, надписи, которая будет вырезана, по мысли Херей, на его надгробной стеле. Смысл их, однако же, недостаточно ясен: текст в этом месте, видимо, поврежден.

¹⁵⁵ Илиада, п. XXII, ст. 389—390: это говорит Ахиллес, мысленно обращаясь к своему ближайшему другу Патроклу. Херей хочет сказать: пусть наступит после смерти забвение, но память о тебе, Каллироя, я и на том свете сохраняю.

¹⁵⁶ Илиада, п. XXIV, ст. 10—11: изображение бессонницы Ахиллеса.

¹⁵⁷ «У тебя» — Дионисий обращается к самому себе, ища совета в глубине собственной души которая теперь ему как бы и отвечает: «Неужели ты, Дионисий, не понимаешь, что ты влюблен?» — таков смысл ее ответа.

¹⁵⁸ Дословно: «сам Эрот», т. е., иначе, «сам бог любви».

¹⁵⁹ Солнце было предметом религиозного культа у персов. В духе греческой мифологии оно названо здесь божественным предком персидских царей.

¹⁶⁰ На знаменитых, повторявшихся каждые четыре года, состязаниях в городе Олимпии (на юге Греции, в Пелопоннесе) происходили конские бега на колесницах, борьба, соревнование в прыжках и некоторых других видах спорта.

¹⁶¹ Победитель на состязаниях обычно получал почетную, но малоценную материальную награду.

¹⁶² Греческое выражение «перомения» значит дословно «священный месяц».

¹⁶³ «Туков воя» — перевод Гнедича. Иначе говоря, «благоухание жира» — приятный запах сжигаемых на алтаре частей жирного мяса животного, заколотого в жертву богу.

¹⁶⁴ Илиада, п. I, ст. 317: умиловительная жертва ахейцев разгневанному на них богу Аполлону.

¹⁶⁵ Т. е. перед Эротом.

¹⁶⁶ Т. е. в лице Артаксеркса.

¹⁶⁷ Мать главного героя Илиады, Ахиллеса, могучая морская нимфа Фетида изображалась в греческих мифах одной из самых красивых, а в моральном отношении и одной из самых строгих богинь.

¹⁶⁸ Старинная греческая пословица.

¹⁶⁹ Высокий головной убор.

¹⁷⁰ Кривая персидская сабля.

¹⁷¹ Во время быстрой ходьбы, особенно в лесу на охоте или при верховой езде греческие женщины подтягивали выше колен свою долгополую одежду. В подтянутом хитоне обычно изображалась античным искусством и «охотница» Артемиды.

¹⁷² Тайгет и Эримант — горы в Пелопоннесе, на юге Греции.

¹⁷³ Одиссея, п. VI, ст. 102—104.

¹⁷⁴ В тексте флорентийской рукописи имеется вслед за этой фразой небольшая лакуна. В утраченной части текста царь во время охоты обращался, очевидно, с какими-то словами к Артаксату: дальнейший, сохранившийся после лакуны, текст открывается обращенной к царю репликой Артаксата.

¹⁷⁵ В сухопутном сражении при Марафоне в 490 г. до н. э. и в морском бою при Саламине в 480 г. до н. э. разбиты были афинянами предки Артаксеркса, персидские цари Дарий и Ксеркс.

¹⁷⁶ Город в низовьях Нила, на восточном рукаве его дельты.

¹⁷⁷ Вооруженные боевыми косами или серпами (слово «дрепанон» по-гречески значит «серп»); эти «дрепанефорные» колесницы, которые во время сражения, быстро несясь вперед пущенными вскачь лошадьми,

на полном ходу поражали своим серповидным оружием передовые линии вражеского войска.

¹⁷⁸ См. выше, стр. 62, кн. III, гл. 4. Одиссея, п. XVI, ст. 11 и 351.

¹⁷⁹ В греческих городах евпатридами назывались граждане, принадлежавшие к числу местной родовой знати.

¹⁸⁰ Илиада, п. XXII, ст. 304—305: слова Гектора перед смертельным поединком его с Ахиллесом.

¹⁸¹ Келесирия, или, дословно, «глубокая», т. е. находящаяся в долине, «Нижняя Сирия», страна, расположенная между горами Ливаном и Антиливаном.

¹⁸² Главный, а в описываемую эпоху, т. е. в V в. до н. э., и очень важный как в военном, так и в торговом отношении город.

¹⁸³ Персидский царь Артаксеркс.

¹⁸⁴ Главная египетская крепость в северо-восточной части Египта, защищавшая страну от нашествия врагов со стороны Азии.

¹⁸⁵ Т. е. в Египте.

¹⁸⁶ Другое название персов.

¹⁸⁷ Перефразировка слов Диомеда, обращаемых этим героем к Агамемнону в Илиаде (п. IX, ст. 48—49). Агамемнон, старший князь греческого союзного войска и его военный руководитель, отчаяваясь взять Трои, малодушно на совещании вождей предлагает бежать (ст. 27 сл.): «должно бежать, — говорит он, — возвратимся в драгое отечество наше; нам не разрушить Трои, с широкими стогнами града» (перев. Гнедича). Диомед возмущен этим предложением. Пусть бежит, кто хочет, так заявляет он Агамемнону: он, Диомед, и его друг Сфенел вдвоем останутся биться под Троей: «Я и Сфенел остаемся и будем сражаться, доколе Трои конца не найдем; и надеюсь, с богом пришли мы!» (ст. 48 сл.).

¹⁸⁸ Херей вспоминает знаменитый военный эпизод из истории начала греко-персидских войн, когда в 490 г. до н. э. спартанский царь Леонид во главе отряда в триста спартиатов мужественно защищал узкий Фермопильский проход и погиб геройской смертью вместе со своим отрядом, полностью, до последнего воина, павшим в бою.

¹⁸⁹ Пятьсот мириад, или пять миллионов, — цифра, которой условно определялась численность огромной армии Ксеркса.

¹⁹⁰ Мильтиад — главный герой сражения греков с персами при Маратоне, в Аттике, в 490 г. до н. э.

¹⁹¹ Илиада, п. XIII, ст. 131 и п. XVI, ст. 215.

¹⁹² Илиада, п. X, ст. 483 и Одиссея, п. XXII, ст. 308.

¹⁹³ Т. е. не участвовал в торжественных пиршествах, на которые, согласно греческому обычаю, приходило полагалось в венке из живых цветов.

¹⁹⁴ Стадий — мера длины, около одной пятой километра.

¹⁹⁵ Артаксеркс.

¹⁹⁶ Херей имеет в виду победу афинян в 480 г. до н. э., когда в морском проливе между западным побережьем Аттики и островом Саламинском союзным греческим флотом во главе с афинским, которым командовал тогда афийский гражданин Фемистокл, разбит был персидский флот царя Ксеркса.

¹⁹⁷ Слово «наварх» означало в Греции начальника флота. По своему содержанию оно близко нашему термину «адмирал».

¹⁹⁸ «Триерарх», или «начальник триеры», т. е. капитан военного судна.

¹⁹⁹ По-гречески «στόα» значит «портик» или «крытая колоннада». Днем в таких портиках собирались люди, искавшие защиты от лучей солнца.

²⁰⁰ Т. е. не готовили на огне пищи, не жарили и не варили.

²⁰¹ Между текстом этой фразы и следующей за нею («он сделает тебя своей женой») в греческой рукописи имеется пропуск: лакуна здесь очевидна, так как заключительные слова египетского воина обращены уже не к Статире, а к Каллирое. Определить в точности размер лакуны, нами условно обозначаемой точками, возможным не представляется, но, во всяком случае, размер этот довольно значителен: пропавший текст занимал, конечно, не мало строк.

²⁰² Наварх, т. е. Херей.

²⁰³ Каллирою.

²⁰⁴ См. прим. 31.

²⁰⁵ Каллирою.

²⁰⁶ Троянский царевич Парис, или, иначе, Александр, как он часто называется в мифах, получил Елену из рук самой Афродиты.

²⁰⁷ Афродита.

²⁰⁸ Одиссея, п. XXIII, ст. 296: о вновь свидевшихся друг с другом Одисее и Пенелопе.

²⁰⁹ Кипр — остров Средиземного моря близ южных берегов Малой Азии, к западу от Арада.

²¹⁰ *Raphos* — главный город на острове Кипр со старинным, знаменитым в древности, святилищем Афродиты.

²¹¹ Благоприятные или неблагоприятные знамения открывались расположением внутренностей животного, приносимого в жертву, и степенью отклонения их формы, особенно печени, от нормального положения.

²¹² Т. е. спартаец.

²¹³ Брасид — знаменитый лакедемонский военачальник, один из виднейших спартанских военных деятелей эпохи Пелопоннесской вой-

ны, стяжавший жаркие симпатии и у современников, и у потомков и доблестно павший в 422 г. под Амфиполем в сражении против афинян.

²¹⁴ Подразумевается: «египтянами».

²¹⁵ Кипряне, жители Кипра, были в основном греки.

²¹⁶ *Грамматидий*, по форме являвшийся небольшим складнем, состоял из двух, соединенных по одному из своих краев шарниром, деревянных табличек, вделанных в рамки и плотно покрытых воском, на который пишущий наносил свой текст заостренным концом деревянной же палочки, напоминавшей собой наш старинный грифель или стелу скульптора. Грамматидием пользовались главным образом в частной переписке. Когда текст письма бывал занесен на его вошпаную поверхность, складень закрывался и перевязывался шнурком, концы которого скреплялись затем восковой печатью.

²¹⁷ Иначе говоря: царю не трудно будет посылать в Сиракузы адресуемые к Каллирое письма Статиры с нарочным. Правильно организованной «почты» античный мир не знал.

²¹⁸ Т. е. египетскому флоту Димитрия.

²¹⁹ Греческий остров близ западного побережья Малой Азии.

²²⁰ Илиада, п. XIX, ст. 302: изображается древний обряд заплачки: над Патроклом, павшим в бою от руки Гектора, горько рыдают невольницы, причем каждая из них вспоминает втайне о потере собственного близкого. Разумеется, в тексте Илиады читается имя не Статиры, а Патрокла.

²²¹ В рукописи имеется здесь какой-то пропуск.

²²² Может быть, Харитон по рассеянности повторяет здесь то самое, о чем у него уже выше говорилось в пятой главе VII книги.

²²³ Реминисценция из Илиады (п. VI, ст. 474), где в сцене прощания Гектора с Андромахой Гектор берет на руки своего сына-младенца Астианакта, целует его и качает.

²²⁴ Открытое море для больших, хорошо построенных кораблей представляло несравненно меньшую опасность, чем плавание близ берегов, где подводные скалы и мели грозили во время бури гибелью античному судну.

²²⁵ Такая погода по-гречески называлась «галбне»: античным военным судам, ходившим, особенно в момент боя, не под парусами, а на веслах, бывала она самой желанной.

²²⁶ Т. е. после знаменитой морской битвы сиракузского флота с афинским в бухте Сиракуз в 413 г. до н. э., когда Гермократ одержал свою блистательную победу.

²²⁷ Т. е. товарищи по военной школе, которую обычно проходили в Греции все свободные молодые люди в возрасте эфебов.

²²⁸ Согласно мифу, Афродита родилась из пены морской. Греческое искусство любило изображать эту богиню нагой в момент ее выхода из волн морского прибоя, так называемую Афродиту «*анадиомёну*» (дословно: «вынырывающую»).

²²⁹ Излюбленным местом народных собраний в греческом мире бывал городской театр.

²³⁰ Автор имеет в виду день все той же знаменитой морской победы сиракузян над афинянами, упоминание о которой не раз вновь и вновь возвращается в его романе.

СОДЕРЖАНИЕ

Повесть о любви Херея и Каллирон

Книга первая	7
Книга вторая	30
Книга третья	50
Книга четвертая	74
Книга пятая	90
Книга шестая	111
Книга седьмая	128
Книга восьмая	142

Приложения

Повесть Харитона как особый литературный жанр поздней античности. <i>И. Толстой</i>	167
Краткий текстологический комментарий. <i>И. Толстой</i>	184
Примечания. <i>И. Толстой</i>	198

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор Издательства *В. А. Браиловский*
Технический редактор *Р. С. Певзнер*
Корректоры *Н. А. Браиловская и А. В. Сорокина*

*

РИСО АН СССР № 4822. Пл. № 64—5В.
Подписано к печати 3/II 1954 г. М-16760.
Бумага 70 × 92/16. Бум. л. 6³/₄. Печ. л.
15.80. Уч.-изд. л. 10.48. Тираж 10 000.
Зак. № 816. Номинал по преискуранту
1952 г. 7 р. 80 к.

1-я тип. Издательства Акад. Наук СССР.
Ленинград, В. О., 9-я линия, д. 12.

